

Лецзы

Глава 1

ВЛАСТЬ ПРИРОДЫ [1. За этим идеалистическим толкованием названия первой главы, впервые введенным в VIII в. (см. Ян Боцзюнь, стр. 1), следуют многие, в том числе буржуазные синологи-переводчики: Р. Вильгельм «Откровения невидимого мира» («Offenbarungen der Unsichtbaren Welt», — см. Wilhelm, Liu Dsi, S. 1) и А. Грэм «Дары небес» («Heaven's Gifts», — см. Graham, p. 14). Споры о философском понимании термина тянь все еще продолжаются (см. сообщение о дискуссии на кафедре истории китайской философии в Пекинском университете, — «Гуанмин жибао», 18.VII.1962 г.).]

Учитель [2. Такое обозначение Лецзы показывает, что записи речей принадлежали не ему самому, а кому-то из учеников или последователей его школы.] Лецзы [3. Лецзы, или Ле Защита Разбойников (Юйкоу), — по-видимому, ученик ученика Лаоцзы. См. гл. 1, прим. 10, 11 <и Предисловие, стр. 6, 32-34>.] прожил на болотах [царства] [4. В квадратные скобки здесь и ниже заключены добавления от переводчика, связанные с лаконизмом древнего текста и требованиями русского языка; в угловые скобки — варианты перевода, текста и отдельных знаков в особо сложных случаях.] Чжэн [5. Чжэн — родина Лецзы, одно из многих царств Китая до объединения страны в III в. до н.э., находилось на территории современной провинции Хэнань.] сорок лет, пребывая в неизвестности. Царь, сановники, благородные мужи не выделяли его [из] толпы. В голодный год [он] собрался уйти в зятя <переселиться> [6. Уйти в зятя — совр. цзя — № 5734 (иероглифы здесь и ниже даются по: И.М. Ошанин, Китайско-русский словарь, М., 1959) в древности — без детерминатива, здесь принят в значении «переселиться в дом жены», поскольку родной дом Лецзы остался в царстве Чжэн.] в [царство] Вэй [7. Вэй — (№ 3028) одно из древних царств Китая, находившееся на территории современных провинций Хэнань и Хэбэй].]

Ученик его спросил:

— Преждерожденный [8. Преждерожденный (сяньшэн) — в древности почтительное обращение к старшему, позже приобрело значение «учитель», «господин».] уходит, не назначив срока возвращения? Что преподаст [мне] Преждерожденный? Дозвольте [мне], ученику [9. «[Мне], ученику» — в древности вместо употребления местоимений собеседники чаще называли себя и' обращались друг к другу по имени или званию.], задать вопрос: не слышал ли Преждерожденный речей учителя Лесного с Чаши-горы [10. Учитель Лесной с Чаши-горы (Хуцзюцзы Линь, или Хуцзы) — учитель Лецзы, родом из того же царства Чжэн. Фамилия его, по-видимому, Шан, так как далее он называется еще Старым Шаном (Лао Шан). В «Чжуанцзы» (171-172), о нем говорится также, как об учителе Лецзы; в «Весне и осени Люя» (цз. 15, VI, 167) — как об учителе Цзычяня (Гунсунь Цяо). Зафиксированные в «Исторических записках» (цз. 42) даты жизни Цзычяня

(начало его деятельности как сановника царства Чжэн — 554 г. и смерть — 496 г.) дают возможность определить и время жизни Хуцюцзы, современника Цзычаня.]?

Учитель Лецзы улыбнулся и ответил:

— Какие же из речей учителя с Чаши-горы? Хотя попробую тебе поведать, что я слышал, когда учитель [Лесной] говорил Дяде Темнеющее Око [11. Дядя Темнеющее Око (Бо Хуньмоужэнь), или Дядя Высокий (Бо Гаоцзы), — также ученик Хуцюцзы, учитель и друг Лецзы. В «Чжуанцзы» (157-158) имеется вариант имени — Бо Хуньужэнь, он — также учитель, т.е. современник Цзычаня. Эти данные позволяют уточнить и время жизни самого Лецзы (примерно конец VI в. — начало V в. до н.э.) и поставить под сомнение традиционные даты (V в. — начало IV в. до н.э.).]. Вот его слова:

«Существуют рожденный и нерожденный, изменяющийся и неизменяющийся [12. Фрагмент посвящен философскому понятию материи и ее формам, как конечному и бесконечному в их противоположности и взаимосвязи.]. Нерожденный способен породить рожденного, неизменяющийся способен изменить изменяющегося. Рожденный не может не родиться, изменяющийся не может не изменяться. Поэтому всегда рождаются и всегда изменяются. Всегда рождающиеся, всегда изменяющиеся все время рождаются, все время изменяются. Таковы жар и холод [13. Жар и холод (ян и инь) — основные силы в древней китайской космогонии, которые обозначали энергию тепла. <См. Предисловие, стр. 9-10.>], четыре времени года.

Нерожденный как будто единственный, неизменяющийся [движется] то туда, то обратно. Время его бесконечно, путь [14. Фрагмент посвящен философской категории «путь» — дао, лежащий в основе учения даосизма и давшей ему название. <См. Предисловие, стр. 8-9.>] единственного как будто беспределен».

В преданиях о Желтом Предке [15. К преданиям о Желтом Предке <(см. Предисловие, прим. 76)> здесь отнесено изречение Лаоцзы («Дао дэ цзин», §6). Неточности в указании источника, как и в цитировании, объясняются устной передачей произведений в ту эпоху.] говорится:

«Пустота — бессмертна, назову ее глубочайшим началом.

Вход в глубочайшее начало назову корнем неба и земли.

[Глубочайшее начало] бесконечно, как существование, и действует без усилий».

Поэтому-то порождающий вещи [16. Философскому термину «вещи» соответствует китайское слово у, означающее предметы неодушевленные и одушевленные.] не рождается, изменяющий вещи не изменяется. [Вещи] сами [17. «Сами» — прием повторения, необходимый для того, чтобы подчеркнуть тезис о саморазвитии всех существ, направленный против идеалистического учения о сознательной воле небес, <см. также «Чжуанцзы», стр. 247>.] рождаются, сами развиваются, сами формируются, сами окрашиваются, сами познают, сами усиливаются, сами истощаются, сами исчезают. Неверно говорить, будто кто-то <намеренно> порождает, развивает, формирует, окрашивает, [дает] познание, силу, [вызывает] истощение и исчезновение.

Учитель Лецзы сказал:

— В старину мудрые люди считали жар и холод общей основой вселенной [18. Тяньди, — небо и земля, вместе взятые, у даосов чаще всего обозначали вселенную или природу.]. Откуда же появилась вселенная, если обладающий формой возникает из бесформенного?

Оттого и говорили:

— Существует первонепостоянство, существует первоначало, существует первообразование, существует первоэлемент [19. Фрагмент посвящен космогонии Лецзы, разработанной более подробно и конкретно, чем у Лаоцзы (вар. см. «Чжуанцзы», 191).] При первонепостоянстве еще нет воздуха [20. Воздух, эфир (ци) Лецзы (а за ним Чжуанцзы и Ван Чун — I в. н.э.), как и древнегреческий философ Анаксимен, принимал за первовещество, отождествляя таким образом материю в целом и отдельный ее вид.], первоначало — начало воздуха, первообразование — начало формы, первоэлемент — начало свойств [вещей]. Все вместе — воздух, форма, свойства — еще не отделились друг от друга, поэтому и называются хаосом. Хаос — смешение тьмы вещей, еще не отделившихся друг от друга. «Смотрю на него, но не вижу, слушаю его, но не слышу», следую за ним, «но его не обретаю» [21. «Дао дэ цзин», §14.]. Поэтому и называется [перво]непостоянство, что [перво]непостоянство не имеет наружных очертаний. [Перво]непостоянство развивается и превращается в одно [22. Ср. «Дао дэ цзин», §42: «Дао рождает одно, одно рождает два, два рождает три, а три — все существа. Все существа носят в себе инь и ян, наполнены ци и образуют гармонию».], одноразвивается и превращается в семь, семь развивается и превращается в девять [23. Семь, девять — числа, означавшие «множество», возможно, имеют нечто общее с символикой чисел в «И цзине». См. Ю.К. Шуцкий, Китайская классическая «Книга перемен», стр. 22.], девять — предел развития, снова изменяется и становится одним. Одно — начало развития формы. Чистое и легкое поднимается и образует небо, мутное и тяжелое опускается и образует

землю. Столкновение и соединение [легкого и тяжелого] воздуха образует человека. Оттого что во вселенной содержатся семена [24. «...семена» (цзин, а также цзи в двух вариантах знаков: № 7038, 7044). Ср. <стр. 45-46, 125, «Чжуанцзы», 189, 225,> «Дао дэ цзин», §21: «В нем (дао. — Л.П.) заключены семена». Мельчайшие семена, из которых формируются живые существа, растения и пр. «вещи» и на которые они снова распадаются, — это, возможно, древняя догадка о существовании атомов.], порождается и развивается [вся] тьма вещей.

Учитель Лецзы сказал:

— Небо и земля не всетворящи, мудрецы не всемогущи, тьма вещей не удовлетворяет все нужды. Дело неба порождать и покрывать сверху, дело земли — формировать и поддерживать снизу, дело мудрых — обучать и просвещать, [каждой из] вещей присуще [ее] дело. Однако и у неба есть недостатки [25. «И у неба есть недостатки» — этот атеистический тезис Лецзы разделяется и другими философами (Пэн Мыном, Тянь Пянем, Шэнь Дао). <См. «Чжуанцзы», 318.>] там, где у земли — преимущества; и вещи постигают то, в чем мудрецы терпят неудачу. Отчего? Оттого что порождающее и покрывающее [небо] не способно формировать и поддерживать, формирующая и поддерживающая [земля] не способна обучать и просвещать, обучающие; и просвещающие [мудрецы] не способны действовать вопреки тому, что присуще [вещам, а вещи] — не способны выйти за пределы того определенного, что им присуще. Поэтому путь природы — либо жар, либо холод, учение мудрых — либо милосердие, либо справедливость, у тьмы вещей — либо мягкость, либо твердость. Все они следуют за присущим [им] и не способны выйти за его пределы. Поэтому есть обладающий жизнью, есть и то, что порождает обладающего жизнью [26. Фрагмент посвящен противоположности и взаимосвязи между сущностью (материей) и ее многообразными формами, а также между субъективным (чувственным, человеческим) восприятием и объективной действительностью.]; есть обладающий формой, есть и то, что создает обладающего формой; есть обладающий звуком, есть и то, что дает звук обладающему звуком; есть обладающий цветом, есть и то, что дает цвет обладающему цветом; есть обладающий вкусом, есть и то, что дает вкус обладающему вкусу. То, что порождается рожденным, — смерть; но то, что порождает рожденного, никогда не кончается; то, что формируется в форму, — это сущность, а то, что формирует форму, никогда [формой] не обладает; произведенный звучащим звук слышен, а то, что порождает звучащее, никогда не звучит; порожденная цветом окраска ясно видна, а то, что порождает цвет, никогда не заметно; рожденный вкусом вкус ощущается, а то, что порождает вкусовое ощущение, никогда не обнаруживается: все это дело недеяния [27. Недеяние, как полагают комментаторы, — «высшая [форма] небытия, поэтому способно служить основой для тьмы изменений». Ср. «Дао дэ цзин», §2: «...Бытие и небытие порождают друг друга... длинное и короткое взаимно оформляются...»; 37: «Дао всегда в недеянии, но нет ничего, чего бы оно не делало». Категория, по-видимому, подобная «пустоте» у древнегреческих атомистов. В социально-этическом учении даосов под недеянием подразумевалась жизнь человека в соответствии с законами природы в противовес деяниям правителей осуществлявшимся вопреки этим законам, см. «Чжуанцзы», 259.]. [Недеяние] способно быть жаром и холодом, способно быть мягким и твердым, коротким и длинным, круглым и квадратным, живым и мертвым, горячим и холодным, способно плавать и тонуть,

способно быть первым и вторым тоном гаммы, способно появляться и исчезать, быть пурпурным и желтым, сладким и горьким, вонючим и ароматным. [Недеяние] не имеет знаний, не имеет способностей, но нет того, чего бы оно не знало, нет того, чего бы оно не могло.

Учитель Лецзы, направляясь в Вэй, решил закусить у дороги. Его спутники заметили столетний череп [28. Фрагмент, близкий к притче, посвящен проблеме жизни и смерти как форме движения материи. Позже он вошел в «Чжуанцзы» <(225)> в более лаконичном варианте: Лецзы беседует не с учеником, а с черепом.] и, отогнув полынь, показали учителю.

Посмотрев [на череп, Лецзы] сказал своему ученику Бо Фыну [29. Бо Фын, по-видимому, также ремесленник, появляется и в другом фрагменте <(80-81)>, но уже в окружении своих учеников.]: — Только мы с ним понимаем, что нет ни рождения, ни смерти. Как неверно печалиться [о смерти]! Как неверно радоваться [жизни]!

Есть мельчайшие семена, подобные [икре] лягушки [30. В этом фрагменте излагается догадка Лецзы о единстве органического мира и его многообразии, о возникновении растений и животных и их развитии от простейших организмов к сложным, включая человека. Соединяя процесс самозарождения с влагой и гниением, Лецзы, а за ним Чжуанцзы <(225)> в какой-то мере перекликаются с Демокритом и другими древнегреческими философами. См. А.О. Маковельский, Древнегреческие атомисты, Баку, 1946, стр. 101.], [яйцу] перепелки. Попадая в воду, [они] соединяются в перепончатую ткань; на грани с сушей приобретают покров лягушки, раковину [моллюска]; на горах и холмах становятся подорожником. Подорожник, обретя удобрение от гнилого, становится [растением] воронья лога. Корни вороньей ноги превращаются в земляных и древесных червей, а листья — в бабочек; бабочки также изменяются и становятся насекомыми [31. Чунь — этот термин обозначает как класс насекомых, так и отряд пресмыкающихся, хотя для последних встречается и особое название э <(65)>]. [Когда насекомые] рождаются у соляного поля, то будто сбрасывают кожу и называются [насекомыми] цюйдо[32. «цюйдо...» — это и другие названия, данные в транскрипции, не поддаются отождествлению с современными.]. Цюйдо через тысячу дней превращается в птицу, ее имя — ганьюйгу. Слюна ганьюйгу становится сыми, сыми превращается в [насекомое] илу в пищевом уксусе. Илу пищевого уксуса порождает [насекомое] хуанхуан пищевого уксуса. От хуанхуан пищевого уксуса родится {насекомое} цзюю, от цзюю [насекомое] моужуй, от моужуй вошь на тыквах.

Баранья печень превращается в дигао, кровь коня превращается в блуждающие огоньки, и кровь человека превращается в блуждающие огоньки [33. «...блуждающие огоньки» — народное поверье.]. Сокол становится ястребом, ястреб — кукушкой, кукушка много

времени спустя снова становится соколом. Ласточка превращается в устрицу, крот — в перепела, сгнившая тыква — в рыбу, переросший порей — в петушинный гребешок, старая овца — в обезьяну, рыба икра — в червяка.

[Животное] Даньюань само себя оплодотворяет и рождает, это называется лэй. Водоплавающая птица родит от взгляда, называется птица-рыболов. [Есть породы] только самок — называются гигантские черепахи; [есть породы] только самцов — называются осы. В [стране] Дум [34. Страна Дум (Сы) — страна сказочная.] мужчина не [соединяется], а чувствует, женщина без мужа, а зачинает. Царь Просо [35. Царь Просо (Хоу Цзи) — основатель земледелия, герой одного из мифов, сохранившихся в гимне «Рождение народа» (см. «Хрестоматия по истории Древнего Востока», стр. 429).] родился от огромного следа, Найденный на Реке Инь [36. Найденный на реке Инь (И Инь) — легендарный советник основателя так называемой династии Шан-Инь, по традиции, относится к XVIII в. до н. э., <(см. «Чжуанцзы», 259)>.] родился в дупле шелковицы.

Из согретой сырости рождается папоротник, из вина [насекомое] сицзи. [Растение] янси, соединяясь со старым бамбуком, не дававшим ростков, порождает темную собаку, темная собака — барса, барс — лошадь, лошадь — человека. Человек состарившись уходит в мельчайшие семена. [Вся] тьма вещей выходит из мельчайших семян и в них возвращается [37. В этом фрагменте у Лецзы нет границы между предметами одушевленными и неодушевленными, однако ниже <(46)> он выделяет существа, «обладающие кровью» (сюэ ци). Этот термин см. также у Ван Чуна («Лунь хэн», VII, 203).].

В преданиях о Желтом Предке говорится:

— Движение формы [тела] порождает не форму, а тень [38. Абзац посвящен отличию явления от сущности, а также проблеме конечного и бесконечного, в частности — материалистическому объяснению смерти.]; движение звука — не звук, а эхо; движение <действие> небытия порождает не небытие, а бытие. Форма [тело] — это то, чему непременно придет конец. Придет ли конец небу и земле [вселенной]? Всему [ли] настанет; конец вместе с нами? Не знаем, наступит ли полный конец. Наступит ли конец пути, который, собственно, не имеет начала? Истошится ли [путь], который, собственно, не имеет <бытия во времени>? Обладавший жизнью становится снова неживым; обладавший формой становится снова бесформенным; неживое, собственно, не то, что не жило; бесформенное, собственно, не то, что не обладало формой. Живому, по-закону природы [39. «Закон природы» — ли в отличие от дао, всеобщего закона развития мира, обозначал, видимо, закон развития отдельных вещей.], непременно придет конец; как конечное не может не прийти к концу, так и живое не может не жить. Те, кто хочет жить постоянно, без конца, не знают границ естественных законов [40. Из того факта, что Лецзы отрицал бессмертие, можно заключить, что поиски возможности бессмертия велись и в то время.]. Жизненная сила [41. Жизненная сила (ниже — энергия, душа) — цзиншэнь,

по Лаоцзы, Лецзы и Чжуанцзы <(223, 249)> состояла, как и плоть, из материи, лишь иного свойства.] — это часть, [полученная] от неба; скелет [тело] — это часть от земли; чистое относится к небу и рассеивается, мутное относится к земле и соединяется [с ней]. Жизненная сила покидает форму и каждая из них возвращается к своему подлинному [состоянию]. Вот почему [душа умершего] называется гуй. Гуй означает возвращение, возвращение в свой подлинный дом.

Желтый Предок сказал:

— Как [могу] я еще существовать, [когда] душа проходит в свою дверь, а тело возвращается к своему корню? Человек от начала и до конца четырежды переживает великие изменения: младенчество в детстве, возмужание в юности, одряхление в старости, исчезновение в смерти. В младенчестве только воздух [энергия] приводит желания к единству и достигается высшая гармония. Вещи не наносят вреда [человеку, к полноте его] свойств [42. Свойства (дэ) — атрибуты <(см. Ян Хиншун, стр. 63 и сл.)>.] нечего добавить. Во время возмужания в юности воздух [энергия] в крови [43. Лецзы говорит о возрастных особенностях человека с естественнонаучных позиций. Ср. Конфуций о том же с точки зрения морали («Изречения», гл. 16. I, 359).] переливается через край, [человека] переполняют страсти и заботы, [он] подвергается нападению вещей, и поэтому свойства [его] ослабевают. Во время одряхления в старости Страсти и заботы смягчаются, тело готовится к отдыху, вещи [С ним] не соперничают. Хотя [свойства его] и не обладают той полнотой, что во младенчестве, но [они] более спокойны, чем в юности. Исчезая в смерти, [человек] идет к покою, возвращается к своему началу.

Странствуя по Горе Великой [44. Гора Великая (Тайшань) — одна из священных гор Китая, на территории современной провинции Шаньдун, другое название — Гора Преемства (Дайшань, 70).], Конфуций [45. Конфуций (Кунцзы, Кун Цю, Цю, Чжунни) — VI-V вв. до н.э. Poleмике с идеалистическим социально-этическим учением Конфуция, воспринятым позже господствовавшей в Китае религией, посвящен данный фрагмент, как и многие нижеследующие.] заметил Юна Открывшего Сроки [46. Юн Открывший сроки (Цицзи) — приверженец даосизма, о нем см. также «Хуайнаньцзы», цз. 11, VII, 184-185.], который бродил по пустынным окрестностям Чэн [47. Чэн — город в Лу. одном из древнекитайских царств, находившемся на территории современной провинции Шаньдун.]. Одетый в оленью шкуру, подпоясанный веревкой, [он] играл на цине [48. Цинь — струнный музыкальный инструмент.] и пел.

— Чему радуетесь [вы], Пржеждерожденный? — спросил Конфуций.

— Я радуюсь многому, — ответил тот. — Природа рождает Тьму существ, самое же ценное из них — человек. И мне удалось стать человеком. Такова первая радость. Мужчины и женщины отличаются друг от друга, мужчин уважают, женщин презирают, поэтому мужчина ценится выше. И мне удалось родиться мужчиной. Такова вторая радость. Человеку случается не прожить дня или месяца, [он умирает] не освободясь даже от пеленок. А я дожил уже до девяноста лет. Такова третья радость. Быть бедным — правило мужа; смерть — конец человека. Зачем же горевать, если я обрету конец, оставаясь верным правилу?

— Прекрасно! — сказал Конфуций. — Как умеете [вы] утешать самого себя!

Подобный Лесу [49. Подобный Лесу (Линь Лэй) — приверженец даосизма, см. также «Хуайнаньцзы», цз. 11, VII, 184-185.] достиг почти ста лет. В конце весны, [еще] одетый в шубу, он шел и пел, подбирая колоски, оставшиеся на заброшенной полосе. Его заметил на равнине Конфуций, который направлялся в Вэй, и, обернувшись к ученикам, сказал:

— С тем старцем следует поговорить. Попробуйте подойти и его расспросить.

Попросив разрешения, Цзыгун [50. Цзыгун (Дуаньму Сы) — ученик Конфуция, см. «Изречения», 1, I, 14.] отправился навстречу. [Встав] в конце межи лицом к старцу, [Цзыгун] со вздохом спросил:

— [Вы] распеваете, подбирая колоски. Неужели Преждерожденного не мучает раскаяние?

Подобный Лесу не остановился и не перестал петь. Но Цзыгун [продолжал] спрашивать без конца, пока тот не поднял голову и не сказал:

— В чем же мне раскаиваться?

— С какой радости Преждерожденный поет, подбирая колоски? [Быть может],

«В юности не трудился,

В зрелости не боролся,

В старости [остался] без жены и сыновей,

А смертный час уж близится!» [51. Четверостишие заимствовано, по-видимому, из народных песен того времени, хотя в своде песен («Ши цзин») оно отсутствует.].

— То, что меня радует, у всех людей, напротив, вызывает печаль, — с улыбкой ответил Подобный Лесу. — «В юности не трудился, в зрелости не боролся» [52. «...не поборолся» — один из тезисов даосов, направленных против конфуцианского идеала («благородного мужа»), обязанного добиваться «славы», т.е. почестей и богатства (см. «Изречения», гл. 15, I, 342).] — поэтому-то и сумел прожить столько лет. «В старости [остался] без жены и сыновей, а смертный час уж близится!» — этому я и радуюсь.

— Как можете вы радоваться смерти? — спросил Цыгун. — [Ведь] смерти люди боятся, а долголетию радуются.

— Смерть и жизнь подобны возвращению и отправлению [53. Этот фрагмент позже стали толковать в буддийском духе <(см. Предисловие, прим. 49)>]. Откуда мне знать, что, умерев в этом [случае], не родишься в другом [случае]? Ведь я знаю [только], что они [жизнь и смерть] не походят друг на друга. Откуда мне знать, не заблуждается ли тот, кто добивается жизни? Откуда мне также знать, не будет ли моя нынешняя смерть лучше, чем прошедшая жизнь? — Таков был ответ Подобного Лесу.

Цыгун выслушал его, но не понял. Вернулся и сообщил [обо всем] учителю.

— Я знал, что с ним следует поговорить, — сказал учитель. — Так и оказалось. Он обрел [мудрость], но не до конца.

Цыгун устал учиться и сказал Конфуцию:

— Хочу отдохнуть.

— В жизни нет отдыха, — ответил Конфуций.

— Значит [мне], Сы, негде отдохнуть?

— Есть где. Взгляни вот туда и узнай, где найдешь отдых. И простор и высота! И могильный курган! И заклятие скота! И жертвенный треножник!

— Как величественна смерть! — воскликнул Цыгун. — Для благородного мужа — отдых, для ничтожного человека — падение ниц.

— Ты познал ее, Сы! Всем людям понятна радость жизни, но не всем — горечь жизни; всем понятна усталость старости, но не всем — отдых в старости; всем понятен страх перед смертью, но не всем — покой смерти [54. «Покой смерти» — даосский тезис, который провозглашается устами противника даосизма (один из полемических приемов)].

Яньцзы сказал:

— Как прекрасна была смерть для древних! Для достойных [55. «Для достойных» (жэнь) — очень сложный термин, обычный перевод которого — «гуманный» — не отвечает его содержанию. Здесь для даосов принимается значение «достойный», для конфуцианцев — «милосердный».] она — отдых, для недостойных — падение ниц. Смерть — конец свойств. Древние называли мертвого вернувшимся. Если мертвого называть вернувшимся, то живого — странствующим. Если странствующий забывает о возвращении, [он] становится бездомным. Когда один становится бездомным, его порицают все. Когда же [все] в Поднебесной становятся бездомными, разве найдется мудрый, чтобы их порицать!

Что за человек тот, кто уйдет из родных мест, покинет всю свою родню [56. «Вся родня» (лю цинь) — шесть степеней родства — термин, который в узком смысле обозначает родственников в пределах одной семьи и в широком — большую семью и свойственников.], бросит свой дом, свое достояние, уйдет бродить на все четыре стороны и не вернется? Все непременно назовут его безрассудным, безумным. А что за человек тот, кто ценит [свое] тело и жизнь, хвастается своими способностями и мастерством, создает себе имя и славу, кичится перед живущими и забывает о [своем] конце? Все непременно назовут его умным, дальновидным мужем. Оба они ошибаются, однако все похвалят второго и осудят первого. Только мудрый человек ведает, кого одобрить, а кого осудить.

Некто спросил учителя Лецзы:

— Почему ты ценишь пустоту?

— В пустоте нет ценного, — ответил Лецзы и продолжал: [Дело] не в названии. Нет ничего лучше покоя, нет ничего лучше пустоты. В покое, в пустоте, обретаешь свое жилище, [в стремлении] взять, отдать теряешь свое жилище. Когда дела пошли плохо, [прежнего] не вернешь игрой в «милосердие» и «справедливость» [57. «Милосердие» и «справедливость» (жэнь, и) — эти термины часто служат синонимом конфуцианского учения. Ср. «Дао дэ цзин», §38.].

Вскармливающий Медведя [58. Вскармливающий Медведя (Юй Сюн, Юйцзы), по преданию, — наставник чжоуского царя Прекрасного (Вэньвана, XII, в. до н.э.), автор «книги» в 22 главы. Его устами в данном фрагменте передаются догадки даосов о сохранении вещества <(см. также стр. 258)> и о переходе количества в качество.] сказал:

— Движение и вращение не имеют конца. Но кто ощутит тончайшие изменения неба и земли [вселенной]? Ведь из-за утраты вещей там — изобилие здесь, из-за полноты здесь — недостаток там. Утраты и изобилие, полнота и недостаток следуют то за жизнью, то за смертью. Кто ощутит то неуловимое мгновение, когда смыкаются друг с другом приход и уход? Воздух <эфир> у каждого нарастает не сразу, форма [тело] у каждого утрачивается не сразу. Не ощущаешь, [когда] они созревают, [когда] они утрачиваются. Так же с каждым днем, от рождения и до старости меняются внешний вид человека, цвет, разум, поведение. Кожа [у него] изменяется, ногти, волосы то вырастают, то отпадают. Ведь они со времени младенчества не останавливаются [в росте], не остаются неизменными. Но этот миг [перехода] ощутить нельзя, понимают его много позже.

Некий цисец [59. Притча Лецзы об этом цисце осталась жить в Китае и донине в виде поговорки «опасения цисца», означающей беспочвенный страх.] не мог ни есть ни спать: опасался, что небо обрушится, земля развалится и ему негде будет жить. Опасения эти опечалили другого человека, который отправился к нему и стал объяснять:

— Зачем опасаться, что обрушится небо? Ведь небо — скопление воздуха [60. Материалистическое понимание неба, как и общего строения мира, ясно выраженное

Лецзы, не позволяет думать, что он верит в миф о починке небосвода Нюйва. Поэтому критика данного мифа у Ван Чуна («Лунь хэн», — VII, 105), развивавшего учение Лецзы о ци, направлена не против Лецзы, нет места без воздуха. Ты зеваешь, дышишь и действуешь все дни в этом небе.

— [Если] небо действительно скопление воздуха, то разве не должны упасть солнце, луна, планеты и звезды? — спросил цисец.

— Солнце, луна, планеты и звезды — это [та часть] скопления воздуха, которая блестит. Пускай бы даже упали, никому бы не причинили вреда.

— А если земля развалится?

— Зачем опасаться, что земля развалится? Ведь земля — это скопление твердого [тела], которое заполняет [все] четыре пустоты. Нет места без твердого [тела]. Ты стоишь, ходишь и все дни действуешь на земле.

Успокоенный цисец очень обрадовался, а объяснявший ему, также успокоенный, очень обрадовался.

Услышал об этом учитель Высокий Тростник [61. Высокий Тростник (Чан Луцзы), как и Подобный Лесу, — персонаж с прозвищем в даосском стиле (настолько познал природу, что стал ей подобен). О нем см. также Сыма Цянь (Исторические записки, цз. 74, т. I, стр. 813). Его объяснения носят атеистический характер, ибо небу, горам, рекам тогда приносились жертвы, а радуга и другие явления считались знаменами небес. Высказывается также одна из догадок даосов о множественности миров, которая встречается и в дальнейшем (как догадка о макро- и микрокосме).], усмехнулся и сказал:

— Радуга простая и двойная, облака и туман, ветер и дождь, времена года — эти скопления воздуха образуют небо. Горы и холмы, реки и моря, металлы и камни, огонь и дерево — эти скопления формы [тел] образуют землю. Разве познавший, что [небо] — скопление воздуха, познавший, что [земля] — скопление твердых [тел], скажет, что [они] не разрушатся? Ведь в пространстве небо и земля — вещи очень мелкие, [хотя] самое крупное в них <в небе и земле> бесконечно, неисчерпаемо. Это очевидно. Трудно [их] измерить, трудно изучить. Это очевидно. Опасность их разрушения [относится] действительно к слишком далекому будущему, но слова о том, что они [никогда] не разрушатся, также неверны. Поскольку небо и земля не могут не разрушиться, [они обязательно] разрушатся. Разве не будет опасности, когда придет время их разрушения?

Услышал об этом учитель Лецзы, усмехнулся и сказал:

— Говорящие, что небо и земля разрушатся, ошибаются; говорящие, что небо и земля не разрушатся, также ошибаются. Разрушатся или нет, я не могу знать. Хотя одни [утверждают] первое, а другие — второе, но ведь живые не знают, что такое мертвые, а мертвые не знают, что такое живые; приходящие не знают ушедших, а ушедшие — приходящих. Что нам тревожиться, разрушатся [небо и земля] или нет!

Ограждающий [62. Ограждающий (Шунь) — мифический правитель Китая, позже обожествлявшийся конфуцианской религией. 2285-2258 гг. — традиционные даты его соправления с Высочайшим (Яо), до 2208 г. до н.э. он правил самостоятельно.] спросил своих помощников:

— Могу ли обрести путь и им владеть?

— Собственным телом не владеешь [63. Фрагмент, повторенный почти дословно в «Чжуанцзы», <248>, отражает даосское отрицание любой собственности, включая и верховную, царскую, а также власть отца над сыном, т.е. одного из основных тезисов конфуцианства.], как же можешь обрести путь и им владеть! — ответили ему.

— Если я не владею собственным телом, [то] кто им владеет?

— Это скопление формы во вселенной. Жизнь [своей] ты не владеешь, ибо она — соединение [частей] неба и земли. Своими свойствами и жизнью ты не владеешь, ибо это случайное скопление во вселенной; своими сыновьями и внуками ты не владеешь, ибо они — скопление сброшенной [как у змеи] кожи во вселенной. Поэтому [ты] идешь, не зная куда, стоишь, не зная на чем, ешь, не зная почему. Во вселенной сильнее всего воздух и [сила] тепла. Как же можешь [ты] обрести их и ими владеть?

В царстве Ци [64. Царство Ци — одно из древнекитайских царств, находилось на территории современной провинции Шаньдун.] жил Богач из рода Владеющих, а в царстве Сун [65. Царство Сун — одно из древнекитайских царств, находилось на

территории современной провинции Хэнань.] — Бедняк из рода Откликающихся. Бедняк пришел из Сун в Ци выпросить секрет [богатства]. Богач сказал:

— Я овладел [искусством] похищения. С тех пор как начал похищать, за первый год сумел прокормиться, за второй год добился достатка, за третий год — полного изобилия. И с тех пор раздаю милости в селениях области.

Бедняк очень обрадовался, [но] понял он лишь слово «похищение», а не способ кражи. И тут [он] принялся перелезть через отряды, взламывать ворота и тащить все, что попадалось под руку, что бросалось в глаза. В скором времени, осудив [его] в рабство [66. За воровство наказывали осуждением в рабство (цзанхо на диалекте — цзин и хуай) с конфискацией всего имущества.] за кражу, конфисковали то имущество, что было у него прежде.

Подумав, что Богач его обманул, Бедняк отправился его упрекать.

— Как же ты грабил? — спросил Богач из рода Владеющих.

И Бедняк из рода Откликающихся рассказал, как было дело.

— Ох! — воскликнул Богач. — Как ошибся ты в способе воровства! Но теперь я тебе [о нем] поведаю.

Я узнал, что небо дает времена года, а земля — прирост. Я и стал грабить у неба погоду, а у земли — прирост; влагу у туч и дождя, недра у гор и равнин, чтобы посеять для себя семена, вырастить себе зерно, возвести себе ограду и построить себе дом. У суши я отбирал диких зверей и птиц, из воды крал рыб и черепах. Разве это мне принадлежало? Все это было [мною] награблено. Ведь семена и зерна, земля и деревья, звери и птицы, рыбы и черепахи порождены природой. Я грабил природу и остался невредим. Но разве природой дарованы золото и нефрит, жемчуг и драгоценности, хлеб и шелк, имущество и товары? Они собраны человеком! Как же упрекать осудивших [тебя], если ты украл?

Решив в смятении, что Богач снова его обманул, [Бедняк] отправился к Преждерожденному из Восточного Предместья [67. «Преждерожденный из Восточного Предместья» (Дунго сяньшэн) — прозвание по месту жительства. Заключение фрагмента,

как и вся притча о Бедняке и Богаче, представляет собой иллюстрацию к высказанному ранее положению — отрицанию собственности вообще.] и спросил у него [совета].

Преждерожденный из Восточного Предместья ответил:

— Разве не похищено уже само твое тело? Ведь, чтобы создать тебе жизнь и тело, обокрали соединение [сил] жара и холода. Тем более не обойтись без похищения внешних вещей! Небо, земля и тьма вещей воистину неотделимы друг от друга. Тот, кто думает, что ими владеет, — заблуждается. Грабеж рода Владеющих — это общий путь, поэтому [Богач] и остался невредим; твой грабеж — это личное желание, поэтому [ты] и навлек на себя кару. Захват общего и частного такой же грабеж, как и утрата общего и частного. Общее в общем и частное в частном — таково свойство природы [неба и земли]. Разве познавший свойства природы сочтет кого-то вором, а кого-то не вором?!

Глава 2

ЖЕЛТЫЙ ПРЕДОК

Десять и [еще] пять лет стоял на престоле Желтый Предок; и радовался, что Поднебесная его поддерживала. [Он] наслаждался жизнью, [всем, что] радовало слух и зрение, обоняние и вкус [до тех пор, пока] от беспокойства кожа у него не высохла и не потемнела, пять чувств не притупились и не омрачились.

[Процарствовал он] еще десять и пять лет и опечалился, что в Поднебесной нет порядка. Истощая слух и зрение, прилагая всю силу ума, распоряжался [он] народом [до тех пор, пока] от беспокойства кожа у него не высохла и не потемнела, пять чувств не притупились и не омрачились.

— Ах! — вздохнул тогда Желтый Предок. — Как погряз я в пороке! Наслаждался сам, и одолела такая напасть. Стал управлять тьмой существ, [и снова] одолела такая напасть!

Тут [он] бросил все дела, оставил дворец, отослал свиту, убрал колокола, ограничил [число] яств на кухне, отошел [от дел] и стал жить в праздности в подворье для приезжающих при дворце. Очищал [свое] сердце, подчинял [себе] тело. [После того как] три луны не вникал в дела правления, заснул днем и увидел сон, будто бродит по стране Всеобщее процветание [1. Страна Всеобщее Процветание (Хуасюйши) — одна из даосских утопий <ср. также стр. 53, 88-89, 137, 234>]. Хотя в тексте сказано, что такой страны нет, переводчики и комментаторы связывают ее название с родиной мифического Фуси или с именем его матери (Wilhelm, Lia Dsi, S. 117; Graham, p. 35). Эту «страну» для «реконструкции» мифа о Фуси использует также Юань Кэ, привлекая по сходству «святых Маогушэ», хотя Чжуанцзы лишь повторил общее место из «Лецзы»; см. прим. 6. [См. Юань Кэ, Мифы древнего Китая, М., 1965, стр. 52, 329 (далее Юань Кэ)].]. А страна Всеобщее процветание [лежит] на запад от Яньчжоу, на север от Тайчжоу [2. Яньчжоу... Тайчжоу — местности на крайнем западе и северо-западе Китая.], а в скольких миллионах ли от Срединных царств [3. Срединные царства (или Срединное царство) — название китайских древних царств, которые, как считалось, находились среди «четырех морей» (одно из них на Западе — Зыбучие пески, т.е. пустыня).] — неведомо. До нее не добраться ни на лодке, ни на колеснице, ни пешком; странствовать [по ней можно] лишь мыслью.

В этой стране нет ни начальников, ни старших, каждый сам по себе; у народа нет ни алчности, ни страстей, все естественно. [Там] не ведают радости, когда [кто-то] рождается, не ведают горя, когда [кто-то] умирает, поэтому не гибнут юными, преждевременно; не ведают [что значит] любить себя, чуждаться других, поэтому нет ни любви, ни ненависти; не ведают ни измены, ни покорности, поэтому нет ни выгод, ни убытков. Ни к кому у них нет ни любви, ни ненависти, никто ничего не боится, не опасается; входят в реку — не тонут; входят в огонь — не обжигаются; от ударов [у них] нет ни ран, ни боли; от укусов [они] не [чувствуют] зуда. Ступают по воздуху, точно по тверди, спят в пустоте, точно в постели. Облака и туман не мешают им смотреть, грохот грома не мешает слушать; красота и безобразие не смущают их сердца. Они не споткнутся ни в горах, ни в долинах, передвигаясь лишь мыслью.

Проснулся Желтый Предок, прозревший и довольный, призвал Небесного Старца, Пастыря Силача, Мыслителя с Горы Великой [4. Небесный Старец (Тянь Лао), Пастырь Силач (Ли Му), Мыслитель с Горы Великой (Тайшань Цзи) — помощники Желтого Предка. Прозвища говорят об опыте, силе и разуме.] и им сказал:

— Я провел в праздности три луны, очистил сердце, подчинил тело, надеялся обрести учение о том, как заботиться о себе и управлять другими, но ничего не придумал, устал и заснул. И вот увидел такой сон. Ныне я понял, что настоящее учение нельзя найти чувством. Я его познал [разумом], я его обрел, но не могу о нем вам рассказать [5. Во фрагменте конкретно-чувственное восприятие (чувства) противопоставляется рациональному познанию; плоды последнего, по воззрениям ранних даосов, не могут быть выражены конкретными понятиями.].

[Прошло] еще двадцать и восемь лет. В Поднебесной воцарился полный порядок, почти такой же, как в стране Всеобщее процветание. А [когда] Желтый Предок поднялся [ввысь] <умер>, народ оплакивал его не переставая, более двухсот лет.

Гора Охотниц-прорицательниц [6. «Гора Охотниц-прорицательниц» (Гун шань) — одна из даосских утопий Данный фрагмент (вариант см. «Чжуанцзы», 137)-одно из свидетельств, что в ораторском искусстве сохранились свойственные фольклору общие места с присущими им противоречиями (например, на горе «зерном не питаются», но в перечисленные блага входит и «урожай зерна...»)] находится на острове на Океанской реке. Там живут чудесные люди. Вдыхают ветер, пьют росу, а зерном не питаются. Сердце [у них] — словно глубокий родник, тело — словно у девственницы. [Не ведомы им] ни ласка, ни любовь, служат им престарелые старцы и мудрые люди. Не ведая ни страха, ни гнева, служат им искренно и верно; нет ни подачек, ни милостей, а у всех всего достаточно; не собирают, не накапливают, а недостатка не терпят. [Там] постоянно сменяют друг друга жар и холод, светят солнце и луна, следуют друг за другом четыре времени года, равномерно дует ветер и идет дождь, рожают и выкармливают своевременно, урожай зерна всегда в изобилии, а почва не гибнет, не портится. Люди не знают ни зла, ни ранней смерти, у тварей нет ни пороков, ни свирепости, от душ предков нет чудесных откликов [7. Атеистический тезис Лаоцзы («Души предков не творят чудес», «Дао дэ цзин» §60), который здесь развивает Лецзы <(см. также «Чжуанцзы», 198)>].

Учителем Лецзы был Старый Шан, а другом — Дядя Высокий. [Лецзы] усвоил учение обоих и вернулся домой, оседлав ветер [8. См. <Предисловие, стр. 33-34,> «Чжуанцзы», 124, 126 <136, 318>].

Об этом услышал ученик Инь, последовал за Лецзы и несколько лун не уходил домой. [Он] просил [учителя рассказать] на досуге о его искусстве, но десять раз [учитель] не говорил, и десять раз [Инь] возвращался [ни с чем]. Ученик Инь возроптал и попросил разрешения попрощаться. Лецзы [и тут] ничего не сказал. Инь ушел на несколько лун, но мысль [об учении] его не оставляла, и [он] снова вернулся.

— Почему ты столько раз приходишь и уходишь? — спросил его Лецзы.

— Прежде [я], Чжанцзай, обращался к тебе с просьбой, — ответил Инь. — Ты же мне ничего не сказал, и [я] на тебя обиделся. Ныне забыл [обиду] и поэтому снова пришел.

— Прежде я считал тебя проницательным, ныне же ты оказался столь невежественным. Оставайся! Я поведаю тебе о том, что открыл [мне] учитель, — сказал Лецзы. — С тех пор как стал я служить учителю и другу, прошло три года [9. Три года, затем пять, семь и девять лет — здесь и ниже (78, 283, 284) не только прием перечисления, но, по-видимому, и сроки испытания учеников в древнем Китае. В данном фрагменте философ наставляет ученика Иня (Иньшэнь, Чжанцзай), как отказываться от конкретно-чувственного восприятия (дословно от органов чувств) для перехода к рациональному мышлению, т.е. преодолевать в себе субъективное, человеческое, чтобы познать объективный мир и овладеть его законами (вплоть до полета на ветре).], и [я] изгнал из сердца думы об истинном и ложном, а устам запретил говорить о полезном и вредном. Лишь тогда удостоился взгляда учителя. Прошло пять лет, и в сердце родились новые думы об истинном и ложном, устами по-новому заговорил о полезном и вредном. Лишь тогда удостоился улыбки учителя. Прошло семь лет и, давая волю своему сердцу, [уже] не думал ни об истинном, ни о ложном, давая волю своим устам, не говорил ни о полезном, ни о вредном. Лишь тогда учитель позвал меня и усадил рядом с собой на циновке. Прошло девять лет, и как бы ни принуждал [я] свое сердце думать, как бы ни принуждал свои уста говорить, уже не ведал, что для меня истинно, а что ложно, что полезно, а что вредно; не ведал, что для других истинно, что ложно, что полезно и что вредно; уже не ведал, что учитель — мой наставник, а тот человек — мой друг. Перестал [различать] внутреннее от внешнего. И тогда все [мои чувства] как бы слились в одно целое: зрение уподобилось; слуху, слух — обонянию, обоняние — вкусу. Мысль сгустилась, а тело освободилось, кости и мускулы сплавились воедино. [Я] перестал ощущать, на что опирается тело, на что ступает нога, и, следуя за ветром, начал передвигаться на восток и на запад. Подобный листу с дерева или сухой шелухе, [я] в конце концов не сознавал, ветер ли оседлал меня или я — ветер. Ты же ныне поселился у ворот учителя. Еще не прошел круглый срок, а ты роптал и обижался дважды и трижды. Ни одной доли твоего тела не может воспринять ветер, ни одного твоего сустава не может поддержать земля. Как же смеешь [ты] надеяться ступать по воздуху и оседлать ветер?

Ученик Инь устыдился, присмирел и долго не решался задавать вопросы.

Лецзы спросил Стража Границы [10. Страж Границы (Гуань Инь, Гуань Лин, Инь Си) — ученик Лаоцзы. Ему, как говорит легенда, и оставил Лаоцзы «Дао дэ цзин» в собственной записи перед уходом на Запад.]:

— Настоящий человек идет под водой и не захлебывается, ступает по огню и не обжигается, идет над тьмой вещей и не трепещет. Дозвольте спросить, как этого добиться?

— Этого добиваются не знаниями и не ловкостью, не смелостью и не решительностью, а сохранением чистоты эфира, — ответил Страж Границы. — Я тебе [об этом] поведаю. Все, что обладает формой и наружным видом, звучанием и цветом, — это вещи.

[Различие] только в свойствах. Как же могут одни вещи отдаляться от других? Разве этого достаточно для превосходства [одних над другими]? Обретает истину тот, кто сумел понять и охватить до конца [процесс] создания вещей из бесформенного, [понять, что процесс] прекращается с прекращением изменений. Держась меры бесстрастия, скрываясь в не имеющем начала времени, тот, <кто обрел истину>, будет странствовать там, где начинается и кончается тьма вещей. Он добивается единства своей природы, [чистоты] своего эфира, полноты свойств, чтобы проникать в [процесс] создания вещей. Природа у того, кто так поступает, хранит свою целостность, в жизненной энергии нет недостатка. Разве проникнут в его [сердце] печали?!

Ведь пьяный при падении с повозки, даже очень резко, не разобьется до смерти. Кости и сочленения [у него] такие же, как и у [других] людей, а повреждения иные, ибо душа у него целостная. Сел в повозку неосознанно и упал неосознанно. [Думы о] жизни и смерти, удивление и страх не нашли места в его груди, поэтому, сталкиваясь с предметом, [он] не сжимался от страха. Если человек обретает [подобную] целостность от вина, то какую же целостность должен он обрести от природы! Мудрый человек сливается с природой, поэтому ничто не может ему повредить [11. Вариант фрагмента см. «Чжуанцзы», 241, 242 <226>].

Ле, Защита Разбойников, стрелял [на глазах] у Темнеющего Ока: натянул тетиву до отказа, поставил на предплечье кубок с водой и принялся целиться. Пустил одну стрелу, за ней другую и третью, пока первая была еще в полете. И все время оставался {неподвижным}, подобным статуе.

— Это мастерство при стрельбе, но не мастерство без стрельбы, — сказал Темнеющее Око. — А смог бы ты стрелять, если бы взошел со мной на высокую гору и встал на камень, висящий над пропастью глубиной в сотню жэней? [12. Жэнь — древняя мера длины, около 7-8 чи.]

И тут Темнеющее Око взошел на высокую гору, встал на камень, висящий над пропастью глубиной в сотню жэней, отступил назад [до тех пор, пока его] ступни до половины не оказались в воздухе, и знаком подозвал к себе Защиту Разбойников. Но тот лег лицом на землю, обливаясь потом [с головы] до пят.

— У настоящего человека, — сказал Темнеющее Око, — душевное состояние не меняется, глядит ли [он] вверх в синее небо, проникает ли вниз к Желтым источникам [13. Желтые источники — царство мертвых.], странствует ли ко [всем] восьми полюсам [14. В Китае существовало представление о восьми странах света: восток, запад, север и юг, а затем северо-восток, северо-запад, юго-восток и юго-запад.]. Тебе же ныне хочется

зажмуриться от страха. Опасность в тебе самом! [15. Этот фрагмент см. также «Чжуанцзы», 265 <244>].

У Фаня был сын по имени Процветающий, который умело создал себе славу. Перед ним преклонялось все царство. Войдя в милость цзиньского царя, [Процветающий] не служил, а место занимал направо [16. В Китае чины и звания делились на правые — младшие, и левые — старшие. Содержание притчи о Фане Процветающем (Цзыхуа) и Кае с Шан-горы (Шан Цюкае) — иллюстрация к высказанному ранее положению о возможности неосознанного слияния с природой. Заключение же притчи по существу не даосское. Устами Конфуция «чудеса» объявляются принадлежностью слепой веры.] от трех старших сановников. Того, кто удостоился благосклонного взгляда [Процветающего], в царстве Цзинь [17. Цзинь — одно из древнекитайских царств, находившееся на территории современной провинции Шаньси.] жаловали титулом; того, кто заслужил бранное слово [Процветающего], из царства Цзинь изгоняли. Посещение дома Процветающего приравнивалось к приему у царя.

Процветающий приказывал своим удалцам завязывать драки: умные обижали глупых, сильные подавляли слабых. [Он] не беспокоился, даже если оставались раненые и избитые. Дни и ночи проходили в таких забавах, которые чуть ли не вошли в обычай во всем царстве.

[Однажды] первые удалцы Фаня — Хэшэн и Цзыбо — отправились за город и заночевали в хижине старика землепашца Кая с Шан-горы. В полночь Хэшэн и Цзыбо заговорили друг с другом о славе и могуществе Процветающего: он-де властен погубить живого и оживить мертвого, богатого сделать бедняком, а бедного — богачом.

Кай с Шан-горы, давно уже страдавший от голода и холода, притаился у северного окна и подслушал их беседу. Затем [он] занял зерна, сложил в корзину, взвалил ее на спину и отправился к воротам Процветающего.

В свите Процветающего состояли родовитые люди. Одетые в белый шелк, они разъезжали в колесницах или не спеша прохаживались, посматривая [на всех] свысока.

Заметив Кая с Шан-горы, старого и слабого, с загорелым дочерна лицом, в платье и шапке отнюдь не изысканных, все они отнесли к нему презрительно и принялись издеваться над ним, как только могли: насмехались, обманывали его, били, толкали, перебрасывали от одного к другому. Но Кай с Шан-горы не сердился, прихлебатели устали, и выдумки их исчерпались.

Тогда вместе с Каем все они взошли на высокую башню, и один из них пошутил:

— Тот, кто решится броситься вниз, получит в награду сотню золотом.

Другие наперебой стали соглашаться, а Кай, приняв все за правду, поспешил броситься первым, точно парящая птица, опустился [он] на землю, не повредив ни костей, ни мускулов.

Свита Фаня приняла это за случайность и не очень-то удивилась. А затем [кто-то], указывая на омут в излучине реки, снова сказал:

— Там — драгоценная жемчужина. Нырни — найдешь ее.

Кай снова послушался и нырнул. Вынырнул же действительно с жемчужиной.

Тут все призадумались, а Процветающий велел впредь кормить [Кая] вместе с другими мясом и одевать его в шелк.

Но вот в сокровищнице Фаня вспыхнул сильный пожар. Процветающий сказал:

— Сумеешь войти в огонь, спасти шелк — весь отдам тебе в награду, сколько ни вытацишь!

Кай, не колеблясь, направился [к сокровищнице], исчезал в пламени и снова появлялся, но огонь его не обжигал и сажа к нему не приставала.

Все в доме Фаня решили, что он владеет секретом, и стали просить у него прощения:

— Мы не ведали, что ты владеешь чудом, и обманывали тебя. Мы не ведали, что ты — святой, и оскорбляли тебя. Считай нас дураками, считай нас глухими, считай нас слепыми! Но дозвожь нам спросить: в чем заключается твой секрет?

— У меня нет секрета, — ответил Кай с Шан-горы. — Откуда это — сердце мое не ведает. И все же об одном я попытаюсь вам рассказать.

Недавно двое из вас ночевали в моей хижине, и я слышал [как они] восхваляли Прорастающего: [он]-де властен умертвить живого и оживить мертвого, богатого сделать бедняком, а бедного — богачом. И я отправился [к нему], несмотря на дальний путь, ибо поистине у меня не осталось других желаний. Когда пришел сюда, [я] верил каждому вашему слову. Не думая ни об опасности, ни о том, что станет [с моим телом], боялся лишь быть недостаточно преданным, недостаточно исполнительным. Только об одном были мои помыслы, и ничто не могло меня остановить. Вот и все.

Только сейчас, когда я узнал, что вы меня обманывали, во мне поднялись сомнения и тревоги, [я] стал прислушиваться и приглядываться к [вашей] похвальбе. Вспомнил о прошедшем: посчастливилось не сгореть, не утонуть — и от горя, от страха [меня] бросило в жар, охватила дрожь. Разве смогу еще раз приблизиться к воде и пламени?

С той поры удалыцы Фаня не осмеливались обижать нищих и коновалов на дорогах. Встретив их, кланялись, сойдя с колесницы.

Узнав об этом, Цзай Во [18. Цзай Во (Юй) — ученик Конфуция, см. «Изречения», гл. 3, I, 64.] сообщил Конфуцию. Конфуций же сказал:

— Разве ты не знаешь, что человек, полный веры, способен воздействовать на вещи, растрогать небо и землю, богов и души предков, пересечь [вселенную] с востока на запад, с севера на юг, от зенита до надира. Не только пропасть, омут или пламя — ничто его не остановит. Кай с Шан-горы поверил в ложь, и ничто ему не помешало. Тем паче, когда обе стороны искренни. Запомни сие, юноша!

У чжоуского царя Сюаньвана начальником над пастухами был раб Жердочка Для Птиц [19. Жердочка для Птиц (Лян Ян) — отнесен к правлению Сюаньвана в царстве Чжоу (827-782 гг. до н.э.). Этот раб — герой одной из тех притч, в которых раскрывается «секрет» мастерства в даосском его понимании: познание законов объективного мира и

умение ими пользоваться для покорения природы и других существ. Второй герой притчи — Садовод с Мао-горы (Маоцю Юань) — земледелец. <Вариант фрагмента см. «Чжуанцзы», 153.>]. Он умел обращаться с дикими зверями и птицами и, собирая их, кормил во дворе и в саду. Он укрощал и приручал любого хищника, даже тигра и волка, орла или скопу <рыболова>. В его присутствии самцы и самки спаривались и размножались, образуя целые стада. Разнообразные виды [зверей} паслись рядом, не царапая и не кусая друг друга.

Обеспокоенный тем, как бы секрет искусства раба не умер вместе с ним, царь приказал ему обучать Садовода с Мао-горы.

Он же сказал [Садоводу]:

— [Я], Жердочка, — презренный раб. Какое искусство могу тебе передать? Но боюсь, как бы государь не обвинил [меня] в том, что [я] утаил от тебя [секрет], и скажу вкратце, как обращаться с тиграми.

Радоваться, когда потакают, и сердиться, когда перечат, — в природе каждого, в ком течет кровь. Но разве радость и гнев: проявляются случайно?! Гнев [зверя] вызывают, когда идут против [его] воли. Во время кормежки не решаюсь давать тигру живого зверя: убивая его, [тигр] придет в ярость; не решаюсь давать целую тушу: разрывая ее, придет в ярость. Своевременно кормлю голодного и постигаю, [что] приводит его в ярость. Тигр и человек [принадлежат] к различным видам. Человек потакает тигру, и тигр к нему ласкается; перечит — и тигр его убивает. Но разве решусь я перечить тигру, чтобы привести его в гнев! Не решусь также и потакать ему, чтобы вызвать у него радость. Ведь от радости вернется непременно к гневу, а от гнева вернется снова к радости; ни тем, ни другим способом не достигну цели.

Ныне, [когда] у меня нет мысли ни потакать им, ни перечить, птицы и звери принимают меня за своего. [Действую] по закону природы — предоставлять каждого самому себе, поэтому [они] бродят по моему саду, не вспоминая о высотах [горных] лесов и просторах болот; засыпают на моем дворе, не стремясь в глубину гор и в тишину долин.

Янь Юань [20. Янь Юань (Хой) — любимый ученик Конфуция, о нем см. «Чжуанцзы», 289-290; «Изречения», гл. 2, I, 28-29. <Вариант фрагмента см. «Чжуанцзы» 227.>] рассказал Конфуцию:

— Когда я переправлялся через пучину Глубина кубка, Перевозчик [21. Притча о мастерстве Перевозчика сходна с приведенной выше, но содержит критику взглядов Конфуция, который якобы сам признает недостатки своего учения, а именно — отсутствие глубоких знаний («Забавлялся тем, что лежит на поверхности, но никогда не доходил до сущности»)] правил лодкой, как бог. Я спросил его: «Можно ли научиться управлять лодкой?» «Да, — ответил он, — можно обучить того, кто умеет плавать; у прекрасного пловца [к этому] особые способности, а если это водолаз, то [он] примется управлять лодкой, даже не видав ее прежде в глаза». Я спрашивал еще, но [он] более не отвечал. Дозвольте задать вопрос: «Что это означает?».

— Гм! — сказал Конфуций. — Я давно уже забавлялся с тобой тем, что (лежит) на поверхности, но никогда не доходил до сущности. [Теперь] все же скажу.

«Можно обучить того, кто умеет плавать» — [означает, что он] легко общается с водой; «У прекрасного пловца [к этому] особые способности» — забывает про воду; «А если это водолаз, то [он] примется управлять лодкой, даже не видав ее прежде в глаза» — для него пучина подобна суше, а опрокинутая лодка — скользящей назад повозке. Пусть перед ним опрокидывается и скользит тьма вещей, это даже не привлечет его внимания; куда бы ни направился, все станет делать играючи.

Мастер игры [22. Вариант фрагмента см. «Чжуанцзы», 227-228, «Весна и осень Люя», цз. 13, VI, 129; «Хуайнаньцзы», цз. 17, VII, 290.] [со ставкой] на черепицу станет волноваться при игре на [серебряную] застежку и потеряет рассудок при игре на золото. Искусство одно и то же, но стоит появиться ценному, и внимание перейдет на внешнее. Внимание же к внешнему всегда притупляет [внимание к] внутреннему.

Конфуций любовался в Люйляне [водопадом] [23. В Люйляне (водопад) — одно из общих мест, см. также «Лецзы», <122, 123> (с иными выводами) и «Чжуанцзы» <(первый вариант, сокращенный, 230)>]: струи спадают с высоты в тридцать жэней, пена бурлит на тридцать ли. Его не могут преодолеть ни кайманы, ни рыбы, ни черепахи — морские или речные. Заметив там пловца, [Конфуций] подумал, что тот с горя ищет смерти, и отправил своих учеников вниз, чтобы его вытащить. [Но тот] через несколько сот шагов вышел [из воды], с распущенными волосами, запел и стал прогуливаться у дамбы.

Конфуций последовал [за ним] и ему сказал:

— Водопад в Люйляне высотой в тридцать жэней, пена бурлит на тридцать ли. Его не могут преодолеть ни кайманы, ни рыбы, ни черепахи — морские или речные. Заметив, как ты в него вошел, я подумал, что с горя ищешь смерти, и отправил своих учеников вниз, чтобы тебя вытащить. [Когда] ты вышел с распущенными волосами, запел и стал прогуливаться, я принял тебя за душу утопленника, но взгляделся: ты — человек. Дозволь задать вопрос: владеешь ли секретом, [как следует людям] ходить по воде?

— Нет, — ответил пловец. — У меня нет секрета. От рождения — это у меня привычка, при возмужании — характер, в зрелости — это судьба. Вместе с волной погружаюсь, вместе с пеной всплываю, следую за течением воды, не навязывая [ей] ничего от себя. Вот мой секрет.

— Что означает: «от рождения — это привычка, при возмужании — характер, в зрелости — это судьба»? — спросил Конфуций.

— Я родился среди холмов и удовлетворен [жизнью] среди холмов — такова привычка; вырос на воде и удовлетворен [жизнью] на воде — таков характер; это происходит само собой и я не знаю почему — такова судьба [24. Трактовка понятия «судьбы» здесь коренным образом расходится с конфуцианской, считающей судьбу «волей (приказом) Неба», а «трепет» перед ней — одним из качеств «благородного мужа» («Изречения», гл. 16. I, 359). Заключение данной притчи таково: как «характер», так и «судьба» — необходимость, определяемая условиями жизни. Не умея объяснить подобные явления («не зная почему»), люди и дали им особое название — «судьба». Подробнее о даосском детерминизме у Ян Чжу, см. гл. 6 «Сила и Судьба», <97-106>.]

Направляясь в Чу, Конфуций вышел из леса и заметил Горбуна [25. Данная притча (вариант см. «Чжуанцзы», 227) о мастерстве человека с физическими недостатками имеет особое значение: герой, человек угнетенный, противопоставляется «благородному», в конфуцианской концепции — обязательно обладавшему прекрасной внешностью <(см. Предисловие, прим. 105)>.] , который ловил цикад, будто [просто] их подбирал.

— Как ты искусен! — воскликнул Конфуций. — Обладаешь ли секретом?

— Да! У меня есть секрет, — ответил ловец цикад. — В пятую-шестую луну кладу на коконы [цикад] шарики. [Из тех, на которые] положу два [шарика] и [шарики] не упадут, теряю немногих; [из тех, на которые] положу три [шарика] и не упадут, теряю одну из [каждых] десяти; [тех же, на которые] положу пять шариков и не упадут, [ловлю всех просто], будто подбираю. Я стою, словно старый пень, руки держу, точно сухие ветви.

Как бы ни велика была вселенная, какая бы тьма тварей в ней ни существовала, мне ведомы лишь крылатые цикады. Почему бы мне их не ловить, [если] ничто [другое] не заставит меня шевельнуться, ни на что в мире я не сменяю крылышки цикады!

Конфуций обернулся к своим ученикам и воскликнул:

— Вот каковы речи того Горбуна! Воля [у него] не рассеивается, а сгущается в душе.

А Горбун в ответ:

— Вы, длиннополые ученики! Откуда вам знать то, о чем спрашиваете? Заботитесь о собственном поведении да потом еще утруждаете [себя] такими речами!

Один приморский житель любил чаек. Каждое утро отправлялся в море и плыл за чайками. Чайки же слетались к нему сотнями.

Его отец сказал:

— Я слышал, что все чайки следуют за тобой. Поймай-ка мне [нескольких] на забаву.

На другое утро, [когда Любитель чаек] отправился в море, чайки кружились [над ним], но не спускались.

Поэтому и говорится: «Высшая речь — без речей, высшее деяние — без деяния» [26. В заключение притчи пересказываются положения Лаоцзы (ср. «Дао дэ цзин», §2, 43). Вариант притчи о любителе чаек см. «Весна и осень Люя», цз. 18, VI, 221-222.]. То знание, которое доступно всем, — неглубоко.

Чжао Сянцзы [27. Чжао Сянцзы — правитель царства Чжао с 457 по 425 г. до н.э.] с сотней тысяч человек отправился на огневую охоту в Срединные горы. С помощью высокой травы подожгли лес, и пламя охватило [его] на сотни ли. [И тут] из каменного утеса вышел человек, [который] поднимался и опускался вместе с дымом и пеплом. Все сказали, что это душа покойника. Пройдя через огонь, будто его и не было, тот человек вышел не спеша.

Чжао Сянцзы удивился, удержал его и незаметно осмотрел. Фигурой, цветом, семью отверстиями [в голове] — человек; по дыханию, голосу — человек. И {Чжао Сянцзы} спросил:

— С помощью какого секрета живешь в камне? С помощью какого секрета проходишь через огонь?

— Что называешь камнем? Что называешь огнем? — спросил его тот.

— То, откуда [ты] недавно вышел, — камень; то, через что недавно прошел, — огонь.

— Не ведаю, — ответил тот.

Услышал об этом вэйский царь Прекрасный [28. Прекрасный (Вэнь хоу) — царь Вэй (№ 7646) (424-387 гг. до н.э.)] и спросил Цзыся [29. Цзыся (Бу Шан) — учитель вэйского царя Вэньхоу — был учеником Конфуция (см. «Изречения», гл. 1, I, 11), но здесь дает объяснения в даосском духе.]:

— Что это был за человек?

— [Я], Шан, слышал от учителя, что [человек, который обрел] гармонию, во всем подобен [другим] вещам. Ничто не может его ни поранить, ни остановить. Он же может все — и проходить через металл и камень, и ступать по воде и пламени.

— А почему ты этого не делаешь? — спросил царь Прекрасный.

— [Я], Шан, еще не способен открыть свое сердце и очистить [его] от знаний. Хотя и пытаюсь говорить об этом, когда есть досуг.

— Почему не делает этого учитель?

— Учитель способен на это, — ответил Цзыся, — но способен и не делать этого.

[Ответ] очень понравился царю Прекрасному.

Некий Колдун [30. Данная притча о Колдуне (Шэньу, Цзи Сянь) с некоторыми изменениями повторяется и в «Чжуанцзы» (171-172) — как обличение колдовского (магического) применения даосского познания природы в упрощенном, поверхностном толковании.], по имени Цзи Сянь, переселился из Ци в Чжэн. Точно бог, узнавал [он], кто родится, а кто умрет, кто будет жить, а кто погибнет, кого ждет счастье, а кого — беда, кого — долголетие, а кого — ранняя смерть, и назначал [каждому] срок: год, луну, декаду, день. Завидев его, чжэнцы уступали дорогу.

Лецзы встретился с Колдуном и подпал под его чары. Вернувшись же, обо всем рассказал учителю с Чаши-горы:

— Ваше учение я считал высшим, а теперь познал более совершенное.

— Я не открывал тебе внешнего, пока ты не постиг сущности, — сказал учитель. — Как же тебе судить об учении? Если рядом с курами не будет петуха, откуда возьмутся цыплята? Думая, — что постиг учение и [можешь] состязаться с современниками, [ты] возгордился, поэтому он и прочел все на твоём лице. Приди-ка вместе [с ним] сюда, пусть на меня посмотрит.

Назавтра Лецзы явился к учителю вместе с Колдуном. [Когда они] вышли, [Колдун] сказал Лецзы:

— Увы! Твой учитель [скоро] умрет, не проживет и десяти дней. Я видел странное — пепел, залитый водой.

Лецзы вошел к учителю, зарыдал так, что слезами оросил одежду, и передал ему [слова Колдуна].

— В тот раз я показался ему поверхностью земли, без побегов, без движения. Ему, видимо, почудилась какая-то преграда в источнике моей жизненной энергии. Приди-ка снова [с ним] сюда.

На другой день Лецзы снова явился с Колдуном. [Когда они] вышли, Колдун сказал Лецзы:

— Счастье, что твой учитель встретился со мной. [Ему] лучше. В пепле появилась жизнь. Я заметил, что энергия проникает через преграду.

Лецзы вошел к учителю и передал ему [все].

— На этот раз я показался ему в виде неба и земли, [куда] нет доступа [таким понятиям, как] «имя» [или] «сущность». Но источник энергии исходил из пяток. Вот [ему] и почудилось, что «энергия проникает через преграду», что мне лучше. Приди-ка снова [с ним] сюда.

На другой день Лецзы снова явился с Колдуном к учителю. [Когда они] вышли, [Колдун] сказал Лецзы:

— Твой учитель в тревоге. Трудно читать на его лице. Успокой [его, и я] снова его навещу.

Лецзы вошел к учителю и передал ему [все]. Учитель же молвил:

— На этот раз он узрел во мне великую пустоту без малейшего предзнаменования [чего-либо] и принял ее за признак равновесия жизненных сил. Существует всего девять глубин: глубина водоворота и стоячей воды, проточной воды и бьющего источника, родника, текущего с горы, и источника, вытекающего из ямы, реки, вернувшейся в русло после прорыва [дамбы], реки, растекающейся по болоту, и нескольких ручьев, вытекающих из одного источника. Приди-ка [с ним] снова сюда.

На другой день Лецзы вместе с Колдуном снова явился к учителю. Не успел [Колдун] занять [свое] место, как в растерянности пошел прочь.

— Догони его, — велел учитель.

Лецзы побежал, не смог его догнать, вернулся и доложил учителю:

— Не догнал. [Он куда-то] исчез! Потерялся! — Я показался ему зародышем, каким был еще до появления на свет. Я предстал перед ним пустым, слабым, покорным. [Он] не понял, кто [я], какой [я], видел то увядание, то стремительное течение. Вот и сбежал.

Тут Лецзы решил, что еще и не начинал учиться, вернулся [домой] и три года не показывался. Готовил пищу для своей жены, свиней кормил, будто людей. В резьбе и полировке вернулся к безыскусственности [31. Такой же взгляд на искусство см. «Чжуанцзы», стр. 253 <235>]. В [других] делах не принимал участия. Лишь телесно, словно ком земли, возвышался он среди мирской суеты, замкнутый, целостный и поэтому [познал] истину до конца.

Лецзы направился в Ци, [но] с полдороги вернулся и встретил Дядю Темнеющее Око.

— Почему возвратился? — спросил Темнеющее Око.

— Я испугался!

— Чего же испугался?

--Я ел в десяти харчевнях, и в пяти [мне] подавали раньше всех.

— Пусть так. Но чего же тебе пугаться?

— Чистота внутри еще не освободилась, а из тела [она] просачивается [в виде] луча. Внешним воздействовать на сердца людей, чтобы они пренебрегали уважаемыми и старыми, [значит] готовить себе беду. Ведь хозяин харчевни не имеет лишних доходов, продает лишь кашу да похлебку. Если так поступает тот, у кого прибыль скудная, а власть ничтожная, что же сделает властитель тьмы колесниц, который отдает все силы государству и все знания управлению? Поэтому-то я и испугался, что тот [царь] захочет поручить мне дела и [станет] ждать от меня заслуг [32. Данный аргумент — одно из свидетельств об отказе даосов служить власть имущим (вариант фрагмента см. «Чжуанцзы», <309>)].

— Прекрасное наблюдение! — воскликнул Темнеющее Око. — [Но если] ты останешься у себя, люди станут [искать] у тебя защиты.

Вскоре Темнеющее Око пришел [к Лецзы] и у дверей увидел множество туфель. Обернувшись лицом к северу <как подчиненный>, Темнеющее Око оперся подбородком о посох, нахмурился и, постояв немного, молча вышел. Принимавший гостей доложил об этом Лецзы. Лецзы босой с туфлями в руках побежал [за Темнеющим Оком] и, догнав у ворот, спросил:

— Поскольку [вы], Пржеждорожденный, пришли, не дадите ли мне совет?

— [Все] кончено! Я же предупреждал, что люди станут [искать] у тебя защиты. Это действительно так! Способный привлечь других, чтобы [стекались] к тебе, ты оказался не способным помешать другим искать у тебя защиты. К чему это?

[Стоит] результату разойтись с предвидением, и непременно получится огорчение. [Оно] бессмысленно и поколеблет [тебя] самого. Никто из твоих последователей [этого] тебе не скажет. Вся их мелкая болтовня — яд для человека. Без пробуждения, без сознания разве [помогут] созреванию друг друга?

Ян Чжу [33. Ян Чжу (Янцзы — № 4494, вариант № 4490, Ян Цзыцзюй) — VI-V вв. до н.э., ученик Лаоцзы, подробнее см. Предисловие, стр. 31-32, «Лецзы», гл. 7, прим. I. <Вариант данного фрагмента см. «Чжуанцзы», 284-285.>] на юге достиг [местности] Пэй, [и когда] Лаоцзы [34. Лаоцзы (Лао Дань, Старый Дань, Ли Эр) — VI в. до н.э., основоположник даосской школы — древнего стихийного материализма и наивной диалектики.], странствуя на запад, пришел в Цинь, встретил его на подступах — в Лян.

Посредине дороги Лаоцзы подъял взор к небу и вздохнул:

— Прежде думал, что тебя можно научить, ныне же [вижу], что нельзя.

Ян Чжу промолчал. [Когда же] вошли в харчевню, [Ян Чжу] подал [Лаоцзы] воду для мытья и полоскания рта, полотенце и гребень. Оставив туфли за дверями, подполз к нему на коленях и заговорил:

— Недавно учитель подъял взор к небу, вздохнул и сказал: «Прежде думал, что тебя можно научить, ныне же [вижу], что нельзя». [Мне], ученику, хотелось попросить объяснения, но не осмелился, ибо учитель сказал и продолжал путь без отдыха. Ныне же у учителя есть свободное время. Дозвольте [мне] задать вопрос: в чем моя вина?

— У тебя самодовольный взгляд, у тебя хвастливый взгляд. С кем сумеешь жить вместе? [Ведь и] «чистейшая белизна кажется запятнанной, совершенное достоинство кажется недостаточным!» [35. Почти точная цитата из Лаоцзы, см. «Дао дэ цзин», §41.] — ответил Лаоцзы.

— Почтительно слушаюсь! — сказал Ян Чжу со всем уважением, изменившись в лице.

Прежде Ян Чжу в харчевне приветствовали жильцы, хозяин приносил [ему] циновку, хозяйка подавала полотенце и гребень, сидевшие уступали [место] на циновке, гревшиеся давали [место] у очага. Когда же он вернулся, постояльцы стали спорить с ним: за [место] на циновке.

Проходя через Сун [36. Вариант притчи о двух наложницах (без вывода в последнем абзаце) см. «Чжуанцзы», 258 <238>], на востоке Ян Чжу зашел на постоянный двор. У хозяина двора были две наложницы: красивая и безобразная. Безобразную [хозяин] ценил, а красивой пренебрегал. На вопрос Янцзы, какая тому причина, этот человек ответил:

— Красавица сама [собой] любит себя, и я не понимаю, в чем ее красота. Безобразная сама себя принижает, и я не понимаю, в чем ее уродство.

— Запомните это, ученики, — сказал Янцзы. — Действуйте достойно, но гоните от себя самодовольство, и (вас) полюбят всюду, куда бы ни пришли.

В Поднебесной есть путь к постоянным победам и путь к постоянным поражениям. Путь к постоянным победам называется слабостью, путь к постоянным поражениям называется силой. Оба этих пути легко познать, однако люди их не знают. Поэтому в древности и говорили: «сильный [старается] опередить тех, кто слабее его; слабый — тех, кто сильнее его» [37. Ср. «Дао дэ цзин», §78. Заключение фрагмента — развитие утопии Лаоцзы о государе, стоящем ниже своих подданных.]. Идущему впереди тех, кто слабее его, грозит опасность от равного ему; идущему впереди тех, кто сильнее его, не грозит опасность. Так побеждают

собственное тело, будто раба, так служат Поднебесной, будто рабы. Это и называется: победой без побед, службой без служения.

Вскармливающий Медведя сказал:

— Хочешь быть твердым [38. Данный фрагмент (без упоминания о Вскармливающем Медведе) и до половины речи Лаоцзы см. «Хуайнаньцзы», (цз. 1, VII, 8-9).], сохраняй [твердость] с помощью мягкости; хочешь быть сильным, береги [силу] с помощью слабости. [Кто] собирает мягкое, станет твердым; [кто] собирает слабое, станет сильным; наблюдай за тем, что собирается, чтобы узнать, что придет: счастье или беда. Сильный побеждает тех, кто слабее его, а от [руки] равного себе — гибнет. Слабый побеждает тех, кто сильнее его, его сила — неизмерима. Лаоцзы сказал:

«Войско могущественное погибнет.

Дерево крепкое сломается.

Мягкое и слабое — спутники жизни.

Твердое и сильное — спутники смерти» [39. Ср. «Дао дэ цзин», §76.].

Подобные по уму могут быть различны обликом; подобные обликом могут быть различны по уму. Мудрый сближается с подобным [себе] по уму, но отдаляется от подобного [себе] обликом; дюжинный сближается с подобным [себе] обликом, но отдаляется от подобного [себе] по уму. С подобными [себе] обликом [мы] сближаемся и их любим; от отличающихся от нас обликом [мы] отдаляемся и их боимся. [Того, кто] обладает ростом в семь чи, руками, отличными от ног, волосами на голове и зубами во рту, бежит, наклонясь вперед, — называем человеком; но человек может обладать сердцем зверя. Однако, несмотря на звериное сердце, видим в нем подобного себе. [Того, кто] обладает крыльями по бокам, рогами на голове, способен обнажать клыки и выпускать когти, летать в воздухе или бегать на четырех ногах, называем птицей или зверем. А у птицы или зверя может быть сердце человека. Однако, несмотря на человеческое сердце, [мы] видим в них чуждых себе обликом.

У Готовящего Жертвенное Мясо и Нюйва [40. Готовящий Жертвенное Мясо (Паоси или Фуси) и Нюйва (Нюйгуа) — древнейшие герои китайских мифов. Несмотря на позднейшую трактовку как «правителей», в их изображении сохранилось туловище змеи.], у Священного Земледельца [41. Священный Земледелец (Шэньнун) — мифический изобретатель земледелия.] и Великих Вождей [42. Великие Вожди (Сяхоуши) — род Молодого Дракона (Юя). Перевод имени, основанный на гипотезе Гу Цзегана (т. I, стр. 120), не означает нашего согласия с самой гипотезой, отрицающей один из самых значительных образов китайской мифологии — великого покорителя потопа (традиционные даты: покорения потопа — 2286-2278, соправления с Ограждающим (Шунем) — 2224-2208, самостоятельного правления — до 2198 г. до н.э.)] были змеиные тела и человеческие лица или бычьи головы и тигриные морды. [Они] обладали не обликом человека, а свойством великих мудрецов. Ся Разрывающий на Части [43. Ся Разрывающий на Части (Цзе, традиционные даты его правления 1818-1767 г. до н.э.) — посмертный титул последнего правителя мифической династии Ся. Цзе и следующие за ним в тексте три персонажа считаются людьми порочными, отрицательными героями истории.] и Инь Бесчеловечный [44. Инь Бесчеловечный (Чжоу, традиционные даты правления 1154-1122 г. до н.э.) — посмертный титул последнего правителя династии Шан-Инь.], Луский Хуань [45. Хуань — царь, правивший в Лу с 712 по 695 г. до н.э.] и Чуский Му [46. Му — царь, правивший в Чу с 625 по 614 г. до н.э.] внешне, семью отверстиями [в голове] были подобны человеку, но сердцем обладали звериным. Дюжинный человек, держась лишь облика в поисках истины, ее [истины] не найдет. Желтый Предок, сражаясь с Предком Огня [47. Предок Огня (Янь ди) — один из мифических предков китайцев, вариант его имени, возможно, Владеющий Огнем (Ю Янь) (ср. «Чжуанцзы» гл. 9, прим. 3, гл. 10, прим. 11, гл. 14, прим. 12, гл. 16, прим. 2). Пример отождествления Яньди с другими богами на основании более поздних источников см. Юань Кэ, <стр. 72-78, 341-344>.] на поле при Баньцюань, повел в авангарде медведей и медведиц, волков и барсов, пантер и тигров, а знаменосцами сделал орлов и фазанов, кречетов и коршунов. Таково подчинение птиц и зверей силой. Высочайший [48. Высочайший (Яо) — мифический правитель, позже обожествлявшийся конфуцианской религией. Традиционные даты его правления — 2357-2258 г. до н.э.] поручил Кую [49. Куй — музыкант, Орфей китайской мифологии.] ведать музыкой. Ударяя одной каменной

пластинкой о другую, [тот] повел всех зверей танцевать; [сыграл] на свирели девять тактов песни «[Великое] цветение» [50. «Великое Цветение» («Да Шао») — мелодия, созданная Куем в правление Ограждающего <(см. также «Чжуанцзы», 3106)>], и пара фениксов явилась совершить обряд. Таково привлечение птиц и зверей музыкой. Разве этим сердца у птиц и зверей отличаются от человеческих? К тем, кто по облику и по голосу отличается от человека, [мы] не знаем, как подойти. Мудрый же все знает, всех понимает, поэтому умеет их привлечь и ими распорядиться. Ведь у птиц и зверей знания естественные, подобные человеческим. Не заимствуя знаний у человека, все они стремятся сохранить свою жизнь. Самец и самка спариваются, мать и детеныш любят друг друга. [Они] избегают [местности] ровной, держатся неприступной, уходят от холода, стремятся к теплу, останавливаются, [собираясь] в стадо; передвигаются рядами, юные помещаются в середине, сильные — по краям. [Когда есть] вода, ведут [к ней] друг друга, [когда есть] пища, призывают друг друга. В древности [они] жили вместе с людьми [51. В данном фрагменте как часть даосской утопии излагается представление о постепенном развитии человека от естественного, «животного» состояния, которое противопоставляется конфуцианской легенде о «золотом веке» древности — правлении «праведных» царей <(см. также Ян Чжу, 107-108, 115; «Чжуанцзы», 176-177, 296)>.] и передвигались вместе с людьми, а во времена вождей и царей стали пугаться и бросаться враспынную. В последнее же время [они] таятся, прячутся и спасаются бегством, чтобы избежать беды. Ныне на востоке в стране рода Посредников люди понимают язык шести [видов] животных и [с ними] говорят. Эти знания [они], наверно, приобрели случайно. В древнейшие же времена священные мудрецы различали по виду и по характеру мириады тварей и понимали язык каждого из видов; созывали их и собирались вместе с ними, учили их и принимали, как людей. Поэтому сначала встречались с душами предков и духами, оборотнями, горными и лесными, затем общались с народами всех восьми сторон и, наконец, собирали птиц и зверей, насекомых и пресмыкающихся. [Они] говорили: «У существ, обладающих кровью и жизненной энергией, нет большого различия в сердце и знаниях». Священные мудрецы это знали и поэтому, обучая и наставляя, никого не упустили.

В царстве Сун жил Обезьяний Царь [52. Вариант той же притчи, известной под названием «Утром три», см. «Чжуанцзы», 142. Ее значение: от перестановки мест слагаемых сумма не меняется.], который любил обезьян и кормил их целую стаю. [Он] умел разгадывать их желания, обезьяны также его понимали. Чтобы убогатить обезьян, [он] меньше кормил свою семью.

Но вдруг [он] обеднел, и пришлось [ему] уменьшить корм обезьянам. Боясь, что вся стая выйдет из повиновения, сначала их обманул:

— Хватит ли, если стану давать вам утром по три каштана, а вечером по четыре?

Тут все обезьяны поднялись в гнев.

— Хватит ли, если стану давать вам утром по четыре каштана, а вечером по три? — сразу же переспросил он.

И все обезьяны, обрадованные, легли на землю.

Так же точно заманивают в клетку тварь более глупую. Мудрец с помощью своих знаний заманивает толпу дураков так же] как перехитрил обезьян с помощью своих знаний Обезьяний Царь] Оставив название и сущность неизменными, [он] сумел вызвать у обезьян то гнев, то радость.

Цзи Синцзы [53. Цзи Синцзы (Цзи Сяоцзы) — дрессировавший бойцовых петухов при Сюане, царе Чжоу в 827-782 гг. до н.э.; <см. также «Чжуанцзы», 229-230>.] тренировал бойцового петуха для чжоуского царя Сюаньвана. Через десять дней [царь] спросил:

— Готов ли петух к бою?

— Еще нет. Пока самонадеян, попусту кичится. Через десять дней [царь] снова задал [тот же] вопрос.

— Пока нет. Еще бросается на [каждую] тень, откликается на [каждый] звук.

Через десять дней [царь] снова задал [тот же] вопрос.

— Пока нет. Взгляд еще полон ненависти, сила бьет через край.

Через десять дней [царь] снова задал [тот же] вопрос.

— Почти [готов]. Не встревожится, пусть даже услышит [другого] петуха. Взгляни на него — будто вырезан из дерева. Полнота его свойств совершенна. На его вызов не посмеет откликнуться ни один петух — повернется и сбежит.

Хой Ан [54. Хой Ан, умелый оратор, софист. Вариант данного фрагмента см. «Весна и осень Люя» (цз. 15, VI, 170-171); «Хуайнаньцзы» (цз. 12, VII, 192-193).] посетил сунского царя Канвана [55. Канван — в хронологии сунских царей отсутствует.]. Канван затопал ногами и, гневно хрипя, закричал:

— Чему гость может меня научить? Я не люблю проповедников-милосердия и справедливости. Мне нравятся храбрецы и силачи.

— Не заинтересует ли великого государя учение, которым обладаю [я], ваш слуга? — ответил Ан. — Даже сильного оно может заставить промахнуться в ударе, даже храброго — колоть [кинжалом] и не поранить.

— Прекрасно! Об этом мне нравится слушать.

— Но ведь колоть и не поранить, ударить и промахнуться — это позорно. У вашего же слуги есть такое учение, от которого и храбрый не посмеет колоть, и сильный не посмеет ударить. Но не сметь — не означает не хотеть. У вашего же слуги есть учение, от которого у человека совсем исчезает подобное желание. Исчезнет подобное желание, не появится и мысли о выгоде. У вашего же слуги есть учение, от которого все мужья и жены в Поднебесной полюбят выгоду. Это умнее, чем храбрость и сила, выше [всех] четырех рангов. Не заинтересует ли это великого государя?

— Это то, чего я хотел бы добиться, — ответил сунский царь.

— Таково [учение] Куна и Мо. Конфуций и Мо Ди стали царями, не имея земли, стали начальниками, не имея подчиненных. Желая им покоя и выгоды, каждый муж и каждая жена в Поднебесной поднимались на цыпочки и вытягивали шею. [И если] ныне великий государь — властелин тьмы колесниц — действительно имеет подобное желание, то все в пределах четырех границ обретут свою выгоду. И он превзойдет умом Конфуция и Моцзы. Царю нечего было ответить. Хой Ан же поспешил уйти. Царь сказал [стоявшим] слева и справа: — [Вот это] красноречие! Гость сумел меня убедить!

ЧЖОУСКИЙ ЦАРЬ МУ

При чжоуском царе Му [1. Му — царь в Чжоу (1001-947 гг. до н.э.). Его путешествия — см. «Жизнеописание Сына Неба Му» («Му тяньцзы чжуань») — были овеяны легендами, а сам Му и восьмерка его коней стали сказочными персонажами. В книге Юань Кэ имена коней по «Лецзы» оставлены без перевода, переведены же более поздние их варианты (IV-VI вв. н.э.). <См. Юань Кэ. стр. 304, 436-437.>] из страны на крайнем Западе явился человек, владевший [силой] превращений. Входил в огонь и воду, проходил через металл и камень, переворачивал горы, менял течение рек, передвигал обнесенные стенами города. Поднимался в пустоту и не падал, проходил сквозь твердое, не встречая препятствий, тысячам и десяткам тысяч его превращений не было конца. Он изменял и форму вещей и мысли людей.

Царь Му почитал его, словно духа, служил ему, словно царю, уступил ему царские покои, угощал его мясом вскормленных для жертв быков, баранов, свиней; чтобы развлекать его, отбирал лучших девушек-певиц. Однако тот человек не мог жить в царских покоях, находя их низкими и безобразными; не мог есть яств царской кухни, находя их сырыми и зловонными; не мог приблизиться, к царским наложницам, находя их некрасивыми и вонючими.

Тогда царь Му стал воздвигать для него строение, [призвав на помощь] все искусство [своих] мастеров по глине и дереву, по окраске красным и белым. [Все] пять сокровищниц опустели, пока башня была закончена. Высотой в тысячу жэней, она возвышалась над вершиной Южной горы и называлась Вздвигающейся к Небу башней. Для башни выбрали красивейших из дев в [царствах] Чжэн и Вэй [2. Чжэн и Вэй — царства, девушки в которых считались самыми красивыми, а песни — самыми нежными, — были осуждены как «развратные» конфуцианцами (см. «Изречения», гл. 15, 17, I, 339, 379, «Сюньцзы», II, 254); поэтому упоминание о них признавалось ересью.], умастили [их] ароматными маслами, подрисовали [им] брови — усики бабочки, убрали прическу шпильками, проделали [в уши] серьги, одели их в тончайший холст, отсроченный блестящим шелком из Ци, набелили им лица, подчеркнули брови, украсили нефритовыми подвесками, различными душистыми травами. Заполнив башню, [красавицы] сыграли песни «Принимаем облака», «Шесть драгоценных нефритов», девять тактов мелодии [«Великое Цветение», «Утреннюю росу»] [3. Названия песен, которые в «Шицзине» отсутствуют.], чтобы развеселить человека, владевшего [силой] превращений.

Каждую луну [царь] подносил [ему] драгоценные одежды, каждое утро — тонкие яства. Тот же до всего снисходил как бы нехотя.

Прожив недолго [в башне, тот человек] пригласил царя прогуляться. Держась за его рукав, царь взлетел с ним ввысь на самое Срединное небо и очутился в его дворце. Дворец был построен из золота и серебра, усыпан жемчугом и нефритом. Возвышался [он] и над облаками и над дождем, а на чем покоился — неведомо. Издали он казался пушистым облаком. Все здесь для зрения и слуха, обоняния и вкуса было иным, чем в мире людей. Царь, считая, что оказался поистине в обители предков — Чистейшей Столице Пурпурной Звезды, [наслаждался] широтой мелодии небесной музыки. Наклонив голову, царь увидел внизу свой дворец и террасы, похожие на комья земли и кучи хвороста. Царю казалось, что прожил [он] здесь десятки лет, не вспоминая о своей стране. [Но вот] человек, владевший [силой] превращений, снова пригласил царя прогуляться, и [они] пришли туда, где наверху не видно было ни солнца, ни луны, а внизу — ни рек, ни морей. Свет и тени ослепили царя, и [он] не мог ничего разглядеть; звуки и эхо оглушили царя, и [он] не мог ничего расслышать. Все его кости и внутренние органы затрепетали, [он] не мог сосредоточиться, мысли [у него] омрачились, жизненная сила истощилась, и [он] стал уговаривать того человека вернуться обратно. Тот [его] толкнул, и царь камнем свалился в пустоту.

Очнулся [он] на том же месте, что и прежде; в свите были те же люди, что и прежде; вино перед ним еще не остыло, кушанья еще не высохли.

— Откуда [я] прибыл? — спросил царь.

— Государь [сидел] задумавшись, — ответили слева и справа. Тут царь Му впал в беспамятство. Пришел в себя [лишь] через

три месяца и снова спросил человека, владевшего [силой] превращений. Тот ответил:

— Разве мы с государем двигались? [Нет!] Мы странствовали мысленно. А разве место, где [мы] жили, не иное, чем дворец государя? Разве места, где странствовали, не отличались от заповедника государя? Привыкнув к постоянному, сомневаешься в возможности забыться на время? При высшем же изменении в один миг. можно исчерпать все возможные формы.

В большой радости царь перестал заботиться о государственных делах, наслаждаться своими наложницами и всеми мыслями предался далеким странствиям.

[Он] приказал запрячь в две колесницы восемь своих добрых коней. В переднюю колесницу запрягли справа Рыжего Черногривого, слева — Зеленое Ухо, правой пристяжной — Рыжего Быстроногого, слева — Белую Жертву. Колесничим был Отец Цзао, помощником — Тай Бин <иероглифы неразборчивы — Л.П.>. В упряжку второй колесницы запрягли справа Огромного Буланого, слева — Превосходящего Колесо [?], правой пристяжной — Быстроногого Вороного, левой — Сына Гор. Ведущим был Бо Яо, колесничим — Шэнь Бо, помощником — Бэнь Жун.

Промчались тысячу ли и прибыли в страну Огромных Охотников [4. Страна Огромных Охотников (Цзюйсоу) — сказочная страна.]. Огромные Охотники подвезли царю и [его] людям на двух колесницах кровь белого лебедя для питья, молоко коровы и кобылицы для мытья ног. Напившись, поехали дальше и заночевали на склоне [горы] Союз Старших Братьев [5. Гора Союз Старших Братьев (Куньлунь) — мифическая обитель предков и богов: за этой горой скрываются поочередно солнце и луна.] к югу от Красных Вод [6. Красные воды (Чишуй) — сказочная река.].

На другой день поднялись на вершину [горы] Союз Старших Братьев, чтобы полюбоваться на дворец Желтого Предка, и насыпали холм, чтобы оставить память грядущим поколениям. Затем отправились погостить к Матери Западных Царей [7. Мать Западных царей (Сиванму) — божество, возглавляющее пантеон на горе Союз Старших Братьев.] и пировали над Озером Белого Нефрита [8. Озеро Белого нефрита — сказочное озеро.].

Мать Западных Царей пела царю, а он вторил ей, но слова были печальны. Наблюдая, как закатилось солнце, прошедшее за день десятки тысяч ли, царь со вздохом сказал:

— Увы! Я — человек, который не обладал полнотой основных свойств, но увлекался наслаждениями. Потомки осудят меня.

Разве царь Му священен? [Ведь он] сумел исчерпать наслаждения в своей жизни и все же умер, [прожив] до ста лет. В мире считали, что [он] поднялся [ввысь] <умер>.

Старый Чэнцзы [9. Старый Чэнцзы (Лао Чэнцзы), — как видно из данного фрагмента, ученик Инь Вэня, даос, обратившийся к магии.] учился [искусству] превращений у Преждерожденного Инь Вэня [10. Инь Вэнь — представитель одной из ветвей даосизма (См. также стр. 317). Носящий его имя памятник см. «Чжу цзы цзи чэн», т. VI.], но за три года [тот] ничего не сказал. Старый Чэнцзы просил прощения и разрешения удалиться. Преждерожденный Инь Вэнь приветствовал его, ввел в дом, загородился справа и слева и стал ему говорить:

— Когда-то Лаоцзы, отправляясь на Запад, обернулся и сказал мне: «Все, кто обладает жизненной энергией, все, кто обладает внешней формой <телом>, смертны. То, что создается, развивается [с помощью] жара и холода, называется жизнью, называется смертью. То, что малым числом достигает многих изменений, то, что легко меняется вслед за [своей] формой, называется превращением, называется преходящим. Процесс создания вещей сокровенен, плоды его бесчисленны, поэтому [процесс] неисчерпаем и бесконечен. Искусство же [в каждой отдельной] форме ясно видно, его успехи невелики, поэтому [оно] исчезает, едва возникнув. Изучать превращения может лишь тот, кто познал, что изменения и превращения не отличаются от [процесса] жизни и смерти. Мы с тобой такие же превращения, так следует ли их изучать?».

Возвратившись домой, Старый Чэнцзы размышлял над словами Преждерожденного Инь Вэня три луны, а затем уже сумел, как хотел, распоряжаться бытием и небытием, менять четыре времени года, вызывать гром зимой, а снег — летом, заставлять летающих бегать, а бегающих — летать. Но за всю жизнь [никому] не открыл своего искусства, и люди [его] не передавали друг другу.

Учитель Лецзы сказал:

— Учение того, кто умело владеет превращениями, применяется тайно, успехи [у него] такие же, как и у [других] людей. Вряд ли добродетели Пяти предков [11. Содержание термина «Пять предков» не всегда одинаковое. Судя по встречающимся у Лецзы именам, это — Желтый Предок, Священный Земледелец, Нюйва, Готовящий Жертвенное Мясо и, возможно, Высочайший.] и успехи Трех царей [12. Три царя — родоначальники трех племен (традиционных династий): Молодой Дракон (Юй) — племени Ся, Испытующий (Тан) — племени Шан-Инь, Прекрасный (Вэньван) — племени Чжоу.] были обусловлены силой их ума и мужества, возможно, что [они] проявились благодаря превращениям. Но кто это определит?

Есть восемь свидетельств о бодрствовании; есть шесть толкований снов [13. Если в начале фрагмента Лецзы как будто допускает возможность магического воздействия на природу (лишь как исключение для «священных» предков), то далее излагает материалистическое

понимание сновидений. Комментарий также добавляет: «Главное здесь — понимание, что сон не отличается от яви», т.е. обуславливается явью.]. Что такое восемь свидетельств [бодрствования]? Первое — событие, второе — действие, третье — приобретение, четвертое — утрата, пятое — печаль, шестое — радость, седьмое — рождение, восьмое — смерть. Эти восемь воспринимаются телом. Что такое шесть толкований [снов]? Первое — обычный сон, второе — страшный сон, третье — сон, вызванный мыслями наяву, четвертое — сказанным наяву, пятое — сон, вызванный радостью наяву, шестое — страхом наяву. Эти шесть воспринимаются душой. Тот, кто не знает причин изменений в ощущениях, приходит в смятение из-за этого явления; тот, кто знает причину изменений в ощущениях, понимает это явление. Знающего причину [14. Здесь делается попытка обосновать причинность развития явлений.] ничто не может испугать. Тело в своей полноте или пустоте, в уменьшении или в росте связано со всем на небе и земле соответственно своему классу <роду, виду> тварей. Поэтому, когда [в теле] сильна энергия холода, во сне переправляются через водное пространство и пугаются; когда сильна энергия жара, во сне проходят через бушующее пламя и обжигаются. Когда сильны обе энергии — и холода и жара, то снится рождение или убийство. Объевшемуся снится, что [он] отдает, изголодавшемуся — что получает. По той же причине тому, кто страдает от легкости и пустоты, снится, что [он] взлетает; тому, кто страдает от тяжести и плотности, снится, что [он] тонет. Тому, кто засыпает на поясе, приснится змея; тому, у кого летящая птица заденет волосы, приснится полет. Перед темнотой снится огонь; перед болезнью — еда, после вина — печаль, после песен и плясок — плач.

Учитель Лецзы сказал:

— Воспринятое душой — сон; воспринятое телом — явь [15. Ср. «Чжуанцзы»: «Тот, кто видел во сне, что пьет вино, — наяву плачет...» <(145)>. «Во сне — воспринятое душой, наяву — воспринятое телом» <(140)>]. Поэтому то, о чем думаем днем, ночью видим во сне; это то, с чем встречаются и душа и тело. Поэтому у человека с душой сосредоточенной сны сами собой исчезают. Тот, кто верит в явь, молчит; тот, кто верит в сны, не понимает, что это уходят и возвращаются вещи. Разве пустые слова, что настоящий человек древности наяву забывал о себе, а спал, не видя снов?! [16. Ср. «Хуайнаньцзы» цз. 2, VII, 21.].

На самом юге крайнего Запада есть страна. С какими странами она граничит — неизвестно. Называется она царством Дремучие Дебри [17. «Дремучие Дебри» (Гуман), «Горное племя» (Фуло) — страны сказочные, в отличие от страны реальной — Средних царств Китая.]. Силы жара и холода там не соединяются, поэтому холод не отличают от жары. Ее не освещают ни лучи солнца, ни свет луны, поэтому день там не отличают от ночи. Люди там не едят, не носят одежды, много спят, просыпаясь один раз в пятьдесят дней. Они считают действительным то, что делают во сне, и недействительным — то, что видят наяву.

Страна, отстоящая на равные расстояния от четырех морей, называется Срединным царством. Она простирается на юг и на север от [Желтой] реки [18. Река без определения обозначается хэ или цзян. Первая, как правило, Хуанхэ, вторая — Янцзыцзян.], на восток и запад от горы Преемства [19. Гора Преемства (Дайшань) — другое, видимо, более древнее название горы Великой (Тайшань) — места захоронения царей (предков) и принесения новым царем первой жертвы Небу.] более чем на десять тысяч ли. Силы жара и холода в ней сменяются равномерно, поэтому за холодом приходит жара. Тьма и свет разделяются поровну, поэтому день сменяет ночь. Здесь мириады тварей растут и размножаются. Среди людей есть умные, есть глупые. Многообразны таланты и способности. Чтобы наблюдать за ними, есть правители и слуги, чтобы поддерживать [их] — обычаи и законы. Что они делают, о чем говорят, нельзя и сосчитать. Они то бодрствуют, то спят; считают действительным то, что делают наяву, недействительным то, что видят во сне.

На самом севере крайнего Востока есть царство Горного Племена. Там земля и воздух всегда жаркие, землю освещает слишком много лучей солнца и луны, лучшие [сорта] зерна не рождаются. Там люди едят траву, корни, плоды деревьев, не умеют варить пищу на огне. У них характер твердый, вспыльчивый. Опираясь друг на друга, сильные подавляют слабых, почитают победителей и не уважают справедливости. [Они] много ездят верхом и редко отдыхают, всегда бодрствуют и никогда не спят.

Инь в царстве Чжоу [20. Царство Чжоу — одно из древнекитайских царств, находившееся на территории современной провинции Шэньси.] управлял огромным хозяйством. Подчиненные ему рабы спешили, не отдыхали от зари до темноты. Старого раба, у которого уже не осталось сил, Инь заставлял без меры трудиться. Утром [раб] со стоном шел на работу, ночью усталый крепко засыпал. [Когда] жизненная энергия рассеивалась, [он] каждую ночь видел себя во сне царем, стоящим над народом, правящим делами всего царства. Он наслаждался, как хотел, проводя время с наложницами, в прогулках, пирах и зрелищах, испытывая несравненную радость. Пробуждаясь же, снова оказывался рабом.

Люди утешали его в тяжком труде, раб же им говорил:

— Человек живет сто лет [21. Ср. с тезисами Ян Чжу <(107)> и с монологом разбойника Чжи <(297)>]. Это [время] делится на день и ночь. Днем я слуга-пленник и страдаю горько, а ночью становлюсь царем и радуюсь несравненно. Что же мне роптать?

У [хозяина же] Иня сердце было занято хлопотами. В заботах о дарованном предками наследии [он] утомлялся и телом и сердцем, вечером усталый засыпал. И каждую ночь во сне он становился рабом, которого подгоняли, поручая любую работу, всячески ругали и били. Во сне он бредил, стонал, но отдых приходил лишь наутро.

Страдая от этого, Инь попросил совета у друга. Друг сказал:

— [Вы] намного превосходите других своим положением, вполне достаточным для славы. И имущества же и богатства [у вас] излишек. Во сне становиться рабом, возвращаться от покоя к мучению — таково постоянство [судьбы]. Разве можно обладать тем, что желаешь, и во сне и наяву?

Выслушав совет друга, [Инь] уменьшил [бремя] своих рабов, сократил дела, о которых заботился, и [тогда] почувствовал облегчение.

Чжэнец-Дровосек, собирая топливо в отдаленном месте, повстречал испуганного оленя, ударил его и убил. Боясь, что кто-нибудь заметит оленя, дровосек поспешил спрятать его во рву и прикрыть хворостом. Но от радости он вдруг забыл, где спрятал добычу, и решил, что все это случилось во сне.

По дороге [дровосек] пел о том, что с ним случилось. Песникз подслушал прохожий и благодаря этому нашел оленя. Придя домой, он сказал своей жене:

— Дровосек во сне добыл оленя, но не знал, где он находится. Теперь же я его нашел. Дровосек воистину видел вещий сон.

Жена возразила:

— Не приснилось ли тебе, что дровосек добыл оленя? Откуда; взялся дровосек? Поистине ты добыл оленя, значит твой сон и был вещим.

Муж ответил:

— Зачем разбираться, кому приснилось: ему или мне? Я же добыл оленя!

Дровосек вернулся домой, но не мог примириться с потерей оленя. Той же ночью в вещем сне увидел он место, где спрягал оленя, и человека, который нашел оленя. На следующее

утро дровосек отыскал приснившегося ему человека, а затем пошел в суд спорить из-за оленя. Его послали к Наставнику мужей.

Наставник мужей сказал:

— Если [ты] сначала действительно добыл оленя, то напрасно называешь это сном. [Если же] на самом деле добыл оленя во сне, то напрасно называешь это действительным. [Если] Прохожий действительно взял твоего оленя, то спорит с тобой из-за оленя. [Если же] его жена [правильно] говорит, что он узнал о чужом олене во сне, тогда никто не добыл оленя. [Однако] вот доказательство — олень. Прошу разделить его на две части и пусть услышит об этом царь Чжэн.

Царь Чжэн сказал:

— Увы! Не видел ли и [сам] судья во сне, что разделил чужого оленя?

[Царь] спросил совета у помощника. Помощник же сказал:

— [Ваш] слуга не может разобраться, сон это был или не сон. Отличить сон от яви [могли] лишь Желтый Предок и Конфуций. Кто же их различит, [если] ныне нет ни Желтого Предка, ни Конфуция. Значит, можно довериться решению Наставника мужей.

Хуацзы [22. Хуацзы (Цзы Хуацзы) — последователь Ян Чжу (см. Ян Юнго, стр. 233; «Чжуанцзы», 286-287). В данном фрагменте он полемически противопоставляется конфуцианцу, привязывающему человека к мелочам бытия.] из Янли в [царстве] Сун в среднем возрасте потерял память. Взяв [что-то] утром, забывал к вечеру; отдав вечером, забывал к утру; на дороге забывал, что [надо] идти, в доме забывал, что [надо] сидеть; сегодня не помнил о [том, что было] вчера; завтра не помнил о [том, что было] сегодня. Вся семья о нем печалилась. Позвали гадала, [он] гадал на панцире черепахи, ноне дал ответа. Позвали шамана, [он] прочел заклинания, но не прогнал несчастья. Позвали врача, [он] лечил, но [болезнь] не прошла.

Конфуцианец из [царства] Лу сам вызвался излечить [больного]. Жена и сыновья Хуацзы предложили за снадобье половину всего имущества. Конфуцианец же сказал:

— Эту [болезнь], конечно, не разгадать по линиям на панцире черепахи, не изгнать заклинаниями, не излечить лекарствами и наколами камня [23. Метод лечения, по-видимому предшествовавший иглотерапии.]. Я попытаюсь вернуть его к мыслям, к заботам. Может быть, и вылечу.

Тут конфуцианец раздел Хуацзы донага, и [тот] стал искать одежду; оставил его голодным, и [тот] стал искать пищу; запер его в темноте, и [тот] стал искать Света. Конфуцианец обрадовался и сказал сыновьям Хуацзы:

— Болезнь поддается излечению. Но мое искусство передается из поколения в поколение тайно, чужие в него не посвящаются. Попробуйте загородить [нас] справа и слева и оставить нас в комнате наедине на семь дней.

Ему подчинились, и никто не узнал, что он делал. И застарелая болезнь прошла за одно утро.

Хуацзы очнулся и страшно разгневался. Выгнал жену, наказал сыновей и с копьем погнался за конфуцианцем. Сунцы схватили его и спросили, почему он [так поступает]. Хуацзы же ответил:

— Прежде, утратив память, я был безгранично свободен, не ощущая даже, существуют ли небо и земля. А ныне внезапно [все] осознал, и в тысячах спутанных нитей [мне] вспомнились жизни и смерти, приобретения и утраты, радости и печали, любовь и ненависть за прошедшие десятки лет. Я страшусь, что с такой же силой поразят мое сердце грядущие жизни и смерти, приобретения; и утраты, радости и печали, любовь и ненависть. Сумею ли снова хоть на миг обрести забвение!

Услышав об этом, Цзыгун удивился и рассказал Конфуцию.

— Этого тебе не постичь, — ответил Конфуций, обернулся к Янь Юаню и велел ему это запомнить.

Сын циньца из рода Пан в детстве был очень умным, но, возмужав, потерял рассудок [24. В этом фрагменте продолжается тема предшествующего, а в заключение устами Лаоцзы конфуцианцы («благородные мужи из Лу», см. прим. 25) объявляются безумными.]: пение принимал за плач, белое — за черное, аромат — за зловоние, сладкое — за горькое, плохой поступок — за хороший. Он понимал наоборот все, о чем бы ни думал: небо и землю, четыре страны света, воду и огонь, жару и холод.

[Некий] Ян посоветовал его отцу:

— Почему бы тебе не навестить благородных мужей в Лу? [25. Царство Лу — родина Конфуция, одно из древнекитайских царств, находившееся на территории современной провинции Шаньдун.] Среди них много искусных и талантливых! Возможно, и сумеют его вылечить?

Отец безумного направился в Лу, но, проходя через Чэнь, встретился с Лаоцзы и рассказал ему о признаках болезни [сына].

— Почему ты думаешь, что твой сын безумен? — спросил его Лаоцзы. — Ныне все в Поднебесной заблуждаются в том, что истинно, а что ложно, что выгодно, а что убыточно. Одной болезнью страдают многие, поэтому никто [ее] не замечает. К тому же, безумия одного человека недостаточно, чтобы перевернуть всю семью; безумия одной семьи недостаточно, чтобы перевернуть всю общину; безумия одной общины недостаточно, чтобы перевернуть все царство; безумия одного царства недостаточно, чтобы перевернуть всю Поднебесную. Даже если весь мир станет безумным, кто сумеет его перевернуть? Вот если бы умы у всех в Поднебесной стали такими же, как у твоего сына, тогда ты, напротив, стал бы безумным. Кто сумел бы тогда управлять радостью и печалью, звуком и цветом, дурным вкусом и тонким, истинным и ложным? Ведь и мои слова могут быть безумны, а уж речи благородных мужей из Лу — самые безумные. Как могут [они] исцелить другого от безумия? Лучше тебе поскорее возвратиться домой, чем расходовать провиант на дорогу.

[Некий] янец [26. Фрагмент посвящен проблеме относительности: чувство, испытанное впервые (даже ложно), сильнее, чем при его повторении (даже истинном).] родился в Янь [27. Янь — одно из древнекитайских царств, находившееся на территории современной провинции Хэбэй.], но вырос в Чу [28. Чу — одно из древнекитайских царств, находившееся на территории современных провинций Хунань и Хубэй.], состарившись же, отправился обратно в свою страну.

Проходя [с ним] по царству Цзинь, попутчик захотел его обмануть. Указав на стену, молвил: «Это стена царства Янь», — и янец побледнел от печали. Указав на алтарь Земли, молвил: «Это алтарь твоей общины», — и янец принялся вздыхать и стенать. Указав на хижину, молвил: «Это жилище твоих предков», — и слезы из глаз янца потекли ручьем. Указав на могильные холмы, молвил: «Это могилы твоих предков», — и янец безудержно зарыдал.

[Тут] попутчик расхохотался и сказал:

— Я тебя одурачил. Ведь это — царство Цзинь.

Янец чуть не сгорел от стыда. Когда же пришел в Янь и увидел настоящие яньские стены и алтарь Земли, настоящие хижины и могилы предков, горе уже не охватывало его с такой силой.

Глава 4

КОНФУЦИЙ

Конфуций жил в праздности [1. В данном фрагменте, как и в некоторых следующих ниже, применяется полемический прием: устами противника — Конфуция, доказывается ложность его учения и истинность учения даосов. Странниками даосов выводятся и некоторые ученики Конфуция, чаще всего Янь Юань.]. [Когда] Цзыгун вошел, [чтобы] ему прислуживать, вид [у него] был печальный. Цзыгун не посмел спросить [почему], вышел и сообщил Янь Юаню. Янь Юань запел, сопровождая себя на цине. Услышав, Конфуций все же [его] позвал. Он вошел, и [Конфуций] его спросил:

— Чему радуешься в одиночестве?

— Чему учитель печалится в одиночестве? — спросил Янь Юань в ответ.

— Сначала поведай о своих мыслях, — сказал Конфуций.

— Прежде я слышал от учителя: «[Кто] радуется Небу и знает [его] веление, не печалится». Поэтому [я], Хой, и радуюсь.

Конфуций изменился в лице и через некоторое время заговорил:

— Это [я] сказал? Ты понял неверно. Эту мою прежнюю речь прошу исправить нынешней речью. Ты услышал лишь, что не печалится тот, кто радуется Небу и знает [его] веление; но еще не слышал, сколь велика печаль того, кто радуется Небу и знает [его] веление. Ныне же поведаю тебе все по правде. Совершенствоваться самому, не думая, о том, прославишься или останешься в бедности, сознавая, что [хотя] ни прошедшее, ни будущее не зависят от тебя, но ничто не смутит твоих мыслей, — вот что ты называешь «не печалится тот, кто радуется Небу и знает [его] веление». Прежде я улучшал песни и предания, исправлял обряды и музыку [2. На подобных высказываниях основывается легенда о том, что Конфуций сочинил или собрал и отредактировал общенародное наследие — своды песен, преданий, обрядов. Ср. «Изречения» (гл. 7, I, 144): «То, о чем учитель (Кунцзы. — Л.П.) прекрасно говорил, [это] песни, предания, соблюдение обрядов. Обо всем этом [он] прекрасно говорил...»], чтобы с их помощью навести порядок в Поднебесной и оставить [его] будущим поколениям. [Стремился] совершенствоваться не только сам, навести порядок не только в царстве Лу. Однако в Лу и государь и слуги с каждым днем все больше нарушали порядок; милосердие и справедливость все ослабевали; чувства и характеры ожесточались. [Если] это учение не годилось для своего времени, для одного царства, как же [пригодится оно] для будущего, для всей Поднебесной?! Я начал понимать, что песни, предания, обряды и музыка не спасут от смуты; но еще не нашел средства, как это исправить. Такова печаль того, кто радуется Небу и знает [его] веление. Хотя я это и обрел, но ведь [подобные] радость и знания не те радость и знания, о которых говорили древние. Не иметь радости, не иметь знаний — вот истинная радость, истинные знания! Поэтому нет ничего, чему бы не радовался, нет ничего, чего бы не знал, нет ничего, чему бы не печалился, нет ничего, чего бы не совершил. К чему отбрасывать песни и предания, обряды и музыку? К чему их исправлять?

Янь Юань обратился лицом к северу, поклонился и сказал:

— [Я], Хой, также это постиг.

Вышел и поведал обо всем Цзыгуну. Цзыгун же пришел в смятение, [словно] растерялся. Вернулся домой и целых семь дней размышлял с такой страстью, что не мог ни спать, ни есть, остались от него лишь [кожа да] кости. Янь Юань не раз пытался его вразумить, пока

наконец [Цзыгун] не вернулся к воротам учителя и до конца дней своих не прекращал петь песни, аккомпанируя себе на струнах, и рассказывать предания.

Чэньский полководец приехал послом в Лу и тайно встретился с Шусунем [3. Шусунь — представитель аристократического рода, родич луских царей (дословно: внук дяди). В данном фрагменте — споре о мудрецах — вскрывается основное различие между учением Конфуция (о конкретно-чувственном восприятии и связи его с формой) и Лаоцзы (об обобщении эмпирических наблюдений с помощью рационального мышления).].

— В нашем царстве есть мудрец, — сказал Шусунь. — Не Конфуций ли? — спросил [гость].

— Да, он.

— Откуда известно о его мудрости?

— Я слышал от Янь Юаня о том, что Конфуций способен использовать форму [тело], отбросив сердце.

— Знаешь ли, что в нашем царстве также есть мудрец? — спросил полководец из Чэнь.

— Кого называешь мудрецом?

— [Одного] из учеников Лаоцзы — Кан Цанцзы [4. Кан Цанцзы (Гэнсанцзы) — ученик Лаоцзы. У Сыма Цяня в «Исторических записках» (цз. 61) — Кан Санцзы; обычно его именуют Гэнсан Чу; <см. «Чжуанцзы», 253-255>]. [Он] обрел учение Лаоцзы и способен видеть ушами, а слышать глазами.

Услышав об этом, луский царь очень удивился [и] послал к Кан Цанцзы вельможу с щедрыми дарами. Кан Цанцзы принял приглашение и приехал. Царь Лу униженно попросил разрешения задать вопрос. Кан Цанцзы же ответил:

— Тот, кто передал обо мне, напутал. Я способен видеть и слышать без глаз и ушей, но не способен заменять зрение слухом, а слух — зрением.

— Это еще более удивительно, — сказал царь Лу. — Каково же это учение? Я хочу наконец о нем услышать!

— Мое тело едино с моей мыслью, мысль едина с эфиром, эфир — един с жизненной энергией, жизненная энергия едина с небытием. Меня раздражает даже мельчайшее бытие [существо], даже самый тихий отклик. Пусть [они] далеки — за пределами восьми стран света, или близки — у [моих] бровей и ресниц, я о них обязательно буду знать. Не знаю, ощущение ли это, [воспринятое] мною через [все] семь отверстий [5. Семь отверстий, по китайским преданиям, в сердце мудреца.] и четыре конечности, или познание, [воспринятое] через сердце, желудок, [все] шесть внутренних органов. Это естественное знание, и только.

Царю Лу это очень понравилось, и на другой день [он] рассказал обо всем Конфуцию. Конфуций улыбнулся, но ничего не ответил.

Жрец из Шан, ведающий заклинанием жертвенного скота, встретился с Конфуцием и воскликнул:

— Ах! Цю — мудрец!

— Как смею [я], Цю, быть мудрецом! — ответил Конфуций. — [Я], Цю, лишь многое изучил и многое узнал.

— Три царя — вот мудрецы! — воскликнул жрец из Шан.

— Три царя прекрасно умели доверять знающим и мужественным. Но [были ли они] мудрецами, [я], Цю, не знаю.

— Пять предков — вот мудрецы!

— Пять предков прекрасно умели доверять милосердным и справедливым. Но [были ли они] мудрецами, [я], Цю, не знаю.

— Трое владык [6. Трое владык (сань хуан) — в древности вариант «пяти предков», см. гл. 3, прим. 11. Позже выводились в качестве более абстрактных владык — Неба, Земли и Человека.] — вот мудрецы!

— Трое владык прекрасно умели доверять тем, кто соответствовал своему времени, но [были ли они] мудрецами, [я], Цю, не знаю.

— Но кто же тогда мудрец? — в ужасе спросил жрец из Шан. Конфуций изменился в лице и через некоторое время ответил:

— Есть мудрец [7. Содержание этого абзаца и указание на Запад (куда ушел Лаоцзы) говорит о признании Конфуцием Лаоцзы единственным в Китае мудрецом. Позже этот фрагмент стали толковать в буддийском духе, <см. Предисловие, прим. 49>.] среди людей Запада. Не управляет, а нет смуты, не говорит, а [все] сами собой [ему] доверяют, не творит, а [все] само собой делается. Необъятен [настолько], что народ даже не может назвать [его] имя. [Я], Цю, сомневаюсь, — мудрец ли он. Воистину ли мудрец? Воистину ли не мудрец? Не ведаю.

Жрец из Шан помолчал, подумал и воскликнул:

— Конфуций меня обманул!

— Каков в сравнении с тобой Янь Юань? [8. Оценки, которые Конфуций дает здесь своим ученикам и самому себе, ср. «Изречения» (гл. 11, I, 238) и «Мэнцзы» (гл. 2, I, 126-127).] — спросил Цзыся у Конфуция.

— Хой превосходит [меня], Цю, в милосердии.

— Каков в сравнении с тобою Цзыгун?

— Сы превосходит [меня], Цю, в красноречии.

— Каков в сравнении с тобою Цзылу? [9. Цзылу (Чжун Ю) — ученик Конфуция (см. «Изречения», гл. 2, I, 33).].

— Ю превосходит [меня], Цю, в мужестве.

— Каков в сравнении с тобою Цзычжан? [10. Цзычжан (Чжуаньсунь Шн) — ученик Конфуция (см. «Изречения», гл. 2, I, 34).].

— Ши превосходит [меня], Цю, в непреклонности.

— Но почему же эти четверо служат [тебе], учитель? — спросил Цзыся, поднявшись с циновки.

— Сядь! Я поведаю тебе, — сказал Конфуций. — Хой способен быть милосердным, но не способен перечить; Сы способен быть красноречивым, но не способен запинаться; Ю способен быть мужественным, но не способен быть трусливым; Ши способен быть непреклонным, но не способен быть уступчивым. Я не согласился бы обменять свои [достоинства] на те, которыми обладают все четыре ученика вместе. Вот почему они неизменно служат мне.

Учитель Лецзы, после того как обучился у Лесного с Чашигоры и подружился с Темнеющим Оком, поселился в Южном Предместье. Приверженцы его поселились [тут же. Их] каждый день считать не успевали, и сам Лецзы не знал, сколько [их], хотя каждое утро [он] вел с ними диспуты, и об этом стало повсюду известно. Учитель Лецзы двадцать лет прожил рядом с Учителем Южного Предместья [11. Учитель Южного Предместья (Наньгоцзы) — прозвание даоса по месту его жительства. По характеристике, данной ему Леизы, — это человек, полностью овладевший даосским учением.], отделенный от него лишь оградой. Однако друг друга [они] не посещали и не приглашали, встречаясь же на

улице, как будто друг друга не замечали. Ученики и слуги у ворот считали, что между учителем Лецзы и Учителем Южного Предместья существует вражда.

[Некий] чусец спросил учителя Лецзы:

— Почему [вы], Преждерожденный, и Учитель Южного Предместья чуждаетесь друг друга?

— Зачем к нему ходить? — ответил учитель Лецзы. — Лицо Учителя Южного Предместья [отличается] полнотой, а сердце — пустотой, уши у него не слышат, глаза не видят, уста молчат, сердце не знает, тело не движется. И все же попытаюсь вместе с тобой отправиться [на него] посмотреть.

[С ними] пошли сорок учеников. [Они] увидели, что [лицо] Учителя Южного Предместья действительно похоже на маску чудовища, с ним нельзя общаться. Повернулись к учителю Лецзы и увидели, что жизненная энергия у него отделилась от тела и он вышел из толпы.

Вдруг Учитель Южного Предместья указал на ученика Лецзы в последнем ряду и заговорил с ним радостно, как будто [перед ним] совершеннейший и сильнейший. Ученики Лецзы удивились, и на обратном пути лица всех выражали сомнение.

— Зачем так удивляться? — сказал Лецзы. — Добившийся желаемого молчит, исчерпавший знания также молчит. Речь с помощью молчания — также речь, знание с помощью незнания — также знание. Отсутствие слов и молчание, отсутствие знаний и незнание — это ведь также речь, это ведь также знания. [Значит], нет ничего, о чем бы не говорил, нет ничего, о чем бы не знал; [значит] также, что не о чем говорить, нечего знать. Только и всего.

Учитель Лецзы стал учиться [12. Вариант данного фрагмента с другой концовкой см. стр. 18-19 <53-54>].

Прошло три года, и [я] изгнал из сердца думы об истинном и ложном, а устам запретил говорить о полезном и вредном. Лишь тогда удостоился [я] взгляда Старого Шана. Прошло пять лет, и в сердце родились новые думы об истинном и ложном, устамк по-

новому заговорил о полезном и вредном. Лишь тогда [я] удостоился улыбки Старого Шана. Прошло семь лет, и, давая волю своему сердцу, [я уже] не думал ни об истинном, ни о ложном, давая волю своим устам, не говорил ни о полезном, ни о вредном. Лишь тогда учитель позвал меня и усадил рядом с собой на циновке. Прошло девять лет, и как бы ни принуждал [я] свое сердце думать, как бы ни принуждал свои уста говорить, уже не ведал, что для меня истинно, а что ложно, что полезно, а что вредно; не ведал, что для других истинно, а что ложно, что полезно, а что вредно. Перестал [отличать] внутреннее от внешнего. И тогда все [чувства] как бы слились в одно: зрение уподобилось слуху, слух — обонянию, обоняние — вкусу. Мысль сгустилась, а тело освободилось, кости и мускулы сплавились воедино. [Я] перестал ощущать, на что опирается тело, на что ступает нога, о чем думает сердце, что таится в речах. Только и всего. Тогда-то в законах природы [для меня] не осталось ничего скрытого.

Вначале Лецзы любил странствовать [13. Оценки значения странствий здесь ср. с разработкой той же темы у Лаоцзы («Дао дэ цзин», §47)].

— [Ты], Защита Разбойников, любишь странствия. Что же в них хорошего? — спросил Учитель с Чаши-горы.

— Радость странствий в том, — ответил Лецзы, — что наслаждаешься отсутствием старого. Другие в странствиях наблюдают за тем, что видят. Я в странствиях наблюдаю за тем, что изменяется. Есть странствия и странствия! Еще никто не сумел определить различия в этих странствиях!

— [Ты], Защита Разбойников, странствуешь, конечно, как и другие, а говоришь, что иначе, чем другие. Во всем, на что смотришь, всегда видишь изменения, наслаждаешься отсутствием старого в других вещах, а не ведаешь, что в тебе самом также отсутствует старое. Странствуя во внешнем [мире], не ведаешь, как наблюдать за внутренним [миром]. Кто странствует во внешнем, ищет полноты в [других] вещах; кто наблюдает за внутренним, находит удовлетворение в самом себе. Находить удовлетворение в самом себе — вот истинное в странствиях, искать полноты в [других] вещах — вот неистинное в странствиях.

И тогда Лецзы понял, что не постигает [смысла] странствий, и до конца жизни больше не уходил.

— Истинное в странствиях! — сказал учитель с Чаши-горы. — При истинных странствиях не ведают, куда направляются; при истинном наблюдении не ведают, на что смотрят. Все

вещи странствуют, все твари наблюдают — вот то, что я называю странствием, вот то, что я называю наблюдением. Поэтому и говорю:, истинное — в странствиях! Истинное — в странствиях!

Дядя Дракона сказал Вэнь Чжи [14. Вэнь Чжи — знаменитый лекарь древности. Датировка его жизни (по времени излечения одного из царей Ци) колеблется между 815 г. до н.э. (начало правления царя Вэня) и 343 г. до н.э. (конец правления царя Вэя), см. «Весна и осень Люя», цз. 11, VI, 107.]:

— Тебе доступно тонкое искусство. Я болен. Можешь ли меня вылечить?

— Повинуюсь приказу, — ответил Вэнь Чжи. — Но сначала расскажи о признаках твоей болезни.

— Хвалу в своей общине не считаю славой, хулу в царстве не считаю позором; приобретая, не радуюсь, теряя, не печалюсь. Смотрю на жизнь, как и на смерть; смотрю на богатство, как и на бедность; смотрю на человека, как и на свинью; смотрю на себя, как и на другого; живу в своем доме, будто на постоялом дворе; наблюдаю за своей общиной, будто за царствами Жун и Мань [15. Жунь и Мань — западные и южные соседи китайцев.]. [Меня] не прельстить чином и наградой, не испугать наказанием и выкупом, не изменить ни процветанием, ни упадком, ни выгодой, ни убытком, не поколебать ни печалью, ни радостью. Из-за этой тьмы болезней не могу служить государю, общаться с родными, с друзьями, распорядиться женой и сыновьями, повелевать слугами и рабами. Что это за болезнь? Какое средство может от нее излечить?

Вэнь Чжи велел больному встать спиной к свету и стал его рассматривать.

— Ах! — воскликнул он. — Я вижу твое сердце. [Его] место, целый цунь, пусто, почти [как у] мудреца! В твоем сердце открыты шесть отверстий, седьмое же закупорено. Возможно, поэтому [ты] и считаешь мудрость болезнью? Но этого моим ничтожным искусством не излечить!

Не имеющее начала, но постоянно рождающее — это путь. Когда рожденный живым не гибнет [преждевременно], хотя и смертен, — это постоянство; когда рожденный живым

гибнет [преждевременно] — это несчастье. То, что обладающий началом неизменно умирает, — это закон пути. Когда смертный умирает по своей вине, хотя [срок его жизни] еще не закончился, — это постоянство; когда смертный живет — это счастье. Поэтому жизнь, не обладающая назначением, называется путем, и конец [жизни], обретенный с помощью пути, называется постоянством; смерть, обладающая назначением, также называется путем, и смерть [преждевременная], обретенная с помощью пути, также называется постоянством.

Когда умер Цзи Лян, Ян Чжу пел [16. Различное отношение Ян Чжу к смерти своих друзей служит иллюстрацией к началу фрагмента: естественная смерть от старости (Цзи Ляна) не должна вызывать скорби, горевать следует лишь о преждевременно умерших (о Суй У).], глядя на ворота его дома; когда умер Суй У, Ян Чжу рыдал, глядя его тело. Когда же родится раб, толпа поет; когда умирает раб, толпа плачет.

Перед тем как ослепнуть, глаза разглядят даже кончик волоска.

Перед тем как оглохнуть, уши расслышат даже полет москита.

Перед тем как притупится ощущение [вкуса], язык отличит [воду из реки] Цзы от [воды из реки] Минь.

Перед тем как утратить обоняние, нос отличит запах обожженного дерева от [запаха] гниющего.

Перед тем как телу окостенеть, [человек] бежит быстро.

Перед тем как утратить рассудок, сердце легко отличает правду от лжи.

Причина в том, что, не достигнув предела, вещи не переходят в свою противоположность [17. В ряде изречений здесь развивается учение Лаоцзы о единстве противоположностей, как о переходе одной противоположности в другую (ср. «Дао дэ цзин»: «...человек при рождении нежен и слаб, а после смерти тверд и крепок», 76, 2, 36 и др.; ср. «Чжуанцзы»: «покой в столкновениях... создание... после столкновения», <164>).].

В полях и болотах Чжэн много мудрых, в Восточном же квартале много талантливых [18. В данном фрагменте развивается представление о правящих как о слугах народа. Комментарий же противопоставляет талантливых, «участвующих в управлении» — мудрым, «скрывающимся», даосам.]. Среди рабов на полях и болотах был и Бо Фынцзы. Проходя через Восточный квартал, он встретился с Дэн Си [19. Дэн Си — подробнее о нем см. гл. 6, прим. 21.].

Дэн Си посмотрел на своих учеников, усмехнулся и сказал:

— Не высмеять ли тех, кто идет [нам] навстречу? — Хотелось бы послушать, — ответили ученики. И Дэн Си сказал Бо Фынцзы:

— Постиг ли ты обязанности кормящего? Те, кого кормит человек, кто не способен прокормиться сам, относятся к роду собак и свиней. Кормить этих тварей и распоряжаться ими — в этом сила человека. А в том, что твои ученики едят и насыщаются, одеваются и отдыхают, заслуга держащих власть. Если же собирать старых и малых, [словно] стадо, возводить загоны, [как для] скота [или] живности, то чем же [эти люди] будут отличаться от собак и свиней?

Бо Фынцзы промолчал, но один из его учеников вышел вперед и ответил:

— Разве старший муж не слышал о том, как много умельцев в Ци и Лу? Есть мастера по глине и дереву, по металлу и коже; есть прекрасные создатели песен и музыкальных инструментов <вариант: певцы и музыканты>, писцы и математики; есть прекрасные военачальники, воины и служители храма предков. Представлены все таланты. Но [они] не могут распоряжаться друг другом, давать друг другу поручения. Тот же, кто распоряжается ими, не обладает знаниями; тот, кто дает им поручения, не имеет талантов. Он-то и выполняет поручения тех, кто знает и умеет. Нами-то и даются поручения держащим власть. Чем же тебе гордиться?

Дэн Си нечего было ответить. Он посмотрел на своих учеников и отступил.

Гунъи Бо [20. Гунъи Бо и другие, названные здесь, — люди неизвестные. Эпизод отнесен ко времени Сюаньвана, царя Чжоу (827-782 гг. до н.э.).] прославился своей силой среди правителей. Танци Гун рассказал о нем чжоускому царю Сюаньвану. Царь приготовил дары, чтобы его пригласить, и Гунъи Бо явился.

При виде его немощной фигуры в сердце Сюаньвана закралось лодозрение.

— Какова твоя сила? — спросил он с сомнением.

— Силы [моей], вашего слуги, хватит [лишь], чтобы сломать ногу весенней саранчи да перебить крыло осенней цикады.

— У моих богатырей хватит силы, чтобы разорвать шкуру носорога да утащить за хвосты девять буйволов! — в гнев воскликнул государь, — а я еще огорчен их слабостью. Как же ты мог прославиться силой на всю Поднебесную, если способен лишь сломать ногу весенней саранчи да перебить крыло осенней цикады?

— Хорошо! — глубоко вздохнув, сказал Гунъи Бо и отошел от циновки. — На вопрос царя [я], ваш слуга, осмелюсь ответить правду. Учил [меня], вашего слугу, Наставник с Шан-горы. Равного ему по силе не найдется во всей Поднебесной. Но никто из [шести] родичей об этом не знал, ибо он никогда к силе не прибегал. [Я], ваш слуга, услужил ему, рискуя жизнью, и тогда он поведал [мне], вашему слуге:

«Все хотят узреть невиданное —

Смотри на то, на что другие не глядят;

[Все] хотят овладеть недоступным —

Займись тем, чем никто не занимается».

Поэтому тот, кто учится видеть, начинает с повозки с хворостом; тот, кто учится слышать — с удара в колокол. Ведь то, что легко внутри [тебя], не трудно и вне [тебя]. [Если] не встретятся внешние трудности, то и слава не выйдет за пределы [твоей семьи].

Ныне слава обо [мне], вашем слуге, дошла до правителей, значит, [я], ваш слуга, нарушил завет учителя и проявил свои способности. Правда, слава [моя], вашего слуги, не в том, чтобы своей силой злоупотреблять, а в том, как пользоваться своей силой. Разве это не лучше, чем злоупотреблять своей силой?

Царевич Моу [21. Царевич Моу по комментарию — сын вэйского царя Прекрасного, который правил в 424-387 гг. до н.э. <Ср. «Чжуанцзы», 219-220, 290.>] из Срединных гор был талантливейшим из царских сыновей в Вэй [22. Вэй — (№ 7646), позже Лян, одно из древнекитайских царств, находившееся на территории современной провинции Шаньси.]. [Он] не заботился о государственных делах, любил странствовать вместе с талантливыми. [Ему] нравился Гунсунь Лун [23. Гунсунь Лун — логик-софист, жил между 320 и 250 гг. до н.э., поэтому его имя или весь фрагмент представляется более поздним добавлением к речам Лецзы <(см. также стр. 219-220, 320-321)>.] из Чжао [24. Чжао — одно из древнекитайских царств, находившееся на территории современных провинций Шаньси и Хэбэй.], и за это над ним смеялись такие, как Ведающий музыкой Цзыюй.

— Почему ты смеешься над тем, что [мне], Моу, нравится Гунсунь Лун? — спросил царский сын Моу.

— Да ведь что за человек Гунсунь Лун? — ответил Ведающий: музыкой. — В поступках не имеет наставника, в учении не имеет друга. Красноречив, но не остроумен; разбрасывается, но не принадлежит ни к одной школе; любит необычайное, говорит безрассудно, хочет ввести в заблуждение сердца, всех переспорить. Занимается этим вместе с Хань Танем [25. Хань Тань — логик-софист.] и другими.

— Зачем ты рассуждаешь об ошибках Гунсунь Луна? Хотелось бы услышать доказательства этих ошибок! — изменившись в лице, сказал Моу.

— Я смеюсь над тем, как Лун обманул Кун Чуаня [26. Кун Чуань — внук Конфуция, ученик Гунсунь Луна.], — продолжал Ведающий музыкой. — [Он] сказал, что у хорошего стрелка острие последующей стрелы попадает в оперение предыдущей, одна стрела другую настигает, одна стрела другую направляет. Первая стрела наметит цель, следующая уже лежит на тетиве, и они летят непрерывно, как одна линия. Кун Чуань удивился, а Лун добавил, что [так бывает] еще не у самого замечательного стрелка. [Вот, например], ученик Невежды [27. Невежда (Пэн Мэн) — ученик мифического Охотника <(см. также стр. 237)>.] по имени Хун Чао [28. Хун Чао — стрелок, ученик Невежды.], рассердившись на жену, [стал] ее пугать. Натянул лук, зовущийся Вороньим [29. «Лук, зовущийся Вороньим...»: описание лучшего лука, с помощью которого было сбито девять солнц-ворон, и стрел древности.], взял стрелу из циского бамбука с опереньем из Вэй и

выстрелил ей в глаз, прямо в зрачок, а [она] даже не моргнула. Стрела же, упав на землю, не подняла пыли. Разве такова речь умного человека?

— Речи умного глупому не понять, — ответил царевич Моу. — В чем ты сомневаешься? [Если] острие последующей попадает в оперение предшествующей, [значит] стрельба равномерная. [Если] стрела попала прямо в зрачок, а [человек] не моргнул, [значит] сила стрелы была исчерпана.

— Ты — ученик Луна, как же тебе не приукрашивать его недостатки? — возразил Ведающий музыкой. — Скажу еще о самом важном. Обманывая вэйского царя, Лун говорил: «[Если] есть желание, то нет мысли»; «свойства беспредельны»; «вещи неисчерпаемы»; «тень не движется»; «волос выдерживает [нагрузку] в тысячу цзиней»; «белый конь — не конь»; «у сироты теленка никогда не было матери». Нельзя и перечислить [тех случаев, когда] он извращает категории предметов и человеческих отношений.

— Не поняв истины этих слов, — ответил царевич Моу, — ты нашел их ошибочными. А ошибаешься ты. Ведь [если] «нет желания», то мысль [ему] тождественна; [если] «свойства беспредельны», то «без свойств все предельно»; «тот, кто исчерпал вещи, навсегда [ими] обладает»; «тень не движется» — значит, [она] изменяется; «волос выдерживает [нагрузку] в тысячу цзиней» — высшее равновесие; «белый конь — не конь» — ибо свойство здесь отделяется от формы [тела]; «у сироты теленка никогда не было матери» [30. О данных и других софизмах см. «Чжуанцзы», <стр. 320,> гл. 33, прим. 17-18.] — отрицается; [возможность существования] теленка-сироты.

— Все это песни Гунсунь Лука, — сказал Ведающий музыкой. Ты последовал бы за ним, даже если бы он исторгал звук через другое отверстие.

Царевич Моу замолчал надолго, а затем объявил о своем уходе и сказал:

— Дозволь через несколько дней снова прийти и с тобой побеседовать.

Высочайший правил Поднебесной пятьдесят лет и не знал, порядок в ней или беспорядок, не ведал, желает ли народ его поддерживать или не желает. Посмотрел направо, налево и спросил [приближенных], но приближенные не знали; спросил за воротами дворца, и за воротами не знали; спросил на полях, и на полях не знали.

Тогда Высочайший пошел переодетый бродить по дорогам и услышал песенку, которую пели мальчики:

«Создали нас, массу народа,
Не для того ли, чтобы каждый
исчерпал [свою природу]?
Ничего не знаем, не ведаем,
За обычаем предков следуем».

— Кто научил вас такой песне? — спросил обрадованный Высочайший.

— Мы слышали [ее] от старшего мужа, — сказали мальчики, [Высочайший] спросил старшего мужа, а тот ответил: «Это древняя песня» [31. «Древняя песня» — одна из тех песен, которые в своде «Шицзин» отсутствуют.]

Высочайший вернулся во дворец, призвал Ограждающего и уступил ему Поднебесную. Ограждающий, не отказываясь, ее принял [32. Фрагмент свидетельствует о передаче власти одного вождя другому, а также об одобрении народом деятельности вождя.]

Страж Границы сказал:

— Тому, кто не замыкается в себе, вещи и их форма открываются сами. Движение такого [человека] подобно [течению] воды, его покой подобен зеркалу [33. Здесь, возможно, впервые появляется зародыш теории отражения, которая развивается даосской школой <(см. Предисловие, стр. 29, прим. 102, 103).>], его ответ подобен эху, поэтому его путь подобен пути [других] вещей. Сами вещи идут против пути, [но] путь не идет против вещей. Умеющий уподобиться пути уже не станет применять ни слуха, ни зрения, ни силы, ни разума. Нельзя уподобиться пути с помощью зрения, слуха, осязания, ума. Ищешь его впереди, а он [путь] вдруг [оказывается] позади. Используешь его, и [он] наполняет все шесть пространств, отбрасываешь его и не ведаешь, где он. Он не удаляется, [когда] кто-то может его обрести сознательно, он и не приближается, [когда] кто-то может его обрести бессознательно. Обретает его лишь тот, кто хранит молчание;

лишь тот, чьи свойства совершенны. Знание без страсти, способности без действия — вот истинное знание, вот истинные способности. Развивая незнание, разве будешь подвержен страстям? Развивая неспособность, разве будешь готов к деяниям? Собираение же драгоценных камней или пыли, пусть даже и без деяний, не есть естественный закон.

Глава 5

ВОПРОСЫ ИСПЫТУЮЩЕГО

Инь Испытующий задал вопрос Кожаному Щиту [из рода] Великих [1. Кожаный Щит [из рода] Великих (Ся Гэ, в «Чжуанцзы» — Ся Цзи) — (миф.) наставник иньского вождя Испытующего (Тана). Данный фрагмент (см. также «Чжуанцзы», стр. 136) в форме развернутого диалога посвящен проблеме относительности времени и пространства, а также догадке даосов о макро- и микрокосме.]:

— Были ли вещи в самом начале древности?

— [Если бы] в самом начале древности не было вещей, откуда бы ныне появились вещи? Не смогут ли и потомки сказать, что ныне [в наше время] не было вещей? — спросил в ответ Кожаный Щит.

— Тогда у вещей нет прошлого и будущего?

— Конец и начало вещей издревле не имеют границ. Начало может стать концом, а конец может стать началом. Как узнать их круговорот? Однако [было ли что-нибудь] кроме вещей, [было ли что-нибудь] до событий, — я не знаю.

— В таком случае, есть ли конец [всем] восьми сторонам света, зениту и надиру?

— Не ведаю, — ответил Кожаный Щит, но Испытующий спросил настойчивее:

— [Если] нет конца, тогда [они] бесконечны; [если] есть [конец], тогда конечны. Как мне это знать? Ведь кроме бесконечного [существует] и отсутствие бесконечного; внутри неограниченного [существует] и отсутствие неограниченного. В бесконечном снова конечное, в неограниченном снова ограниченное. Так я познаю бесконечное, неограниченное, но не познаю конечного, ограниченного.

— Что находится за пределами четырех морей?

— То же, что и в Срединных царствах.

— Чем это докажешь?

— Я ходил на Восток до Ина [2. Ин, область, находившаяся на территории современных провинций Хэбэй, Ляонин, а также Кореи.], [там] народ такой же. Спросил [и узнал, что] на востоке от Ина [все] похоже на Ин. Ходил на Запад до Бинь [3. Бинь — царство, находившееся на территории современной провинции Шэньси.], [там] народ такой же. Спросил [и узнал, что] на западе от Бинь [все] похоже на Бинь. Так стало мне ведомо, что ни четыре моря [4. «Четыре моря» — см. гл. 2, прим. 3.], ни четыре пустыни, ни четыре полюса от них <других земель> не отличаются. В каждом большем содержится меньшее — без конца и предела. Как в небе и земле содержится тьма вещей, так же и небо с землей в чем-то содержатся. То, в чем содержится тьма вещей, несомненно, бесконечно; то, в чем содержатся небо и земля, несомненно, беспредельно. Как мне знать, нет ли за пределами неба и земли еще больших небес и земель? Это мне также неизвестно. Однако небо и земля — те же вещи, у вещей же бывают недостатки [5. «Недостатки» неба и земли, т.е. объектов культа. — одно из проявлений даосского атеизма. Представление о материальности мира здесь подкрепляется мифологическими сюжетами. Повторяющий же эти сюжеты Ван Чун (VII, 105) ссылается на «конфуцианские книги».]. Поэтому в старину [женщина] из рода Ньюва [6. «Женщина из рода Ньюва» — мать-прародительница, создательница мира, земли и человека в китайской мифологии.] отобрала камни всех пяти цветов, чтобы заделать изъян в небе; отрубила лапы у гигантской черепахи, чтобы подпереть четыре края <полюса>. Впоследствии же [человек] из рода Ведающих Разливами [7. «Человек из рода Ведающих Разливами» (Гунгун) — один из героев мифа о борьбе за власть предков-богов.] стал бороться с Вечно Недовольным [8. «Вечно Недовольный» (Чжуань Сюй) — один из героев того же мифа, царствовал, согласно традиции, в 2514-2437 гг. до н.э.] за власть предков, в гневе ударился о гору Щербатую [9. Гора Щербатая (Бучжоу) — (миф.) опора неба на северо-западе Китая.] и сломал Небесный столп [10. Небесный столп — опорой неба в китайской мифологии считалось несколько гор, здесь — гора Щербатая.], порвал земную сеть. Поэтому небо наклонилось на северо-запад, за ним последовали и солнце с луной, планеты со звездами; у земли же не хватило [куска на] юго-востоке, поэтому [туда полились] воды сотен рек.

— Есть ли вещи огромные и малые, длинные и короткие, одинаковые и различные? — снова спросил Испытующий.

— К востоку от Бохая, в скольких миллиардах ли — неведомо, есть огромная пропасть, пучина, поистине бездонная. У нее не было дна, и называлась она Гуйсью [11. Гуйсью — Бездонная Великая Пучина. <См. Предисловие, прим. 69.>]. В нее стекали все воды — со всех восьми сторон света, девяти пустынь и Небесной реки [12. Небесная река — Млечный путь.], а она [пучина] все не увеличивалась и не уменьшалась. Там пять Гор. Первая называлась Колесница Преемства [13. Колесница Преемства (Дайюй), Круглая Вершина (Юаньцзяо), Квадратная Чаша (Фанху), Обитель Красавиц (Инчжоу), Приют Презревших Блага (Пэнлай) — (миф.) пять гор-островов, на которых жили бессмертные.], вторая — Круглая Вершина, третья — Квадратная Чаша, четвертая — Обитель Красавиц, Пятая — Приют Презревших Блага. Окружность каждой горы сверху донизу — тридцать тысяч ли, плато на вершине — девять тысяч ли, расстояние между горами — семьдесят тысяч ли, а [горы] считались соседями. Там все башни и террасы — из золота и нефрита, все птицы и звери — из белого шелка, деревья — из жемчуга и белых кораллов растут кущами, у цветов и плодов чудесный аромат и вкус. Кто их отведал — не старился, не умирал. Жили там все бессмертные, мудрые. Сколько их там за день и за ночь друг к другу летало, нельзя и сосчитать. Основание же пяти Гор ничем не укреплялось. [Они] двигались вверх и вниз, туда и сюда по волнам вместе с приливом, не останавливаясь даже на время. От этого бессмертные и мудрые заболели и стали жаловаться богу. Боясь, как бы [острова] не уплыли на крайний запад и не исчезла обитель мудрых, бог приказал Обезьяне-силачу [14. Обезьяна-силач (Юйцян) — по древнему «Каталогу гор и морей» («Шань хай цзин») — это дух Северного полюса с человеческой головой и птичьим туловищем.] отправить пятнадцать гигантских черепах, чтобы держали на головах горы; [приготовить] три смены, каждая по шестьдесят тысяч лет. Тогда только пять гор встали неколебимо. Но тут великан из царства Драконовых Дядей [15. Царство Драконовых Дядей (Лунбо) — сказочное царство великанов.] поднял ногу и полного шага не сделал, как очутился у пяти Гор. На один крючок поймал сразу шесть черепах, взвалил всех вместе на спину и пошел. Унес в свою страну и обжег их панцири для гадания. И тогда две горы — Колесница Преемства и Круглая Вершина — уплыли на северный край [полюс] и погрузились в океан. Тьмы бессмертных и мудрых остались без пристанища. В большом гневе бог уменьшил царство Драконовых Дядей, чтоб страдали от тесноты; уменьшил и народ Драконовых Дядей, сделал людей короче. Во времена же Готовящего Жертвенное Мясо и Священного Земледельца жители этой страны еще были ростом в несколько десятков чжанов [16. Чжан — мера длины, около трех метров.].

В четырехстах тысячах ли на восток от Срединных царств находится страна Пигмеев [17. Страна Пигмеев (Цзяояо) — сказочная страна.]. Люди там ростом в один чи и пять цуней [18. Чи, цунь — меры длины, соответственно около 30 и около 3 см.]. На северо-восточном крае [полюсе] живут люди, что зовутся Сутягами [19. Сутяги (Чжэн) — сказочная страна.], ростом в девять цуней. На юге области Терновник [20. Терновник, область — раннее название царства Чу.] растет дерево Душ Обители Мрака [21. Дерево Душ обители мрака, дерево Отец — священные деревья.]. Пятьсот лет [для него] длится весна, пятьсот лет — осень. В далекой древности было дерево Отец. Восемь тысяч лет [для него] длилась весна, восемь тысяч лет — осень. На перегное растет Чудесный гриб,

утром рождается, вечером умирает. Весенними и летними лунами появляются москиты и комары, рождаются от дождя, умирают, завидев солнце. На севере Севера, где нет ни деревьев, ни трав, находится Пучина — океан. Это — Небесный водоем. [В нем] водится рыба в несколько тысяч ли ширины, соответственной и длины. Имя ей — Кит [22. Кит (Гунь), Феникс (Пэн) — сказочные рыба и птица, <о них см. также «Чжуанцзы», 135-136>]. Водится там птица, имя ей Феникс. Распростертые крылья — точно нависшие тучи, соответственное им и туловище. Разве в мире знают об этих существах? Великий Молодой Дракон ходил [туда] и их увидел. Бо И [23. Бо И — (миф.) помощник Молодого Дракона в борьбе с потопом.] узнал и дал им имя. Ицзянь [24. Ицзянь — (миф.) — по комментарию, он, возможно, древний естествоиспытатель.] услышал и их описал.

На речных берегах рождаются мелкие насекомые, имя им — мошки. Летают стаей, гнездятся на ресницах у комара, друг с другом не сталкиваясь. Прилетают на ночлег и улетают, [а] комар не чувствует. [Видящий] Паутину Издали [25. [Видящий] Паутину Издали (Ли Чжу), или [Видящий] Резьбу Издали (Ли Лоу), Цзыюй — (миф.) первый жил при Желтом Предке и обладал исключительной зоркостью: был способен разглядеть кончик волоска на расстоянии в сто шагов; второй, видимо, также зоркий человек, о нем ничего не известно.] и Цзыюй, протерев глаза и подняв брови, всматривались в них днем, но формы их не разглядели. Чи Юй и Наставник Куан [26. Чи Юй и Наставник (Ши) Куан: о первом ничего не известно. Ши Куан — легендарный музыкант, был слепцом с исключительным слухом. Своей игрой он был способен вызывать облака и ветер. Его отождествляли с другим лицом, жившим при Пине — царе в Цзинь (558-533 гг. до н.э.)], прочистив уши и наклонив голову, вслушивались ночью, но голоса их не расслышали. Только [когда] Желтый Предок и Юн Чэнцзы [27. Юн Чэнцзы — (миф.) создатель календаря и астрономических инструментов, помощник Желтого Предка.] поселились на Пещерегоре и вместе соблюдали пост три луны, [когда] сердце у них застыло, а тело высохло, постепенно [с помощью] жизненной энергии <души, разума> разглядели их — огромные, подобные курганам Сосны-горы [28. Сосна-гора (Суншань) — одна из священных гор Китая на территории современной провинции Хэнань. Сосна — тотемное дерево племени Великих Вождей (Ся).], постепенно [с помощью] жизненной энергии расслышали их голоса — грохочущие подобно грому.

В царствах У и Чу растет огромное дерево, имя ему Помелон. Дерево лазоревое, родится зимой, плоды красные, на вкус кислые. Едят кожуру и сок и излечиваются от удушья. В Цичжоу оно понравилось, перевезли [его] на север от [реки] Хуай, но [там оно] превратилось в одичавший мандарин. Черный певчий дрозд не перелетает через [реку] Ци. Барсук, перебравшись через [реку] Вэнь, умирает [29. Эти примеры доказывают зависимость растений и животных от климата (см. также «Хуайнаньцзы», цз. 1, VII, 6).]. Таково [значение] местности и эфира. Хотя сущность [их] одинакова, форма и эфир у них различны и друг друга [они] не заменяют. Жизнь у всех полная, доля достаточная. Откуда мне знать, велики они или малы? Откуда мне знать, длинны они или коротки? Откуда мне знать, тождественны они или различны?

Две горы — Тайхан и Ванью, окружностью до семисот ли, высотой до десяти тысяч жэнь поднимались к югу от Цзичжоу, к северу от Хяна. У подножья этих гор жил девяностолетний Простак с Северной горы [30. Притча о «Простаке с Северной горы» и доньяне популярна в Китае.]. Надоело [ему] обходить гору, преграждавшую [путь, куда бы он ни] направлялся, [откуда бы ни] возвращался. Собрал [он] свою семью на совет:

— Не сумеем ли мы с вами, поднатужившись, сравнять [с землей эту] преграду? Проложить дорогу от юга Юйчжоу до южного берега Хань?

Все согласились, [только] жена усомнилась:

— Тебе не по силам и малый холм срыть, что уж говорить о Тайхане и Ванью! Да и куда денешь [столько] земли и камней?

— Будем сбрасывать [их] в залив Бохай, севернее мели, — ответили все.

И вот [Простак] повел своих сыновей и внуков, трое понесли [корзины] на коромыслах. [Стали они] дробить камни, рыть землю и относить корзинами в Бохай.

Сын соседки, вдовы из рода Столичных, у которого едва выпали молочные зубы, вприпрыжку прибежал им помочь.

Зима сменилась летом, а отнесли они [землю только] один раз.

Умник с Излучины Реки стал смеяться над [Простаком] и его отговаривать:

— Вот глупец! Тебе, дряхлому старику, не уменьшить гору и на волосок. Как же справишься с [такой массой] земли и камней?

Простак с Северной Горы вздохнул и ответил:

— Тебе, твердолобому, ничего не понять! Разума у тебя меньше, чем у малого сынка вдовы. Что за печаль, если не справлюсь? Пусть я умру — останутся сыновья, потом внуки, у внуков — снова сыновья, у их сыновей — свои сыновья и снова внуки. Сыновьям и внукам не будет конца. А горы-то не вырастут!

Умнику с Излучины Реки нечего было ответить.

Услышал [Простака] дух — Хозяин змей, испугался, что [тот] не отступится, и доложил обо всем Владыке. Растрогала Владыку добросовестность [Простака], и приказал [он] двум сыновьям из рода Больших Муравьев перенести на спине обе горы, одну — на восток от Шо, другую — на юг от Юн. И с той поры от юга Цзичжоу до южного берега Хань не стало горных преград.

Отец Цветущего [31. Отец Цветущего (Куа фу) — (миф.) герой, известный своей погоней за солнцем. Имя Куа фу связывают со священной Дэнской рощей, которая выросла на месте его гибели.], не соразмерив сил, захотел догнать солнце. Догнал было на краю Угловой долины [32. «Угловая долина» — (миф.) одна из местностей, через которые проходит солнце, об остальных см. «Хуайнаньцзы», цз. 3, VII, 44-45.], захотел пить. Отправился пить из Хуанхэ и Вэйхэ. Хуанхэ и Вэйхэ не утолили его жажду, он кинулся было на север пить из Большого болота, да, не дойдя, бросил свой посох и умер в дороге от жажды. [Всюду], куда бы ни просачивалась его кровь и проникала его плоть, вырастали деревья Дэнской рощи и Дэнская роща разрослась на тысячи ли.

Великий Молодой Дракон сказал:

— [Все] во вселенной, внутри четырех морей, освещается солнцем и луной, управляется планетами и звездами, приводится в порядок четырьмя временами года, а наиболее важное — двенадцатилетним циклом. Вещи, чудесно порожденные духами, различны по форме, одни рано умирают, другие долго живут. Только мудрец способен постичь их закон.

Кожаный Щит [из рода] Великих сказал:

— Но бывает, что и не порождаются чудесно духами, формируются и без [сил] жара и холода, освещаются и без солнца и луны, умирают рано и без убийства или казни, живут долго и безтщательного ухода. Без [всех] пяти зерновых питаются, без шелка, одеваются, без лодки и повозки передвигаются. Их закон — естественность, [его] не постичь и мудрецу.

[Когда] Молодой Дракон покорял воду и землю, [он] потерял дорогу, заблудился и по ошибке попал в некое царство на северном берегу Северного моря, а в скольких миллионах ли от Срединных царств — неведомо. Называют это царство Крайний Север [33. Царство Крайний Север — утопическое, в которое попадает мифический герой Молодой Дракон (Юй), но не во сне, как Желтый Предок (см. выше), а наяву, как царь Му. Описание этой утопии ср. «Дао дэ цзин», §80.], а где протянулись его границы — неведомо. Там не бывает ни ветра, ни дождя, ни инея, ни росы, там не рождаются птицы и звери, насекомые и рыбы, травы и деревья. Со всех четырех сторон — равнина, окруженная горами. В середине царства — гора, называют ее Кувшин-гора, формой походит на сосуд для вина. На вершине отверстие, формой походит на кольцо и называют его Избыток влаги. Из отверстия ключом бьет вода и называют ее Священный фонтан. Аромат [воды] прекраснее, чем орхидеи и [душистого] перца, вкус — слаще, чем у вина. Источник, разделяясь на четыре ручья, стекает к подножью горы и орошает всю страну. Там, куда [он] устремляется, земля и воздух смягчаются, прекращаются страшные болезни, люди становятся уступчивыми и согласными, никтоне спорит и не борется, сердца [у всех] нежные, кости слабые, [люди] не заносчивые и не завистливые. Взрослые и дети живут вместе, без царей и слуг. Мужчины и женщины гуляют вместе, без сватов и свадебных подарков. Живут у воды, не пашут, не сеют. Земля и воздух [там] теплые и приятные, [люди] не ткут и не одеваются, [живут] до ста лет, у них нет ранних смертей, нет и болезней. У этого народа — большое потомство, не сосчитать. Радуются и веселятся, нет ни дряхлых, ни старых, ни печали, ни горя, Любимый обычай — петь песни. Взявшись за руки, поют по очереди, целый день без перерыва. [Когда] проголодаются и устанут, пьют из: Священного фонтана. Сила и воля приходят в равновесие. [Выпьют] слишком много — опьянеют и только через десять дней отрезвеют.купаются в Священном фонтане, и кожа становится блестящей и свежей, аромат не выдыхается целых десять дней.

Странствуя на Севере, чжоуский царь Му побывал в этом царстве и на три года забыл о возвращении. Когда же вернулся в дом Чжоу, все тосковал об этом царстве. Расстроенный, точно потерянный, не пил вина, не ел мяса, не призывал красавиц, и только через несколько лун пришел в себя.

Гуань Чжун [34. Гуань Чжун (Отец Чжун, Гуаньцзы, Гуань Иу) — древний экономист, известный политический деятель при Хуане, царе в Ци (685-643 гг. до н.э.). Речи Гуань Чжуна и его школы записаны в «Речах царств», «Гуаньцзы» и других памятниках. <Подробнее о нем и других героях фрагмента см. стр. 99-101.>] уговаривал циского царя Хуаньгуна во время путешествия в Ляокоу посетить заодно и то царство. [Он] чуть не добился успеха, как подал совет Си Пэн:

— Как можно слушаться Отца Чжуна? Ведь [он] выжил из ума! Оставить обширные пространства Ци, массу народа, красоты гор и рек, пышность растений, красоту обрядов и ритуалов, изящество одежды и головных уборов, сад, полный чаровниц и красавиц, двор, заполненный верными и честными! Крикнет в гневе [царь], и [явятся] миллионы воинов и рабов; поглядит, взмахнет рукой, и приказу повинуются правители всех царств. Чего же искать там? Отправиться в страну варваров, бросив алтарь Земли и Проса в царстве Ци?

Хуаньгун раздумал [ехать], а слова Си Пэна передал Гуань Чжуну.

— Этого, конечно, добился не Пэн. Ведь и [я], ваш слуга, боялся, что того царства не найти. [Иначе] разве стоило бы тосковать, о богатствах Ци? Разве стоили бы внимания речи Си Пэна? — сказал Гуань Чжун.

Люди южных стран бреют головы, [ходят] обнаженными. Люди северных стран носят на голове повязки и одеваются в меха. Люди Срединных царств носят шапки и халаты. Все, что производится на [всех] девяти видах почвы, в земледелии или торговле, охоте или рыболовстве, как меха для зимы и холст для лета, лодка для воды и повозка для суши, добыто без [лишних] слов, создано [в соответствии] со свойствами [каждой вещи].

К востоку от [царства] Юэ [35. Юэ — одно из древнекитайских царств, находившееся в прибрежной части современной провинции Чжэцзян.] лежит страна Дерева Чжэ <Кан> [36. Рассказы о похоронах и прочих обычаях этой и других стран (людей Огня, Ицью) полемически направлены против обрядности, которую отстаивали конфуцианцы, отвергавшие необходимость изучения других народов <(см. Предисловие, прим. 143)>]. Родится там первенец, его съедают маленьким, называя это «жертвоприношением младшему брату». Умрет у них дед, отнесут на спине бабу и бросят, говоря: «С женой покойника нельзя жить вместе». К югу от [царства] Чу лежит страна людей Огня. Почтительным сыном у них считается тот, кто погребает лишь кости своих родных, когда мясо после смерти сгниет и [его]; выбросят. К западу от [царства] Цинь [37. Цинь — одно из древнекитайских царств, находившееся на территории современных провинций Ганьсу и Шэньси.] лежит страна Ицью. Почтительным сыном у них считается тот, кто после смерти родных, собирает хворост и их сжигает. Дым от костра поднимается вверх, и это называют «подняться ввысь». Высшие у них считают это управлением, низшие — обычаем, и это не вызывает удивления.

Конфуций, странствуя на Востоке, заметил двух спорящих мальчиков [38. В этом фрагменте отражены представления древних китайцев о перспективе и теплоизлучении, а также подчеркнуто невежество Конфуция в этих вопросах. В борьбе против «многознания» даосы <(см. также стр. 105, 213)> перекликаются с Демокритом.] и спросил, о чем они спорят:

— Я считаю, что солнце ближе к людям, когда только восходит, и дальше [от них], когда достигает зенита, — сказал первый мальчик. — А он считает, что солнце дальше, когда только восходит, и ближе, когда достигает зенита. — И добавил:

— Когда солнце восходит, оно велико, словно балдахин над колесницей, а в зените [мало], словно тарелка. Разве предмет не кажется маленьким издали и большим вблизи?!

— Когда солнце восходит, [оно] прохладное, а в зените — жжет, словно кипяток, — сказал второй мальчик. — Разве предмет не кажется горячим вблизи и холодным издали?!

Конфуций не мог решить [вопроса], и оба мальчика посмеялись над ним:

— Кто же считает тебя многознающим?!

Равновесие [39. Данный фрагмент ср. «Моцзы», гл. 43, IV, 227.] — высший закон Поднебесной — относится к вещам, обладающим формой. [Когда] к волосу подвешены [вещи], равные по весу, и волос рвется, [значит], равновесия нет. При равновесии и разрывающие [силы] не разорвут. Люди считают это неверным, но, конечно, есть и понимающие, что это верно.

Чжань Хэ [40. Чжань Хэ (Чжаньцзы) — последователь Ян Чжу (см. Ян Юнго, стр. 233, а также «Лецзы», стр. 125-126, «Чжуанцзы», стр. 290, «Весна и осень Люя», цз. 17, VI, 214; цз. 21, VI, 281; «Хуайнаньцзы», цз. 1, VII, 4; цз. 6, VII, 90).], [удивший рыбу] с леской из одной шелковой нити кокона, с крючком из ости колоса, с удочкой из цзинского бамбука, с приманкой из разрезанного зерна, вытащил рыбу [величиной] с целую повозку. [Даже] в пучине сто жэнь глубиной, в стремительном потоке леска не рвалась, крючок не выпрямлялся, удочка не сгибалась.

— Услышал об этом чуский царь, удивился, призвал [его] к себе и спросил, какая тому причина.

— [Я], ваш слуга, слышал от Преждерожденного старшего мужа рассказ о том, как Пу Цзюйцзы [41. Пу Цзюйцзы — легендарный стрелок, ср. «Хуайнаныцзы» (цз. б. VII, стр. 90).] стрелял привязной стрелой. Лук был слабый, привязная стрела — тонкая. [Он] пускал ее при попутном ветре, сразу в пару черных журавлей на краю темной тучи. Предавался [этому] всем сердцем, равномерно действовал руками. [Я], ваш слуга, подражая ему, учился удить рыбу. За пять лет постиг его искусство. Когда [я], ваш слуга, с удочкой приближаюсь к реке, в сердце нет никаких забот, [оно] полно только одной мыслью — о рыбе. Закидываю леску, погружаю крючок, в руке же нет веса [ни легкого, ни тяжелого], ничто не способно [меня] отвлечь. Рыба смотрит на приманку, как на затонувшую пылинку, на пену и глотает ее без колебаний. Вот так [я] способен тяжелое одолеть легким, силу — слабостью. Если бы так же мог править царством великий государь, то Поднебесную поистине можно было бы привести в движение одной рукой. Разве это было бы [трудным] делом?

— Прекрасно! — сказал чуский царь.

Гун Ху из Лу и Ци Ин из Чжао заболели и, [придя] вместе к Бянь Цяо [42. Бянь Цяо (или Цинь Юэжэнь) — легендарный врач родом из царства Чжэн. Сыма Цянь в «Жизнеописании Бянь Цяо» («Исторические записки», цз. 105), относит даты его жизни ко времени Светлейшего (Чжао), царя в Цзинь (532-527 гг. до н.э.).], просили их исцелить. Бянь Цяо стал их лечить и, когда оба они выздоровели, сказал:

— Прежняя болезнь вторглась в [ваши] внутренности извне, поэтому от лекарств и уколов камнем, прошла. Ныне же [осталась] болезнь, которая родилась вместе с вами и выросла вместе с [вашим] телом. Как вы думаете, не побороться ли с нею теперь?

— Хотели бы сначала услышать о ее признаках, — сказали больные.

— Воля у тебя сильная, а жизненная энергия слабая, — сказал врач, [обращаясь] к Гун Ху. — Поэтому [ты] силен в замыслах, но слаб в [их] выполнении. У Ци Ина же, — продолжал Бянь Цяо, — воля слабая, а жизненная энергия сильная, поэтому [он] мало размышляет и вредит себе произволом. Если переставить ваши сердца [43. Фрагмент посвящен взаимосвязи элементов человеческого тела <(см. также притчу о «механическом артисте», стр. 93)>], то — к счастью для обоих — установится равновесие.

Тут Бянь Цяо напоил обоих вином с отравой и одурманил, [будто] до смерти, на три дня. Разрезал [у каждого] грудь, вытащил сердца, переменил их [местами] и приложил чудесного снадобья.

Придя в сознание, оба [почувствовали себя здоровыми], как прежде, попрощались и отправились [по домам].

И вот Гун Ху пошел в дом к Ци Ину, жена которого отказалась его признать. Ци Ин же пошел в дом Гун Ху, жена которого также отказалась его признать. Семьи стали друг с другом судиться и попросили Бянь Цяо разобрать их тяжбу. Бянь Цяо объяснил как было дело, и тяжба была прекращена.

Ху Ба [44. Ху Ба (Гу? Ба) — легендарный музыкант. В этом и следующих фрагментах излагаются эстетические взгляды даосов. В музыке и других искусствах они видели подражание природе на основе познания ее законов, а поэтому утверждали возможность воздействия искусства на природу и человека в том числе <(см. также стр. 139, 204-205, 230-231; «Чжуанцзы», гл. 2, прим. 3, гл. 19, прим. 8)>.] играл на цине, и птицы танцевали, а рыбы — прыгали. Услышав об этом, чжэнский наставник Вэнь [45. Наставник Вэнь (Ши Вэнь) — музыкант из царства Чжэн (ср. «Весна и осень Люя», цз. 17, VI, 202).] бросил семью и пошел странствовать, следуя за наставником Сяном [46. Наставник Сян (Ши Сян) — легендарный музыкант.]. Вэнь трогал струны, настраивал инструмент, но за три года не окончил ни одной песни.

— Ты можешь вернуться [домой], — сказал ему наставник Сян.

— [Дайте] еще немного времени и посмотрите, что будет. Дело не в том, что [я], Вэнь, неспособен настраивать инструмент, неспособен сложить песню, — вздыхая, отложив цинь, сказал Вэнь. — То, о чем [я], Вэнь, думаю — не струны, к чему стремлюсь — не звуки. Пока не обрету [желаемого] внутри себя, в сердце, не откликнется вовне, в инструменте. Поэтому не смею шевельнуть рукой и тронуть струны.

Вскоре [он] снова увиделся с наставником Сяном.

— Как у тебя с цинем? — спросил наставник Сян.

— Постиг, — ответил Вэнь, — прошу [меня] испытать.

Была весна, а [он] ударил по [осенней] второй струне, вызвал полутон восьмой луны. И тут повеял прохладный ветерок, созрели злаки, плоды на деревьях. Когда наступила осень [47. Здесь в поэтической форме изложен развитый в системе люй принцип восходящих квинт с соответствием их временам года (осень — фа, весна — до, зима — соль, лето — ре).], [он] ударил по [весенней] третьей струне, вызвал полутон второй луны. И тут возвратился теплый ветер, расцвели травы и деревья. Когда наступило лето, [он] ударил по [зимней] пятой струне, вызвал полутон одиннадцатой луны. И тут стал падать снег с инеем, замерзли реки и пруды. Когда наступила зима, [он] ударил по летней [четвертой] струне, вызвал полутон пятой луны. И тут запылали лучи; солнца, растаял снег. Под конец же тронул первую вместе с четырьмя остальными. И тут поднялся счастливый ветер, поплыли радостные облака, выпала сладкая роса, забили источники изобилия.

Поглаживая себя по груди и притопывая ногами, наставник Сян сказал:

— Как тонко ты играешь! Ничего не смогли бы добавить но наставник Куан своей чистой третьей, [весенней] струной, ни Цзоу Янь [48. Цзоу Янь — музыкант при Светлейшем (Чжао), царе в Янь (58-6574 гг. до н.э.), который мог своей игрой на флейте превратить холодную погоду в теплую.] своей игрой на свирели. Один взял бы свой цинь, другой — свою свирель, и оба последовали бы за тобой.

Се Тань учился петь у Цинь Цина [49. Се Тань и Цинь Цин — легендарные певцы из царства Цинь, см. «Хуайнаньцзы», цз. 13, VII, 217.], еще не перенял до конца мастерства Цина, как объявил, что его исчерпал, и распрощался, чтобы направиться домой. Цинь Цин [его] не удерживал, но на дороге в предместье устроил проводы. [Здесь], отбивая такт, [он] запел с такой печалью, что затрепетали деревья, задержались плывущие облака.

Тут Се Тань стал просить прощения и разрешения остаться. Всю жизнь [он] больше не осмеливался заговорить о [своем} уходе.

Обернувшись к своему другу, Цинь Цин сказал:

— Некогда Э [50. Э из Хань — легендарная певица. Хань — одно из древних царств Китая, находившееся на территории современной провинции Шэньси, см. «Хуайнаньцзы», цз. 13, VII, 217.] из [царства] Хань шла на Восток, и в Ци [у нее] не

хватило еды. Проходя через Ворота Согласия [51. Ворота Согласия (Юнмынь) — название ворот в столице царства Ци.], [она] спела за угощение. Когда же ушла, звуки [ее] голоса, не умолкая, кружились три дня в стропилах и балках. [Все] справа и слева думали, что она еще не ушла.

[Когда она] проходила мимо постоянного двора, постояльцы ее оскорбили. Тут Хань Э протяжно и жалобно зарыдала, и [на расстоянии] в ли стар и млад, стоя друг против друга, загрустили, опечалились и горько заплакали. Три дня [они] не принимали пищи, а затем вдруг погнались за Хань Э. Возвращаясь, Э снова запела длинную песню, и на расстоянии ли стар и млад, забыв о прежней печали, принялись без удержу прыгать, хлопать в ладоши и танцевать. Потом же проводили ее, щедро одарив. Вот почему у Ворот Согласия жители и по сей день прекрасна поют и плачут, — [они] подражают песням, оставленным Э.

Боя прекрасно играл на цине, а Чжун Цзыци [52. Фрагмент о музыканте и тонком ценителе музыки, видимо, исходный; ср. «Весна и осень Люя», цз. 9, VI, 92-93; цз. 16, VI, 140; ср. также средневековую новеллу «О том, как Юй Боя, лютию разбив, простился с „понявшим звук“», пер. Б.А. Васильева («Восток», 1924, № 4); В.А. Вельгуса («Удивительные истории нашего времени и древности», т. II).] был замечательным слушателем. Заиграл Боя, думая о восхождении на высокую гору, и Чжун Цзыци воскликнул:

— Как прекрасно! Возвышенно, словно гора Великая!

[Заиграл Боя], думая о течении вод, и Чжун Цзыци воскликнул:

— Как прекрасно! Безбрежно, словно речная гладь!

Так улавливал Чжун Цзыци любой замысел Боя.

Блуждая по северному склону горы Великой, они внезапно попали под проливной дождь и укрылись под нависшим утесом. Сердце [Боя] охватила печаль, [он] взялся за цинь и заиграл. Начал с песни о долгом ливне, затем сочинил мелодию горного обвала, Чжун Цзыци с первого же такта постигал его мысль. Отложив цинь. Боя со вздохом сказал:

— Прекрасно! Прекрасно! Ты слышишь мои мысли, словно мое сердце. Разве в моих песнях что-либо от тебя укроется?

Объездив запад во время зимней охоты, чжоуский царь Му перевалил через [гору] Союз Старших Братьев и, не доезжая до горы Янь, повернул обратно. Не успел [он] въехать в Срединное царство, как на дороге [ему] встретился мудрый ремесленник по имени мастер Сутулый [53. В притче о мастере Сутулом (Яньши) говорится о возможности подражания природе даже в создании сложнейших организмов (механический артист). Прославление мастерства простого человека с физическим недостатком — антиконфуцианский тезис.]

— К чему ты способен? — приняв его, спросил царь.

— Прикажите только испытать [меня], своего слугу, — ответил мастер. — Но хочу, чтобы государь сначала посмотрел на то, что ваш слуга уже сделал.

— Приноси с собой завтра, мы с тобой вместе посмотрим, — велел Муван.

На другой день мастер Сутулый явился к государю. Приняв его, Муван спросил:

— Кто это пришел вместе с тобой?

— Артист, созданный вашим слугой, — ответил мастер.

С удивлением смотрел Муван на артиста: [он] шагал, поднимал и опускал голову, следуя за мастером. Искусник коснулся его щеки и [артист] запел согласно мотиву; взял за руку — и он стал танцевать согласно ритму; повинуюсь любому желанию, превращался и изменялся на тысячу ладов. Государь же принял его за настоящего человека. Рядом с государем стояли и любовались [на представление] Шэнь Цзи и весь гарем.

Под конец артист подмигнул окружавшим царя женщинам и поманил их к себе. В страшном гневе государь пожелал казнить мастера Сутулого на месте. Мастер же в ужасе разрезал, разобрал артиста, показал царю и объяснил, что сделан [он] из кожи, дерева, клея, лака и [раскрашен] белым, черным, красным и синим. Государь тщательно все осмотрел, и все оказалось искусственным: внутри — печень, желчь, сердце, легкие,

селезенка, почки, кишки и желудок; снаружи — мускулы, кости, суставы, сочленения, кожа, зубы и волосы, — все было представлено полностью.

[Когда] мастер собрал все снова, как прежде, государь попробовал вынуть [у куклы] сердце [54. Иллюстрация к древнему пониманию взаимосвязи органов чувств с внутренними органами человека.] — и уста замолкли; вынул печень — и глаза ослепли; вынул почки — и ноги стали неподвижными. Муван вздохнул, восхищенный, и воскликнул:

— Оказывается, человек своим искусством может добиться тех же успехов, что и природа! — Он приказал поместить [куклу] на вторую колесницу и вместе с нею вернулся.

Ведь Гуншу Бань [55. Гуншу Бань (Бань Шу, Гуншущзы) — ученик Мо Ди, плотник, изобретатель военного снаряжения.] свою осадную лестницу и Мо Ди своего летающего коршуна [56. Создателем летающей птицы здесь и в «Хань Фэйцзы» (цз. 32, V, 199) называется Моцзы, а в «Моцзы» (гл. 49, IV, 292) — Гуншу Бань, который создал сороку. Известия эти, судя по названиям птиц, различные, кроме того, коршун продержался в воздухе один день, а сорока — три дня.] называли высшим пределом мастерства. [Когда же] их ученики Дунмын Цзя [57. Дунмын Цзя — ученик Гуншу Баня.] и Цинь Гули [58. Цинь Гули (Циньцзы) — ученик Моцзы.] услышали об искусстве мастера Сутуло и сообщили о нем обоим философам, те до конца жизни не посмели больше заговаривать о мастерстве и держались лишь циркуля и отвеса.

Гань Ин [59. Гань Ин (Фэй) Стремительный Вэй, Цзи Чан — легендарные стрелки. Во фрагменте раскрывается процесс овладения мастерством и соперничество между учеником и учителем.] в старину был замечательным стрелком. Лишь натянет лук — и звери ложатся, а птицы падают. У Гань Ина обучался Стремительный Вэй и превзошел в мастерстве своего наставника. К Стремительному Вэю и пришел учиться Цзи Чан.

— Сначала научись не моргать, — сказал ему Стремительный Вэй, — а затем поговорим и о стрельбе.

Цзи Чан вернулся домой, лег под ткацкий станок своей жены и стал глядеть, как снует челнок. Через два года он не моргал, даже если [его] кололи в уголок глаза кончиком шила.

[Цзи Чан] доложил об этом Стремительному Вэю, тот сказал:

— [Этого] еще недостаточно. Теперь еще научись смотреть, а потом можно [и стрелять. Научись] видеть малое, точно большое, туманное, точно ясное, а затем доложишь.

Чан подвесил к окну вошь на конском волосе и стал на нее глядеть, обернувшись лицом к югу. Через десять дней [вошь] стала расти [в его глазах], а через три года уподобилась тележному колесу, все же остальные предметы [казались ему] величиной с холм или гору. Взял [он] лук из яньского рога, стрелу из цзинского бамбука, выстрелил и пронзил сердце вши, не порвав волоса.

Доложил об этом Стремительному Вэю. Стремительный Вэй ударил себя в грудь, затопал ногами и воскликнул:

— Ты овладел [искусством]!

Тогда Цзи Чан понял, что во всей Поднебесной для него остался лишь один соперник, и задумал убить Стремительного Вэя.

Они встретились на пустыре и стали друг в друга стрелять. Стрелы их на полдороге сталкивались наконечниками и падали на землю, не поднимая пыли. Но вот у Стремительного Вэя иссякли стрелы, а у Цзи Чана осталась еще одна. Он спустил ее, но Стремительный Вэй точно отразил стрелу колючкой кустарника.

И тут оба мастера заплакали, отбросили луки, поклонились друг другу до земли и просили друг друга считаться отцом и сыном. Каждый надкусил себе руку [и кровью] поклялся никому более не передавать своего мастерства.

Учителя Отца Цзао звали Великим Бобом [60. Отец Цзао (Цзао Фу) и великий Боб (Тай Доу) — легендарные колесничие. В процессе овладения мастерством в этой притче раскрывается теория познания Лецзы — от чувственного познания к рациональному, а от последнего снова к чувственному <(см. также «Чжуанцзы», 147, 203)>]. Когда Отец Цзао пришел к нему учиться управлять колесницей, то по обычаю держался очень скромно.

Великий Боб же ничего ему не объяснял целых три года. Отец Цзао относился [к учителю] все почтительнее, и [тот], наконец, с ним заговорил:

— В старинной песне поется:

«Сын хорошего лучника [61. Древняя трудовая песня, созданная, по-видимому, ремесленниками. В свод древних песен «Ши цзин» не вошла, очевидно, вследствие классового отбора.]

Сначала должен плести корзины.

Сын хорошего литейщика

Сначала должен шить шубы».

Ты сначала смотри, как я бегаю. Станешь бегать, как я, тогда сможешь взяться за шесть пар вожжей, управлять шестеркой коней.

— Буду лишь повиноваться приказу, — ответил Отец Цзао. Тут Великий Боб сделал дорогу: на расстоянии шага [один от другого] установил столбы, на которых умещалась лишь ступня. По ним он стал ходить, бегать туда и обратно, не скользя и не падая.

Отец Цзао стал этому учиться и за три дня овладел его искусством.

— Как ты понятлив! Как быстро все усвоил! — вздохнув, сказал Великий Боб. — Так поступает Колесничий. Когда ты ходил, то овладел умением ногами, а откликнулся на него сердцем <умом>. Это и распространи на управление колесницей. Держи в порядке вожжи там, где [они] соединены с удилами, натягивай их или ослабляй в согласии с углами губ [коней]. Правильно соразмеряй мысль в своей груди, чувствуй ритм руками. Внутренне овладеешь волей, а внешне [научишься] угадывать желание коней. Тогда-то и сумеешь посылать [коней] вперед или отводить назад, словно по натянутому шнуру, делать повороты или кружиться, словно по углу меру и циркулю, и силы коней хватят с избытком на любой, самый дальний путь. Вот это истинное мастерство. Овладев мастерством [управления] удилами, приводи в соответствие поводья; овладев мастерством [управления] поводьями, приводи в соответствие и руки; [когда руки] овладеют мастерством, приводи в соответствие и мысли. И тогда можешь уже не следить глазами и не подхлестывать кнутом. Будешь стоять прямо с легким сердцем, и шесть пар вожжей не перепутаются, и [топот] двадцати четырех копыт будет равномерным, движения же совершенно точными при езде вперед, назад, кругом и при поворотах. А затем уж твоя колесница проедет всюду, где только поместятся колеса, всюду, где только хватят места

для конских копыт. И тогда [езда в любой местности] станет [для тебя] одинаковой, не заметишь ни отвесных гор, ни узких ущелий, ни топи, ни равнины. На этом кончается мое искусство, и ты им овладел!

Вэй Черное Яйцо [62. Вэй Черное Яйцо (Хэй Луань), Цю Ясный (Бинчжан), Верный (Лайдань) — сказочные герои. Притча о них — иллюстрация к даосской идее: и слабый способен сокрушить сильного.] из-за тайной ненависти убил Цю Ясного и сын Ясного — Верный, задумал [ему] отомстить. Духом Верный был очень силен, но телом слишком слаб: ел по зернышку, ходил [лишь] при попутном ветре. Даже в гневе не мог поднять оружие, чтобы отомстить. [Но], стыдясь прибегнуть к чужой помощи, [он] поклялся расправиться с Черным Яйцом своей рукой.

Черное же Яйцо превосходил всех дерзостью и отвагой, силой противостоял сотне мужей, [крепостью] суставов и костей, мускулов и кожи даже не походил на человека: вытянутой шеей отражал [удар] мяча, обнаженной грудью — стрелу. Лезвие и остриегнулись и ломались, а на теле [у него] не оставалось ни царапины, ни шрама. Зная свою силу, [он] смотрел на Верного, как на цыпленка.

— Что ты думаешь делать? — спросил у Верного его друг, Советчик Шэнь [63. Советчик Шэнь (То), Великий Совершенный Кун Чжоу) — герои сказочного характера.]. — Ты так оскорблен, а он так пренебрегает тобой.

— Хочу, чтобы ты мне посоветовал, — проливая слезы, ответил Верный.

— Слышал я, что предок Великого Совершенного из царства Вэй добыл драгоценный меч иньского царя. С таким мечом один отрок способен отразить три армии. Не попросить ли у него [этот меч]? — сказал Советчик.

Верный отправился в Вэй и увиделся с Великим Совершенным. Поклонился ему, точно раб-возница, попросил принять в дар жену и детей, а затем обратился со своей просьбой.

— У меня три меча [64. Сказочный образ мечей был, видимо, связан с открытием железа, породившим легенды об оружии, его создателях, источниках, в которых мечи закалялись, и т.п. См., например, основанную на старинных легендах сказку Лу Синя «Меч» (Лу Синь, Сатирические сказки, М., Гослитиздат, 1964).], выбирай любой, — ответил ему Великий Совершенный. — Но ни одним нельзя убить человека. Сначала расскажу тебе о них.

Первый называется Таящий свет. Смотришь на него — и [его] не видишь, взмахнешь им — и не знаешь, коснулся он чего-либо или нет; прозрачен и не имеет граней, рассекает [тело], а тело ничего не ощущает. Второй называется Принявший тень. Если всматриваться в него с северной стороны при смене предрассветного мрака утренней зарей или в сумерках — на грани дня и ночи, то что-то увидишь, но формы не разберешь. [Когда] он кого-то коснется, издает будто украдкой тихий звон, но тело не ощущает боли. Третий называется Закаленный ночью. При свете дня видна его тень, блеска не видно; ночью он блестит, но не видна форма. Коснувшись тела, рассекает его с треском, но рана сразу же заживает, остается лишь боль, к лезвию кровь не пристаёт. Эти три сокровища передавались [в нашем роду] уже тринадцать поколений, но в деле не бывали. Спрятаны в ларце, и даже печати [с них] не снимали.

— И все-таки я должен попросить [у вас] последний, — сказал Верный.

Тут Великий Совершенный вернул ему жену и детей, постился с ним вместе семь дней и на грани вечерней зари и ночной темноты, опустившись на колени, вручил ему меч Закаленный ночью. Верный принял его, дважды поклонился и возвратился домой.

И тогда Верный отправился с мечом к Черному Яйцу. Тот, как раз опьянев, лежал навзничь под окном. [Верный] трижды разрубил его от шеи до поясницы, но Черное Яйцо не проснулся. Думая, что он мертв, Верный поспешил уйти, но у ворот встретил сына Черного Яйца и трижды его рубанул, рассекая, будто воздух. Сын Черного Яйца расхохотался и спросил:

— Что ты так глупо трижды меня поманил?

Тут Верный понял, что [таким] мечом не убить человека, и, тяжело вздыхая, пошел домой.

Проснувшись, Черное Яйцо рассердился на свою жену:

— Оставила меня, пьяного, непокрытым. Вот у меня и заболело горло, заломило поясницу!

Сын же его сказал:

— Недавно приходил Верный, встретился со мной в воротах, трижды меня поманил, и у меня также заболело все тело, а конечности онемели. Он нас сокрушил!

Му, царь Чжоу, пошел походом на Западных воинов. Западные воины поднесли ему кинжал из железа и холст, отмываемый в огне [65. В огне отмывали холст из асбеста. Считая, что асбест стал известен в Китае лишь в первых веках н.э., некоторые исследователи приходят к выводу, что данный фрагмент — позднейшая вставка; но при этом забывают, что и появление оружия из железа (известного уже с VI в. до н.э.), изображенного здесь как диковинка, пришлось бы также отнести к более позднему времени.]. Кинжал длиной в один чи и восемь цунь, лезвие красное, закаленной стали, режет нефрит, точно глину. Холст, отмываемый в огне, для стирки бросают в огонь. Холст принимает цвет огня, а грязь [на нем] — цвет холста. Вынув из огня, его встряхивают, [и он] становится белым, как снег.

Хуанцзы [66. Значение имени Хуанцзы — «сын императора» — используется для отождествления героя с Цао Пи (III в. н.э.), а тем самым и для доказательства позднего происхождения памятника (см. Ян Боцзюнь, Лецзы цзиши, стр. 119; A. Graham, p. 117), тогда как для такого же имени, встречающегося в беседе между царем Ци (VI в. до н.э.) и Гуань Чжуном в «Чжуанцзы», Сыма Бяо (III-IV вв.) дает комментарий «фамилия» и не ставит при этом под сомнение ни памятника, ни фрагмента <(см. «Чжуанцзы», стр. 229, гл. 19, III, 118)>.] считал, что таких предметов нет, а рассказы о них — это вздор. Сяо Шу [67. Сяо Шу — аристократ из Лу, см. «Цзочжуань», правление Чжуангуна — 12 год, «Весна и осень» — 23 год (683 и 672 гг. до н.э.).] же сказал:

— Как самонадеян Хуанцзы! Как смел в ложных доводах!

Глава 6

СИЛА И СУДЬБА [1. Главы шестая и седьмая представляют собой «Книгу Ян Чжу» <(см. Предисловие, стр. 10)>.]

— Разве твоим заслугам сравниться с моими! — похвасталась Сила перед Судьбой [2. В противоположность идеалистическому индетерминизму Ян Чжу трактует судьбу не как

«появление Неба», а как естественную необходимость — определенное следствие, к которому неизбежно ведет цепь причин.].

— Какие же у тебя заслуги перед вещами, и в чем могут сравниться с моими? — спросила Судьба.

— Я, Сила, способствую долголетию или недолговечности, успеху или неудаче, знатному или низкому положению, богатству или бедности

— Пын Цзу [3. Пын Цзу известен лишь своим долголетием.] по уму не превзошел Высочайшего и Ограждающего, а прожил восемьсот лет; Янь Юань имел талант недюжинный, а прожил сорок восемь лет; Конфуций в добродетели не уступал правителям, а терпел бедствия в [царствах] Чэнь и Цай; иньский царь Бесчеловечный в своих поступках отнюдь не превзошел трех милосердных [4. Три милосердных — Вэйцзы, сводный брат Бесчеловечного и его дяди; Сидящий на Корточках (Цзицзы) и царевич Щит (Бигань). Первый бежал из царства, второй был превращен в раба, а третий — казнен. (См. «Изречения», гл. 18, I, 366; <«Чжуанцзы», стр. 149, 277)>], а занимал царский трон; Цзи Чжа [5. Цзи Чжа (Цзицзы) — младший сын Шоумэна, царя У (585-561 гг. до н.э.). Он отказался от трона, хотя царь хотел сделать его как самого мудрого своим наследником.] остался без титула в [царстве] У; Тянь Хэн [6. Тянь Хэн захватил Ци, убив царя, и царствовал с 379 по 343 г. до н.э.; <см. также стр. 130-131, 178, 265-266>.] захватил [царство] Ци; Старший дядя Ровный и Младший дядя Равный [7. Старший дядя Ровный (Бо и) Младший дядя Равный (Шу ци) (ок. XII в. до н.э.) — братья, отказавшиеся от престола в своем царстве Одинокый Бамбук (Гучжу), находившемся на территории современной провинции Хэбэй. Они умерли от голода в знак протеста против похода Воинственного, царя Чжоу, на старшего — Иньского царя.] умерли от голода на горе Первого Солнца; Цзиши [8. Цзиши — аристократический род узурпаторов в Лу (см. «Изречения», гл. 3 и 18, I, 41 и 388).] был богаче, чем Цзи Под Ивой [9. Цзи под Ивой (Люся Цзи, Чжань Цзи, Чжань Цинь) — известный своей прямоотой судья в царстве Лу, которого трижды изгоняли <(см. «Чжуанцзы», стр. 293-294, 298)>]. Если все это зависело от тебя, то почему у одних жизнь долгая, у других — короткая; мудрые терпели неудачи, а мятежники преуспевали, талантливые занимали низкое положение, а глупцы — высокое, добрые беднели, а злые богатели?

— Судя по твоим словам, у меня действительно нет заслуг перед вещами. [Но] не оттого ли таковы вещи, что ты ими управляешь?

— Разве [я] кем-то управляю, хотя и называюсь судьбой? [Разве] я отвергаю прямых <правых>, а покровительствую кривым <неправым>? [Они] долговечны сами по себе или недолговечны сами по себе; неудачливы сами по себе или удачливы сами по себе; знатны сами по себе или незнатны сами по себе; богаты: сами по себе или небогаты сами по себе. Разве могу я об этом: знать? Разве могу я об этом знать?

Обитатель Северного дома [10. Диалог Обитателя Северного дома (Бэйгунцзы) и Живущего у Западных ворот (Снмыньцзы) иллюстрирует предшествующий фрагмент: одинаковое происхождение, занятия и свойства людей могут привести к прямо противоположным результатам.] спросил Живущего у Западных ворот:

— Не думаешь ли ты, что превосходишь меня в добродетели? Ведь мы с тобой одного поколения, а люди помогают тебе; одного рода, а люди уважают тебя; одинаковой внешности, а люди любят тебя; говорим те же речи, а люди слушают тебя; поступаем одинаково, а люди доверяют тебе; служим одинаково, а люди возвышают тебя; одинаково занимаемся земледелием, а люди обогащают тебя; вместе торгуем, а выгода достается тебе. Я ношу грубую куртку, ем необрушенное просо, живу в хижине, крытой полынью, хожу пешком. Ты же носишь узорчатую парчу, ешь чистое просо и мясо, живешь [в доме] под многими стропилами, ездешь в запряженном четверкой [экипаже]. В [своем] доме на пиру пренебрегаешь мною; при [царском] дворе открыто бросаешь на меня надменный взгляд. Уже много лет, как [мы] друг друга не приглашаем и на прогулки вместе не выезжаем.

— Я и сам не знаю, в чем дело, — ответил Живущий у Западных ворот. — Что бы ты ни предпринял, терпишь неудачу; что бы я ни предпринял, добиваюсь успеха. Не говорит ли это о счастливой и несчастливой судьбе? И [с твоей стороны] равнять себя со мной — это бесстыдство!

Обитателю Северного дома нечего было ответить, и он пошел к себе, как потерянный. По дороге встретился с Преждерожденным из Восточного Предместья, и Преждерожденный его спросил:

— Куда ты ходил и откуда возвращаешься? Почему идешь, согнувшись, и выглядишь таким пристыженным?

Обитатель Северного дома обо всем ему поведал.

— Пойдем со мной к нему снова, и я избавлю тебя от стыда.

— Скажи мне, зачем ты так жестоко оскорбил Обитателя Северного дома? — спросил Пржеджерожденный Живущего у Западных ворот.

— Обитатель Северного дома сказал, что одинаков со мной поколением и родом, возрастом и внешностью, речами и поступками, но отличается от меня, знатного и богатого, низким положением и бедностью. Я сказал ему, что сам не знаю, в чем дело, Что бы ты ни предпринял, терпишь неудачу, что бы я ни предпринял, добиваюсь успеха. Не говорит ли это о счастливой и несчастливой судьбе? И [с его стороны] равнять себя со мной — это бесстыдство!

— Когда ты толкуешь о различии в судьбе, то думаешь лишь о различии в таланте и добродетели. Я же говорю о различии в другом [отношении]. Ведь Обитатель Северного дома одарен добродетелью, но обделен судьбой; ты же одарен судьбой, но обделен добродетелью. Твои удачи добыты не умом, неудачи обитателя Северного дома — это не ошибки глупости. Все это [зависит] от природы, а не от человека. Твоя же гордость тем, что [ты] щедро одарен судьбой, как и стыд Обитателя Северного дома оттого, что [он] щедро одарен добродетелью, означает, что оба вы не знаете естественного закона.

— Остановись, Пржеджерожденный! — воскликнул Живущий у Западных ворот. — Я больше не осмелюсь [так] говорить!

Вернувшись домой, Обитатель Северного дома стал носить свою грубую куртку, словно она такая же теплая, как [мех] лисицы или енота; есть бобы, будто у них вкус чистого зерна; располагаться в своей хижине, крытой полынью, словно под сенью большого дома; ездить в своей плетеной повозке, точно на украшенной резьбой колеснице. И до конца дней своих оставался удовлетворенным, не ведая, кого прославляют, а кого позорят.

Услышав об этом, Пржеджерожденный из Восточного Предместья сказал:

— Обитатель Северного дома долго спал, но при первом же слове сумел очнуться и излечиться от скорби.

Гуань Чжун и Баошу Я [11. Баошу Я — царедворец, современник и друг Гуань Чжуна <(см. также стр. 109)>.] были близкими друзьями и жили вместе в Ци. Гуань Чжун служил царевичу Цзю [12. Царевич Цзю — второй сын Сяна, царя, правившего в Ци с 697 по 686

г. до н.э.], а Баошу Я служил царевичу Сяобо [13. Царевич Сяобо — младший брат Цзю, царствовал в Ци под именем Хуаня с 685 по 643 г. до н.э.].

У царя Ци было много жен. Сыновья главной жены и наложниц в его роде считались равными, и люди царства боялись междоусобицы. Гуань Чжун и Шао Ху [14. Шао Ху — наставник царевича Цзю, современник Гуань Чжуна.] вместе с царевичем Цзю, которому служили, бежали в Лу; Баошу вместе с царевичем Сяобо, которому служил, бежал в [царство] Цзюй [15. Цзюй — одно из древнекитайских царств, находившееся на территории современной провинции Шаньдун.]. Когда же царский внук Учжи [16. Царский внук Учжи, объявленный наследником, убил царя Сяна, взошел на трон, но был убит восставшим народом.] поднял мятеж и в Ци не стало царя, оба царевича вступили в борьбу [за власть].

Сражаясь с Сяобо на дороге в Цзюй, Гуань Чжун попал ему стрелой в застёжку на поясе.

Взойдя на трон, Сяобо стал угрожать Лу, [и там] убили царевича Цзю. Шао Ху из-за этого покончил с собой, а Гуань Чжун был заключен в тюрьму.

Баошу Я сказал Хуаньгуну:

— Гуань Чжун способен управлять царством.

— [Он] мой враг. Хочу его казнить, — ответил Хуаньгун.

— Я слышал, что мудрые государи не питают личной вражды. Да притом человек, способный управлять самим собой, конечно, способен властвовать и над другими. Если хотите стать гегемоном [17. Гегемон — глава союза царств.], не сможете [этого сделать] без Чжуна. Необходимо его освободить.

Царь призвал Гуань Чжуна, и лусцы вернули его в Ци.

Баошу Я встретил [Гуань Чжуна] в предместье, освободил его от оков. Хуаньгун [принял] его по всем правилам этикета и поставил даже выше, чем [роды] Гао и Го [18. Гао и Го —

аристократические роды в Ци.]. Баошу Я стал ниже его. Гуань Чжуну поручили управлять царством и даровали титул — Отец Чжун. Вскоре же Хуаньгун стал гегемоном.

Как-то Гуань Чжун со вздохом сказал:

— В молодости я терпел неудачи, бедствовал и торговал вместе с Баошу. При дележе больше брал себе, но Баошу, зная о моей бедности, не считал меня жадным. Я задумал для Баошу одно дело, но потерпел большую неудачу. Однако Баошу не счел меня глупцом, ибо знал, что времена бывают хорошие и плохие. Я трижды служил и трижды был изгнан государем, но Баошу не подумал, что я негоден, зная, что мне еще не встретилась удача. Я трижды сражался и трижды бежал, но Баошу не назвал меня трусом, ибо знал, что у меня мать-старуха. Когда царевич Цзю потерпел поражение, Шао Ху последовал за ним и в смерти, я же, покрытый позором, спрятался в тюрьме [19. В тюрьму Гуань Чжуна заключили по его же просьбе, ибо по обычаю он, как Шао Ху, должен был покончить с собой.]. Но Баошу не счел меня бесстыдным, зная, что меня не смущают мелочи, что стыжусь я лишь того, что имя мое не прославилось в Поднебесной. Родили меня отец и мать, а знает меня [лишь] Баошу.

Вот каковы Гуань и Бао[шу], прославленные в мире [своей] прекрасной дружбой! [Вот каков] Сяобо, прославленный умением привлекать к себе способных! Однако в действительности [у них] не было прекрасной дружбы, в действительности [у Сяобо] не было умения привлекать к себе способных. То, что в действительности [у них] не было прекрасной дружбы, не означает, что бывает еще более крепкая дружба; то, что в действительности [у Сяобо] не было умения привлекать к себе способных, не означает, что бывает еще большее умение привлекать к себе способных. Это не значит, что Шао Ху был способен покончить с собой, [он] не мог не покончить с собой; это не значит, что Баошу был способен рекомендовать талантливых, [он] не мог не рекомендовать талантливых; это не значит, что Сяобо был способен привлечь к себе врага, [он] не мог не привлечь к себе [врага].

Когда Гуань Чжун заболел [20. Этот эпизод см. также «Чжуанцзы», <264-265>; «Весна и осень Люя», цз. 1, VI, 8-9.], Сяобо задал ему вопрос:

— Можно ли говорить не таясь? [Ведь] болезнь у [Вас], Отец Чжун, серьезная. Кому доверить царство, если станет хуже?

— Кому бы хотел государь? — спросил Гуань Чжун.

— Можно ли Баошу?

— Нельзя! Он — муж прекрасный, чистый и честный. Но всех остальных он меряет по себе, а не [себя] по другим. Раз услышит о чьей-либо ошибке, всю жизнь не забудет. Если доверить ему управление царством, так наверху — запутает правителя, а внизу — станет перечить народу. Пройдет немного времени, и он совершит проступок против государя.

— Кому же можно? — спросил Сяобо.

— Не станет меня, так можно [доверить] Си Пэну. Он такой человек, что высшие [о нем] забудут, а низшие [ему] не изменят. Сам сожалеет, что не похож на Желтого Предка, но печалится о тех, кто хуже его. Тот, кто уделяет людям от [своей] добродетели, называется мудрецом; тот, кто уделяет людям от [своих], богатств, называется умным. Тот, кто снисходит до людей мудростью, никогда не завоевывает людей; тот, кто спускается к людям умом, всегда завоевывает людей. В царстве он не все услышит, в семье он не все увидит. Не станет меня, так можно Си Пэну.

Однако это не значит, что Гуань Чжун унижил Баошу, [Гуань Чжун] не мог [его] не унижить; это не значит, что [Гуань Чжун] благоволил к Си Пэну, [Гуань Чжун] не мог [к нему] не благоволить. В конце, возможно, унижают того, к кому вначале благоволили; того, к кому вначале благоволили, в конце, возможно, станут унижать. Смена благоволения и унижения зависит не от нас.

Применяя учение о двух возможностях, Дэн Си [21. Дэн Си (см. также стр. 80-81), уроженец Восточного квартала (Дунли) в царстве Цзинь, известен как создатель законов, записанных на бамбуковых планках. Близость воззрений Дэн Си к взглядам Ян Чжу раскрывается в выводах Дэн Си по поводу спора Цзычаня с братьями (см. стр. 110-111). Сам факт казни Дэн Си правящей верхушкой в Чжэн бесспорен, однако имя виновника расправы ставится под сомнение. Некоторые комментаторы на основании данных «Цзо чжуань», комментария к летописи «Весна и осень» (в котором отражены интересы царств Лу и Цзинь), а также комментария Лю Сяна к «Сюньцзы» (гл. 3, II, 24) доказывают, что Дэн Си был убит Сычуанем в 500 г. до н.э., через два десятилетия после смерти Цзычаня (523 г.). Думается, что следовало бы придать большее значение противоположным свидетельствам: Лецзы, как чжэнца и современника Дэн Си; «Весны и осени Люя», цз. 18, VI, 224-225; «Хуайнаньцзы», цз. 13, VII, 229; тексту «Сюньцзы», гл. 28, II, 342; «Исторических записок» (цз. 42). В «Исторических записках» убийство царевича и сановника Цзысы (Сычуаня) отмечалось в 563 г. — значительно раньше смерти Цзычаня (в 496 г. до н.э.)] допускал бесчисленные предположения. Когда Цзычань [22. Цзычань (Гунсунь Цяо, см. также прим. 21, гл. 1, прим. 10, 11) — царский сын и высший сановник в Чжэн (с 554 г. до н.э.), характеристика которого в даосских памятниках противоположна

конфуцианской (см. «Изречения», гл. 5, I, 100-101). В связи с вопросом о казни Дэн Си в датировке смерти Цзычаня выявились расхождения: «Цзочжуань» относит ее к 20-му году правления Светлейшего (Чжао), царя в Лу, т.е. к 523 г., «Исторические записки», (цз. 427) — к 5-му году правления Шэна, царя в Чжэн, т.е. к 496 г.] вершил дела, [Дэн Си] создал законы на бамбуковых планках, и в царстве Чжэн их стали применять. [Дэн Си] неоднократно упрекал Цзычаня за [плохое] управление. Цзычань же покорялся ему. [Однако] Цзычань схватил Дэн Си, опозорил его и неожиданно казнил. Но это не значит, что Цзычань был способен применить законы на бамбуковых планках, [он] не мог их не применить; это не значит, что Дэн Си был способен покорить Цзычаня, [Дэн Си] не мог [его] не покорить; это не значит, что Цзычань был способен казнить Дэн Си, [он] не мог не казнить Дэн Си.

Родиться, когда есть возможность [23. В данном фрагменте представлена попытка выразить противоречие между возможностью и действительностью.] жить, это счастье от природы; умереть, когда есть возможность умереть, это счастье от природы. Не родиться, когда есть возможность жить, это наказание от природы; не умереть, когда есть возможность умереть, это наказание от природы. Бывает, что обретают жизнь, когда есть возможность жить, обретают смерть, когда есть возможность умереть; [но] бывает, что живут, когда нет возможности жить, или умирают, когда нет возможности умереть.

Однако рождение и жизнь, одряхление и смерть [зависят] не от [других] вещей, не от самих себя, а от судьбы, познать их нет возможности. Поэтому и говорятся:

— Далекий, беспредельный путь природы сам по себе образуется; бесстрастный неделимый путь природы сам по себе движется. Ни небо, ни земля не способны [его] нарушить; ни мудрый, ни знающий не способны [ему] противиться; ни души предков, ни бесы не способны [его] обмануть. Естественность — это то, что [всех] их уничтожает, их создает, их покоит; ко [всем] к ним [естественность] бесстрашна, их ведет, их встречает.

Цзи Лян, друг Ян Чжу, заболел, и на седьмой день [болезнь] усилилась. Сыновья, оплакивая, окружили его. Позвали лекаря.

— Какие неразумные у меня сыновья, — сказал Цзи Лян [своему другу] Ян Чжу. — Не споешь ли ты вместо меня им в поучение?

Ян Чжу запел:

«Что и природа не знает,

Откуда узнать человеку?

Небо ничем не поможет,

Зла не свершит человек.

То, что лишь мы с тобою

Двое на свете знаем,

Разве узнает лекарь,

Разве узнает колдун?!» [24. Эта песня в «Книге песен» («Шицзин») отсутствует.].

[Но] сыновья Цзи Ляна ничего не поняли и пригласили в конце концов трех лекарей. Первого звали Обманщик, второго — Поддакивающий Каждому, третьего — Игрок [25. Прозвища лекарей говорят о том, что это персонажи аллегорические.]. Осмотрели больного, и сказал Цзи Ляну Обманщик:

— В твоём [теле] неравномерны холод и жар, неуравновешены пустое и полное. Болезнь твою вызвали не Небо и не души предков. [Она] происходит и от голода, и от пресыщения, и от вождения, и от наслаждения, и от забот душевных, и от беззаботности. Но, несмотря на это, [я] постепенно [ее] одолею.

— Лекарь, каких много, — заключил Цзи Лян и поспешно его прогнал.

Поддакивающий Каждому сказал:

— У тебя с самого начала, ещё во чреве [матери], не хватало жизненной энергии, материнского же молока получал в избытке. Причина болезни возникала постепенно, не за одно утро и не за один вечер, и вылечить тебя нельзя.

— Лекарь хороший, — заключил Цзи Лян и [велел] его накормить.

Игрок сказал:

— Болезнь твоя не от Неба, не от человека и не от душ предков. От природы родилась и с телом оформилась. Мы ведаем о ней настолько, насколько ею управляет естественный закон. Чем же помогут тебе лекарства и уколы камнем?

— Лекарь проницательный, — заключил Цзи Лян и, щедро наградив его, отпустил.

А болезнь Цзи Ляна вдруг сама собой прошла.

Жизнь сохраняется не потому, что ее ценят, здоровье улучшается не потому, что его берегут; жизнь безвременно теряют не оттого, что ее презирают, здоровье ухудшают не оттого, что им пренебрегают. Поэтому ценящий жизнь, возможно, не будет жить; презирающий жизнь, возможно, не умрет; берегущий здоровье, возможно, его не улучшит; пренебрегающий здоровьем, возможно, его не ухудшит. Кажется, что все это [происходит] вопреки [желанию]. Нет, не вопреки. Это означает, что живут сами по себе, умирают сами по себе, [здоровье] улучшается само по себе, ухудшается само по себе. Бывает, что ценят жизнь и живут или презирают жизнь и умирают; бывает, что берегут здоровье и улучшают его или пренебрегают здоровьем и ухудшают его. Кажется, что все это соответствует [желанию]. Нет, не соответствует. Это также означает, что живут сами по себе, умирают сами по себе, [здоровье] улучшается само по себе, ухудшается само по себе.

Вскармливающий Медведя сказал царю Прекрасному:

— Высок сам по себе — [это] не значит, что к нему добавили; мал сам по себе — [это] не значит, что [от него] отняли. Разве это зависит от расчетов?

Лаоцзы [26. Речь Лаоцзы — точная цитата из «Дао дэ цзина», §73.] сказал Стражу Границы:

— В ненависти природы кто найдет причину?

[Здесь] речь о том, что лучше [человеку] не подлаживаться под волю Неба, [лучше] не строить предположений о выгоде и вреде.

Ян Бу [27. Ян Бу — младший брат Ян Чжу.] сказал:

— Здесь [два] человека, в которых я сомневаюсь. По годам они — старший и младший брат, по речам — старший и младший брат, по таланту — старший и младший брат, по виду — старший и младший брат. А [вот] по долговечности [они] — отец с сыном, по благородству и низости — отец с сыном, по славе — отец с сыном, по любви и ненависти — отец с сыном.

Ян Чжу ответил: — У древних было слово, которое я запомнил и тебе поведаю. Все, что само по себе таково, но неизвестно, почему таково, — от судьбы [28. Определение судьбы здесь ср. «Лецзы», стр. 26 <59>, «Чжуанцзы», стр. 247 <230>]. Разве кто-нибудь способен знать причину всего того, что [происходит] сейчас и в темноте, и в тумане, и в беспорядке, и в согласии, и следуя за деянием, и следуя за недеянием, приходя в один день, уходя в другой? Все это — от судьбы. Верящий в судьбу отрицает долговечность и недолговечность; верящий в естественный закон отрицает истину и ложь; верящий в разум отрицает покорность и непокорность; верящий в природу отрицает безопасность и опасность. В таком случае скажем, что все они отрицают то, во что верят, все они отрицают то, во что не верят. Вот истина! Вот правда! К чему уходить? К чему приходить? К чему печалиться? К чему радоваться? К чему действовать? К чему не действовать?

В предании о Желтом Предке говорится: «Настоящий человек сидит, словно мертвый, движется, словно связанный; не знает, почему сидит, не знает, и почему не сидит; не знает, почему движется, не знает, почему не движется. Чувства его и внешность не меняются под взглядами толпы; чувства его и внешность не меняются и при отсутствии взглядов толпы. Один он отправляется и один возвращается, один входит, один выходит, и кто сумеет ему помешать?»

Четыре человека — Плут, Обидчивый, Медлительный и Вспыльчивый [29]. Противоречивые прозвища в этом фрагменте указывают на какую-либо черту характера — то субъективное, что мешает взаимопониманию людей. Эти персонажи Ян Чжу, вместе со встречающимися у Лецзы героями животного эпоса, свидетельствуют о появлении у даосов новых образов, которые исследователи относят обычно лишь к «вымыслу» Чжуанцзы <(см., например, стр. 268)>.] — бродили вместе по свету. Каждый из них следовал своим склонностям, и до конца дней своих [они] не узнали друг друга. Каждый считал свои знания самыми глубокими.

Четыре человека — Говорун, Простак, Неотесанный и Подлиза — бродили вместе по свету. Каждый из них следовал своим склонностям, и до конца дней своих [они] не поведали друг другу своих секретов. Каждый считал свое мастерство самым тонким.

Четыре человека — Коварный, Искренний, Заика и Хулитель — бродили вместе по свету. Каждый из них следовал своим склонностям, и до конца дней своих [они] не поняли друг друга. Каждый считал, что [своим] талантом достигнет успеха.

Четыре человека — Лицемер, Докучный, Отчаянный и Робкий — бродили вместе по свету. Каждый из них следовал своим склонностям, и до конца дней своих [они] не порицали друг друга. Каждый считал свои поступки безупречными.

Четыре человека — Сговорчивый, Самовластный, Захватчик и Одиночка — бродили вместе по свету. Каждый из них следовал своим склонностям, и до конца дней своих [они] не взглянули друг на друга. Каждый из них считал себя отвечающим своему времени.

Так действует толпа. По внешности различные, все [они] объединяются путем и подчиняются судьбе.

Почти успех — подобен успеху, но [он] и не начало успеха; почти неудача — подобна неудаче, но [это] и не начало неудачи. Заблуждение рождается подобием. Границы подобия — неразличимы, но тот, для кого подобие различимо, не станет страшиться беды извне, не станет радоваться и внутреннему счастью. В [какое] время действовать, в [какое] время бездействовать — и умному не познать.

Верящий в судьбу <фаталист> не делает различия между «я» и «не-я». Тот, кто делает различие между «я» и «не-я», хуже того, кто, закрыв глаза и заткнув уши, становится спиной к откосу горы, лицом к городскому рву и все же не падает. Поэтому и говорится: «смерть и жизнь зависят от судьбы, бедность и неудачи зависят от времени». Тот, кто ропщет на недолговечность, не понимает судьбы; тот, кто ропщет на бедность и неудачи, не понимает времени; тот, кто не знает страха смерти, не скорбит в бедности, понимает судьбу и довольствуется [своим] временем. Многознающий, оценивая доходы и убытки, отделяет кажущееся от реального, определяя людские настроения, половину обретает, половину теряет; малознающий, не оценивая доходов и убытков, не отделяя кажущееся от реального, не определяя людских настроений, также половину обретает и половину теряет. Разве есть различие между [теми, кто] оценивает, рассчитывает, определяет, и [теми, кто] не оценивает, не рассчитывает, не определяет?! Только тот, кто, ничего не меряя, все измеряет, обретает целостность и не имеет утрат. Но не оттого, что знает целостность, не оттого, что знает утраты. Целостность сама по себе, потери сами по себе, утраты сами по себе.

Циский царь Цзин <Лян> гун [30. Цзингун — царь в Ци (Лян, видимо, описка. — Л.П.), правивший с 547 по 490 г. до н.э. (ср. «Весна и осень Яньцзы», цз. 1, IV, 24-25).] прогуливался на горе Быка. Приближаясь с севера к стене столицы, [он] стал проливать слезы и восклицать:

— А! Как прекрасно [мое] царство! [Как] пышны растения! Как хороши капли росы! Неужели [придется] покинуть это царство и умереть? Если бы древние не умирали, и мне [не пришлось бы] куда-то уходить отсюда.

Вторя ему, зарыдали Цзюй с Лян-горы [31. Цзюй с Лян-горы (Лянцю Цзюй), Хронист Кун (Ши Кун) — царедворцы в Ци.] и Хронист Кун:

— Благодаря милостям государя [мы], ваши слуги, можем питаться грубым зерном и плохим мясом; можем ездить на кляче и в плетеной повозке. И если [мы] не хотим умирать, то что же говорить о нашем государе?

Только Яньцзы в стороне рассмеялся.

Царь утер слезы и, обернувшись к Яньцзы, сказал:

— Ныне на прогулке я опечалился. Вторя мне, зарыдали Кун и Цзюй. Почему только ты один засмеялся?

— Глядя на этих двух, [я], ваш слуга, и засмеялся украдкой, — ответил Яньцзы. — Ведь если бы добродетельные навсегда сохраняли трон, его занимали бы Тайгун [32. Тайгун (Люй Шан, Отец Шан, Цзян Тайгун, Тайгун Ван) — основатель царского рода в Ци, легендарный стратег чжоуских царей Прекрасного и Воинственного (ок. XII в. до н.э.)] и Хуаньгун [33. Хуаньгун — см. гл. 5, прим. 34, гл. 6, прим. 13.], если бы отважные навсегда сохраняли трон, его занимали бы Достойнейший [34. Достойнейший (Чжуангун) — царь в Ци с 553 по 548 г. до н.э.] и Чудотворный [35. Чудотворный (Лингун) — царь в Ци, правивший с 581 по 554 г. до н.э.]. Другие цари занимали бы его, а наш государь в плаще и шапке из соломы стоял бы посредине поля, заботился бы только [об урожае]. Где взял бы [он] досуг раздумывать над смертью? Как смог бы мой государь обрести этот трон? [Лишь] благодаря тому, что [те цари], сменяясь, занимали трон и покидали его, перешел [он] и к [вам], государь. И плакать из-за этого — недостойно. Увидел [я] недостойного государя, увидел его слуг-льстецов.

Цзингун раскаялся и поднял штрафной кубок, а обоим слугам назначил штраф — по два кубка.

Близ Восточных ворот Вэй жил [некий] У. [Когда] у него умер сын, он не горевал. Домоправитель спросил его:

— Почему [вы] не горюете ныне о смерти сына? Ведь [вы], господин, любили сына, как никто другой в Поднебесной!

— Зачем же мне горевать? — ответил У, [что жил] близ Восточных ворот. — Прежде у меня не было сына. Когда не было сына — не горевал. Ныне сын умер, и его нет так же, как не было прежде.

Земледелец поспекает за временем года, торговец думает о прибыли, ремесленник добивается мастерства, воин стремится к власти — к этому вынуждают их обстоятельства. Однако у земледельца бывают разливы и засухи, у торговца — доходы и убытки, у ремесленника — удачи и неудачи, у воина — поражения и победы. Таково проявление судьбы [36. Понимание судьбы здесь дополняется ее связью с профессией героя.].

Глава 7

ЯН ЧЖУ

Ян Чжу [1. Ян Чжу (см. также <Предисловие, стр. 31-32,> гл. 2, прим. 32) — ученик Лаоцзы, был выдающимся представителем даосской школы, создал в ней свое направление. В развитом им этическом учении о гармонии человека с природой Ян Чжу с такой силой обрушивался на конфуцианские авторитеты и устои (как, например, на необходимость служить, добиваться почестей и т.п.), что имя его для господствующего класса (начиная с Мэнцзы — IV-III вв. до н.э. — и на протяжении многих веков) было символом вольнодумства и ереси (см. А. Петров, Ян Чжу — вольнодумец древнего Китая, стр. 175, 211).], странствуя в Лу, остановился у Мэна [2. Мэн (Сунь Ян) — ученик Ян Чжу.], и Мэн задал [ему] вопрос:

— [Родился] человеком, к чему еще [стремиться]? К чему слава?

— Слава ради богатства, — ответил Ян Чжу.

— [Если] стал богат, к чему же еще [стремиться]?

— К знатности.

— [Если] стал знатным, к чему же еще [стремиться]?

— К смерти.

— Умер, к чему же еще [стремиться]?

— К [благоденствию] сынов и внуков.

— Разве слава приносит благоденствие сынам и внукам?

— Благодаря [посмертной] славе, возвышение распространяется отнюдь не только на сынов и внуков, — на весь род, а нажива — на всю общину. [Поэтому] ради славы изнуряют тело, иссушают сердце.

— Каждый, стремящийся к славе, должен быть бескорыстным. А [разве] бескорыстные не бедны? Каждый, стремящийся к славе, должен быть уступчивым. А [разве] уступчивые знатны?

— [Когда] Гуань Чжун помогал управлять в Ци, царь вел распутную жизнь, и Гуань Чжун вел распутную жизнь; царь расточительствовал, и Гуань Чжун расточительствовал. В стремлениях Гуань Чжун был един [с царем], в речах Гуань Чжун следовал [за царем]. Учение [Гуань Чжуна] осуществилось, и [царь] стал гегемоном. После же смерти [осталось] лишь [имя] Гуань. Когда же Тянь помогал управлять в Ци, царь был надменным, а Тянь — скромным, царь обирал [народ], а Тянь раздавал [народу]. Весь народ повернулся к Тяню, и поэтому [он] завладел царством Ци. И поныне [властью в] царстве наслаждаются [его] сыны и внуки.

— [Значит], если слава истинная, то беден? Если слава ложная, то богат?

— [Владеющие] истиной не обладают славой, [владеющие] славой не обладают истиной. Прославленные — ложные, и только. В древности Высочайший и Ограждающий притворно уступали Поднебесную Никого не Стесняющему и Умеющему Свернуться [3. Никого не Стесняющий (Сюй Ю) отказался принять трон от Высочайшего, Умеющий Свернуться (Шань Цзюань) — от Ограждающего (миф.). Олицетворяя даосский тезис — отказ от власти, эти герои противопоставлялись «справедным государям», которых обожествляла конфуцианская школа. В обычае же «уступить» (передать) Поднебесную сохранилось предание о выборности вождей <(см. также «Чжуанцзы», стр. 137, 285, 291-292)>]. Не теряя Поднебесной, [они] наслаждались почестями по сто лет. Старший Ровный и Младший Ровный искренне уступили царствование и в конце концов потеряли свое царство Одинокий Бамбук, умерли от голода на горе Первого Солнца. Вот таким-то образом и проявляется различие между истинным и ложным.

Ян Чжу сказал:

— Сто лет жизни — большой срок [4. Учение Ян Чжу о наслаждении в пересказе раба и разбойника Чжи см. «Лецзы», <71>, «Чжуанцзы», <стр. 297>]. Но прожить сто лет не удастся даже одному из тысячи. Предположим, что окажется такой. [Но] младенчество на руках матери и старческая дряхлость отнимут чуть ли не половину [времени]; забвение ночью во сне и потерянные даже в бодрствовании дни отнимут еще чуть ли не половину [оставшегося времени]; страдания и болезни, горе и мучения, утраты и потери, печаль и страх отнимут еще чуть ли не половину. За оставшиеся десять с небольшим лет найдется ли хоть мгновение, когда бы [человек] был весел, доволен, беззаботен? Зачем же тогда живет человек? Для наслаждений? Для красоты и яств? Для музыки и любви? Но красотой и пиршествами опять-таки нельзя [наслаждаться] постоянно — пресыщаешься. Музыка и любви нельзя жаждать постоянно. А тут опять запрещают наказаниями и убеждают наградами; [зовут] вперед во имя славы и {толкают} назад с помощью закона. Спешим состязаться за миг пустой славы, домогаясь славы с избытком после смерти. Сгибаясь, внимательно слушаем и смотрим, сожалея об истинности или ложности собственных желаний. Напрасно упускаем [возможность] высших наслаждений в эти годы. [Если] неспособны даже на миг беспечности, то чем же отличаемся от пленника в тяжких оковах?

Люди далекой древности знали, что в жизнь постепенно приходят, знали, что смерть постепенно уносит. Поэтому действовали, следуя [велению своего] сердца, и не шли против своих естественных желаний. Не избегали наслаждений при жизни, поэтому их и не манила слава. Развлекались, следуя своей природе, не шли против тьмы желаний, не гнались за посмертной славой, поэтому их не достигали и наказания. Не рассчитывали, сколько проживут лет и будет ли слава сначала или потом.

Ян Чжу сказал:

— В жизни все вещи друг от друга отличаются, а в смерти все одинаковы. [5. Фрагмент посвящен отрицанию бессмертия души (см. также «Чжуанцзы», стр. 222-223, 246; Ван Чун, гл. «О смерти», «Лунь хэн», VII, 202-206).] При жизни отличаются друг от друга умные и глупые, знатные и низкие; в смерти же одинаковы тем, что [все] смердят и разлагаются, гниют и исчезают. И все же это не значит, что от способностей [человека] зависит быть умным или глупым, знатным или низким; это не значит, что от способностей [человека] зависят смрад и разложение, гниение и исчезновение. Следовательно, это не значит, что жизнь зависит от живых, а смерть — от мертвых; ум — от умных, а глупость — от глупых, знатность — от знатных, а низкое [состояние] — от низких. Но [это значит], что тьма вещей равна в жизни, равна и в смерти, равна в мудрости, равна и в глупости, равна в знатности, равна и в низком [состоянии]. Умирает и десятилетний, умирает и

столетний. Умирает и милосердный и мудрый, умирает и злодей и дурак. При жизни — Высочайший и Ограждающий, после смерти — сгнившие кости. При жизни были Разрывающий на Части и Бесчеловечный, после смерти — сгнившие кости. Кто определит различие между ними, ведь сгнившие кости одинаковы?! Следует наслаждаться при жизни, к чему хлопотать о том, что будет после смерти!

Ян Чжу сказал:

— Старший Ровный не чуждался желаний. Сверх меры гордясь [своей] чистотой, довел себя до голодной смерти. Цзи под Ивой не был бесчувственным, но из-за чрезмерной гордости своим целомудрием не продолжил рода. Вот как повредили добрым чистота и целомудрие [6. Пример перехода явления в свою противоположность: добродетель, становясь чрезмерной, приносит зло.].

Ян Чжу сказал:

— Юань Сянь [7. Юань Сянь (Цзысы) — ученик Конфуция (см. также «Изречения», гл. 6, I, 115).] обеднел в Лу, Цзыгун разбогател в Вэй. Юань Сянь от бедности меньше прожил; Цзыгун богатством навлек на себя беду. В таком случае нельзя ни беднеть, ни богатеть? Что же можно? Скажу: можно радоваться жизни, можно не утруждать себя заботами. Ибо тот, кто умеет наслаждаться жизнью, не беднеет; тот, кто умеет не утруждать себя заботами, не богатеет.

Ян Чжу сказал:

— «При жизни друг друга жалеть, по смерти друг друга покидать» [8. В этой пословице Ян Чжу видит протест против роскошных погребений мертвых и требование внимания к живым.] — в этой древней пословице — истина. «Друг друга жалеть» — [эти слова] говорят не только о чувстве, но и готовности дать отдохнуть усталому, накормить голодного, обогреть замерзшего, найти выход для зашедшего в тупик. «Друг друга покидать» — [эти слова] говорят не о том, чтобы не оплакивать покойника, а о том, чтобы не облачать в узорную парчу, не класть [ему] в рот жемчуг и нефрит, не приносить жертв, не ставить блестящих сосудов.

Янь Пинчжун [9. Усматривая здесь описку, Р. Вильгельм, вместо Янь Пинчжуна вводит Баошу (Wilhelm, Lia Dsi, S. 79, 145). Однако содержание ответа по поводу похорон обнаруживает в герое монета или даоса, сторонника учений, с которыми связывают как раз Янь Пинчжуна <(см. Предисловие, прим. 108)>.] спросил у Гуань Чжуна о том, как заботиться о своей жизни.

Гуань Чжун ответил:

— Не мешать [себе], не останавливать [себя]. Жить свободно, и только.

— А подробнее?

— Позволить ушам слушать то, что хочется; позволить глазам смотреть на то, на что хочется; позволить носу обонять то, что хочется; позволить устам говорить то, что хочется; позволить телу покоиться так, как хочется; позволить сердцу мыслить так, как хочется. Ведь ушам хочется слушать музыку, и мешать им означает притуплять слух; глазам хочется смотреть на красоту и краски, и мешать им — означает притуплять зрение; носу хочется вдыхать [аромат] перца и орхидеи, и мешать ему — означает притуплять обоняние; устам хочется говорить об истинном и ложном, и мешать им — означает притуплять ум; телу хочется найти покой в прекрасном и приятном, и мешать ему — значит лишать его хорошего самочувствия; мысли хочется свободы, и мешать ей, значит не давать ей идти вперед. Все эти препятствия — жестокие деспоты. Устранишь этих жестоких деспотов — и [проживешь] радостно вплоть до смерти — и день, и луну, и год, и десять лет. Это я и называю заботиться о своей жизни. Свяжешь себя этими жестокими деспотами, станешь неотступно обуздывать себя и [жить] в скорби и заботах во имя долголетия, так [проживи] пусть даже сто лет, тысячу лет, тьму лет, — это не то, что я называю заботиться о своей жизни. Я объяснил тебе, как заботиться о жизни, — заключил Гуань Чжун, — [а ты скажи], как провожать мертвых?

— Что же объяснять? Похоронным обрядом [я] пренебрегаю.

— Я хотел бы тебя выслушать.

— Когда умру, разве [обряд] от меня зависит <меня касается>? Тело можно сжечь, можно утопить, можно зарыть, можно оставить под открытым небом, можно укрыть хворостом и бросить в канаву, можно облачить в расшитые шелковые одежды и поместить в каменный саркофаг. Как случится.

— Мы оба до конца [познали] учение о жизни и смерти, — сказал Гуань Чжун, обернувшись к Баошу и Хуанцзы [10. Хуанцзы — современник Гуань Чжуна.].

Цзычань стал помогать управлять [царством] Чжэн, и за три года [его] единовластного управления добрые покорились его реформам, недобрые устрашились его запретов. Наступил порядок в царстве Чжэн, и все правители стали его опасаться.

У [Цзычаня] был старший брат по имени Гунсунь Зореван и младший брат по имени Гунсунь Полуночник [11. В конфликте с Гунсунем Зореваном (Чао) и Гунсунем Полунощником (Му) Цзычань (Гунсунь Цяо) развенчивается как конфуцианец: он не сумел убедить даже своих братьев. Победа в споре остается за братьями Цзычаня и Дэн Си, которые доказывают правильность взглядов Ян Чжу.]. Зореван любил вино, а Полуночник — женщин.

В доме Зоревана вина готовили до тысячи котлов, закваски — целые горы, дух от барды бил в нос за сотни шагов от ворот. Предаваясь пьянству, он не ведал, [царит ли] мир или [угрожает] беда; [не ведал] ни сожаления о порядках среди людей, ни недовольства ими, [не тревожился] ни о доходах и расходах в собственном доме; ни о сближении или отчуждении между [всеми] девятью коленами своего рода; [не ощущал] ни радости жизни, ни печали смерти; не знал даже, когда рядом с ним случались наводнение, пожар или сражение.

У Полуночника же на женской половине тянулись рядами десятки покоев для избранниц, самых юных прелестниц. Когда он увлекался красавицей, то прятался от родных, порывал с друзьями и скрывался в женских покоях, добавляя к ночам и дни. [Он] был недоволен, даже если покидал [их] раз в три месяца. Когда в общине подрастала миловидная девушка, [он] добивался ее непременно — либо заманивая подарками, либо увозя с помощью свахи.

Печалась за братьев денно и ночью, Цзычань тайно отправился к Дэн Си посоветоваться.

— [Я], Цяо, слышал, что [умение] управлять самим собой влияет на семью, что [умение] управлять семьей влияет на царство, — сказал Цзычань. Это изречение начинается с близких и кончается далекими. [Я же], Цяо, царство привел в порядок, а в семье [у меня] беспорядки. Это противоречит учению. Как спасти, братьев? Не сможешь ли ты?

— Я давно уже удивлялся тебе, — ответил Дэн Си. — Но не смел заговорить первым. Почему ты не справишься с братьями немедленно? Не расскажешь им притчу о важности жизни, не призовешь [их] к почитанию обрядов и долга?

Как только нашелся досуг, Цзычань навестил своих братьев и, воспользовавшись советом Дэн Си, сказал им:

— Именно благодаря разуму человек ценнее птиц и зверей. Разумом же управляют обряды и долг. Тот, кто безупречен в обрядах и долге, добивается славы и постов. Возбуждать же свои чувства и искать наслаждений в пороке и разврате — опасно для жизни. Внемлите [моим], Цяо, словам, с утра раскайтесь, а уже вечером станете кормиться жалованьем.

— Неужели [мы] ждали, пока ты об этом заговоришь? Мы давно уже поняли и давно сделали свой выбор, — ответили Зореван и Полуночник. — Жизнь — такая редкая удача, а смерть так легко достижима. Кто же это придумал — проводить с таким трудом доставшуюся жизнь, в ожидании столь легко приходящей смерти? Стремиться почитать обычаи и долг ради хвастовства? Насиловать свои чувства и природу, чтобы заманить славу? Это для нас хуже смерти! Желая исчерпать до дна все наслаждения своей единственной жизни, испытать все радости этих лет, тревожимся лишь о том, чтобы переполненный желудок не помешал вволю пить; чтобы утрата силы не помешала предаваться вволю плотским удовольствиям. Не печалит [нас] ни дурная слава, ни опасность для жизни.

Но как жалок, как презрен ты, который превзошел всех в умении управлять царством! Вознамерился смутить наши мысли поучительной речью? Завлечь наши сердца славой и жалованьем? Мы также хотим с тобой поспорить!

Ведь тот, кто умеет управлять внешним [миром], вряд ли наведет порядок среди людей, [сам же он] обречен на муки. Вряд ли из-за того, кто умеет управлять [своим] внутренним [миром], наступит смута, жизнь же [его] будет беззаботной. Законы, с помощью которых ты управляешь внешним [миром], отвечая или не отвечая желаниям людей, могут на время распространиться в одном царстве. Если бы наш способ управлять внутренним [миром] распространился на всю Поднебесную, то учению о государе и слугах пришел бы

конец. Мы давно хотели объяснить тебе этот способ, а ты, напротив, вдруг стал учить нас своему.

Цзычань встревожился и ничего не сумел им ответить, а на другой день обо всем рассказал Дэн Си.

— Кто назвал тебя умным? — спросил Дэн Си. — Ты даже не знаешь о том, что живешь рядом с настоящими людьми. Порядок в царстве Чжэн — [дело] случая, а не твоя заслуга.

Вэйский Дуаньму Шу [12. Дуаньму Шу — по комментарию А. Граhама, потомок ученика Конфуция Цзыгуна, хотя поведение героя говорит о нем как о последователе Ян Чжу.] был современником Цзыгуна. Благодаря богатству предков в его семье скопилась тьма золота. [Он] не занимался делами, а предавался свободно тому, что ему нравилось. Он делал все, что только хочется делать живому человеку; развлекался всем, чем только развлекается человеческая мысль. Здания и ограды, башни и террасы, сады и заповедники, пруды и водоемы, вина и яства, колесницы и одежды, песни и музыка, красавицы и слуги — все у него походило на государево в царствах Ци и Чу. Все, что только было ему по сердцу, — приятное слуху, приятное взору, приятное устам, даже из далеких стран, чужеземных краев, не произраставшее в Ци [13. Ци — здесь, видимо, описка, так как речь идет о царстве Вэй.]. доставалось ему [с такой легкостью], точно из-за [его собственной] ограды. На прогулках он проникал повсюду — по малым тропинкам и далеким дорогам, даже через горы и реки, отвесные скалы и пропасти [с такой легкостью], как другой делает несколько шагов. Гости и удалыцы ежедневно сотнями прибывали в его поместье. В кухне под котлами непрерывно горел огонь, в залах и крытых галереях непрерывно слышались песни и музыка. Оставшиеся от пиршества яства раздавали родичам, оставшиеся после них — раздавали всей общине, оставшиеся — раздавали по всему царству.

Прожив так шестьдесят лет, он стал дряхлеть и телом и душой, оставил все дела и принялся раздавать все, что было в казне и амбарах: драгоценности и сокровища, колесницы и одежды, жен и наложниц. За год все иссякло, не осталось имущества ни сынам, ни внукам. Когда он заболел, не нашлось ни лекарств, ни камня для уколов. Когда он умер, не на что было вырыть ему могилу. Люди со всего царства, получавшие от него дары, сложились, похоронили его и вернули имущество сынам и внукам.

Услышав об этом, Цинь Гули сказал:

— Дуаньму Шу — безумец, опозорил своих предков!

Услышав об этом, ученик Дуаньгань [14. Ученик Дуаньгань (Дуаньгань Шэн, Му) — философ даосского направления, о его отказе от жалованья, от службы вэйскому царю Прекрасному (Вэньхоу, 428-387 гг. до н.э.), см. «Весна и осень Люя», цз. 15, VI, 167; «Хуайнаньцзы», цз. 14 и 20, VII, 334 и 360.] и сказал:

— Дуаньму Шу — человек великодушный, добродетелью превзошел своих предков. Хотя его действия, его поступки всех удивляли, но [он] поистине овладел законом природы. Большая же часть благородных в царстве Вэй соблюдала учение об обрядах, поэтому [они] и не удостоились расположения этого человека.

Мэнсунь Ян спросил Ян Чжу:

— Предположим, здесь человек, который ценит жизнь и бережет тело. Может ли [он] достичь бессмертия?

— По закону природы нет бессмертия.

— Может ли достичь долгой жизни?

— По закону природы нет долгой жизни. Жизнь не сохранишь тем, что ее ценишь, здоровье не сохранишь тем, что его бережешь. Да и к чему долгая жизнь? Наслаждение и отвращение во [всех] пяти чувствах ныне те же, что и встарь; опасность и безопасность четырех конечностей ныне те же, что и встарь; горе и радость в делах ныне те же, что и встарь; смена порядка и беспорядка в управлении ныне та же, что и встарь. Все это видели, все это слышали, все это снова и снова испытали. Так много, что надоест и за сто лет. Насколько же тяжелее будет жить долго!

— В таком случае ранняя смерть лучше долгой жизни? — спросил Мэнсунь Ян. — А чтобы обрести желаемое, следует кинуться на острие, на лезвие, броситься в кипяток или в огонь?

— Нет, — сказал Ян Чжу. — Поскольку живешь, то в ожидании смерти живи легко, исполняя до конца свои желания. Придет смерть — легко перенеси и ее, пусть она исполнит [свое] до конца, предоставь свободу угасанию. Ко всему относись легко, все терпи. К чему спешить или медлить за столь краткий срок!

Ян Чжу сказал:

— Высокосовершенный [15. «Высокосовершенный» (Бочэн Цзыгао) — ср. «Чжуанцзы», 190-191; «Хуайнаньцзы», цз. 13, VII, 215; «Весна и осень Люя», цз. 20, VI, 257-258; в данном и в следующем фрагменте зафиксирован знаменитый «отказ» пожертвовать волоском во имя помощи Поднебесной, за который Ян Чжу был предан анафеме <(см. Предисловие, стр. 23-24, прим. 92), ср. «Чжуанцзы», 287>.] никому не помогал и волоском. Отказался от царства и в уединении пахал землю. Великий же Молодой Дракон не принес самому себе пользы, и тело его наполовину иссохло. Древний человек не согласился бы утратить волосок, чтобы принести пользу Поднебесной; если же всю Поднебесную подносили ему одному, [он] не брал. [Если бы] никто не жертвовал волоском, [если бы] никто не приносил пользу Поднебесной, в Поднебесной воцарился бы мир.

Циньцзы спросил Ян Чжу:

— Выдернул бы ты у себя один волосок, если бы это могло помочь миру?

— Миру, конечно, не помочь одним волоском.

— А если бы можно было? Выдернул бы?

Ян Чжу промолчал.

Циньцзы вышел и передал обо всем Мэнсунь Яну. Мэнсунь Ян сказал:

— Ты не проникся мыслью учителя. Разреши тебе [это] объяснить. Согласился бы ты поранить себе кожу, чтобы получить тьму золота?

— Согласился бы.

— Согласился бы ты лишиться сустава, чтобы обрести царство?

Циньцзы промолчал.

— Рассудим. Ведь волосок меньше кожи; кожа меньше сустава. Однако ведь, по волоску собираясь, и образуется кожа, и кожа, собираясь, образует сустав. Разве можно пренебречь даже волоском, если он — одна из тьмы частей тела?

— Мне нечего тебе ответить, — сказал Циньцзы. — Но если спросить о твоей речи Лаоцзы и Стража Границы, [они] признали бы справедливыми твои слова; если спросить о моей речи великого Молодого Дракона и Мо Ди, они признали бы справедливыми мои слова.

Мэнсунь Ян, обратившись к своим ученикам, заговорил о другом.

Ян Чжу сказал:

— Все прекрасное [16. В этой речи Ян Чжу развенчивает конфуцианских «праведных царей», обличает их в нарушении собственных моральных устоев.] в Поднебесной приписывают Ограждающему и Молодому Дракону, Чжоу [гуну] [17. Чжоу (гун) — младший брат Воинственного (ок. XII в. до н.э.) и регент при юном племяннике — Чэнване. Обожествлявшийся конфуцианской традицией, он служил объектом критики даосов <(см. прим. 20, а также «Чжуанцзы», стр. 292-293)>.] и Конфуцию. Все порочное в Поднебесной приписывают Разрывающему на Части и Бесчеловечному. Ограждающий же, когда пахал землю на юге от Реки, занимался гончарным делом на Болоте Грома, не давал отдыха своим рукам и ногам даже на время, не насыщал яствами ни [своих] уст, ни желудка. [Он] прожил тридцать лет, не любимый ни отцом, ни матерью, не дружный ни с младшими братьями, ни с сестрами; женился, не объявив [родителям]. Когда принял трон, уступленный Высочайшим, лет [ему] было много, разумом [он] ослабел и, так как Шан

Цзюнь [18. Шан Цзюнь — сын Ограждающего (Шуня).] был бесталанным, уступил трон Молодому Дракону, скорбя и печалась до самой смерти. Он — самый злосчастный, какой только был на земле!

Кит [19. Кит (Гунь) — (миф.) герой-богоборец. Чтобы возвести дамбы на пути потопа, он украл у богов «саморастущую землю»; изгнанный Ограждающим, он три года лежал на горе, пока сам не родил сына — Молодого Дракона, будущего покорителя стихии. Кит же превратился в медведя (вар. — черепаху).] покорял воду и землю, трудился много, но безуспешно и был изгнан пожизненно на Крыло-гору. Молодой Дракон наследовал [его] дело, служил [своему] врагу. Трудился лишь на заброшенной земле, [когда] родился сын — не дал ему имени; проходил мимо ворот — [домой] не заходил. Половина тела [у него] иссохла, руки и ноги покрылись мозолями. Получив переданный Ограждающим трон, прекрасную корону и передник, скорбел и печалился в своей бедной хижине до самой смерти. Он — самый большой горемыка и труженик, какой только был на земле!

Когда умер Воинственный, [его сын] Чэнван был юным и слабым. Вместо Сына Неба правил Чжоугун. Шаогуну [20. Шаогун — брат Воинственного, оклеветавший Чжоугуна в стремлении отнять престол у племянника. Это вызвало мятеж других братьев, с которыми и расправился Чжоугун.] это не понравилось. На все четыре стороны распространилась клевета. [Чжоугун] прожил на востоке три года. Казнил своего старшего брата, изгнал младшего брата и только этим сохранил свою жизнь. Скорбел и печалился до самой смерти. Он — самый опасный и трусливый, какой только был на земле!

Конфуций постигал учение предков и царей, соглашался [принимать] подарки и приглашения современных ему государей. Но [на него] свалили дерево в [царстве] Сун [21. Перечисление злоключений Конфуция (ср. «Изречения», гл. 9, 11, 15, 17, I, 176, 331, 365-366, <см. также «Чжуанцзы», стр. 206, 219, 296>) стало общим местом у даосов.], [он] заметал следы [при бегстве] из Вэй, терпел бедствие в Шан и Чжоу, был осажден между Чэнь и Цай [22. Шан, Чэнь. Цай — древнекитайские царства, находившиеся на территории современных провинций Шэньси (Шан), и Хэнань (Чэнь и Цай).], унижен Цзи, опозорен Яном Тигром [23. Ян Тигр (Ху) — приближенный одного из аристократических родов в Лу, который поднял мятеж в этом царстве в конце VI в. до н.э.], печалился и скорбел до самой смерти. Он — самый бестолковый и суетливый из людей!

В жизни этих четырех мудрецов не было ни одного веселого дня, а после смерти [они] достигли славы на множество поколений! Славы, по существу, [они] не обрели. Пусть их хвалят, [они] о том не ведают; пусть их награждают, [они] о том не ведают. Ведь [теперь] они ничем не отличаются от пня или комка [земли]!

Благодаря собранным поколениями богатствам Разрывающий на Части встал на престол — лицом к югу. Ума [у него] было достаточно, чтобы отстранить всех нижестоящих; власти хватило, чтобы привести в трепет [всех] среди морей. [Он] вволю услаждал свой

слух и взор; исполнял все свои желания, радовался и веселился до самой смерти. Он — самый большой гуляка и бездельник, какой только был среди людей!

Бесчеловечный также благодаря собранным поколениями богатствам встал на престол — лицом к югу. Его власть не знала невозможного, перед его волей не оставалось непокорных. Во дворце, занимавшем целый цин земли, [он] безудержно предавался своим страстям, проводя ночи напролет в плотских наслаждениях. Не утруждая себя ни обрядами, ни долгом, радовался и веселился, пока не был убит. Он — самый буйный и необузданный, какой только был среди людей!

Эти два злодея при жизни вволю насладились, а после смерти приобрели славу безумцев и деспотов. [Дурная] слава, по существу, их миновала. Пусть их позорят, [сами они] о том не ведают, пусть приписывают им зло, [сами они] о том не ведают. Ведь [теперь] они ничем не отличаются от пня или комка [земли].

Хотя тем четверем мудрецам и приписывают все прекрасное, [они] промучились до конца и [все] одинаково умерли. Хотя тем двум злодеям и приписывают все порочное, они радовались до конца и так же одинаково умерли.

Посетив Лянского царя, Ян Чжу сказал:

— Управлять царством [легко], как повернуть ладонь [кверху]!

— Почему Преждерожденный говорит, что управлять царством [легко], как повернуть ладонь [кверху]? — спросил царь. У [вас], Преждерожденного, жена и наложница, а [вы] не способны с ними справиться; сад в три му, а [вы] не способны его прополоть!

— Видел ли государь, как пасут овец? — спросил Ян Чжу. — Если со стадом в сотню голов послать пастушка [ростом] в пять чи с плетью через плечо, то [стадо пойдет] на восток, [когда он] захочет на восток; на запад, [когда он] захочет на запад. Пошлите Высочайшего вести на веревке одного барана, а следом за ним Ограждающего с плетью через плечо, и [баран] не двинется вперед. К тому же [я], ваш слуга, слышал о том, почему рыба, глотающая корабли, не заплывает в протоки; [почему] лебедь, взвизгивающий ввысь, не садится на илистый пруд. Оттого, что возможности их велики. Почему звуки медного колокола и большого колокола не могут сопровождать крикливое действие? Оттого, что

звуки у них возвышенные. Это говорит о том, что управляющий великим не управляет малым; одерживающий великие победы не одерживает малых.

Ян Чжу сказал:

— Кто помнит о деяниях далекой древности? [24. В этом фрагменте отражен взгляд Ян Чжу на процесс развития человечества, а также отрицание им достоверных преданий (антиконфуцианский тезис).] [Они] исчезли. Деяния трех владык то ли были, то ли нет; деяния пяти предков [помнятся] то ли наяву, то ли во сне; деяний трех царей, явных ли, тайных ли, из мириада не знаем ни одного. Из происходящих событий — слышал ли о них, видел ли, — из тьмы не узнаешь и об одном; из событий, свершившихся на глазах, — хранятся ли в памяти, забываются ли, — из тысячи не запомнишь и одного. А сколько лет прошло с далекой древности до наших дней, нельзя и сосчитать. Только от времен Готовящего Жертвенное Мясо — триста с лишним тысяч лет. Умные и глупые, красавцы и уроды, победители и побежденные, правдивые и лживые — все исчезли, [различен] лишь срок — медленнее или быстрее. Какова же радость жизни? Гордиться тем, что в какой-то миг тебя славят или поносят? Сжигать свой разум и утруждать свое тело ради посмертной славы на сотни лет? Разве от нее оживут иссохшие кости?

Ян Чжу сказал:

— Человек подобен небу и земле, его природа содержит пять стихий [25. Из пяти стихий — вода, огонь, дерево, металл, земля, по Ян Чжу, состояла не только природа, но и человек.]. Человек — самый разумный из всех живых существ. Но у человека когти и зубы [26. Некоторые из этих положений Ян Чжу о человеке — существе наиболее разумном, но физически защищенном от опасностей меньше, чем другие живые существа, см. «Весна и осень Люя», цз. 20, VI, 255.] недостаточно [крепки] для самозащиты, кожа недостаточно [толста] для обороны, движется [он] недостаточно [быстро], чтобы избежать опасности. Не имеет ни шерсти, ни перьев, чтобы защититься от холода и жары. [Ему] приходится кормиться [другими] вещами. По своей природе полагается на разум, а не надеется на силу. Поэтому ценят ум — то, что сохраняет [человека]; силу же презирают — пренебрегают нападением на вещи. Хотя [своим] телом я не владею, но, поскольку рожден, не могу не хранить [его] в целости. Вещами я не обладаю, но, поскольку [они] существуют, не могу без них обходиться. Тело поистине — главное в жизни, вещи — также главное для его прокормления. Хотя [я] сохраню в целости жизнь и тело, но не могу владеть этим телом; хотя не обхожусь без вещей, но не могу владеть этими вещами. Тот, кто завладевает этими вещами, тот, кто завладевает этими телами, тот в личных [целях] захватывает тела в Поднебесной, тот в личных [целях] захватывает вещи в Поднебесной. Только мудрый, только настоящий человек делает общими тела в Поднебесной, делает общими вещи [27. В этом фрагменте отрицается собственность одного человека и

доказывается необходимость общей собственности.] в Поднебесной. Вот такого и назову самым настоящим из настоящих людей.

Ян Чжу сказал:

— Живые люди не знают отдыха по четырем причинам. Первая — долголетие, вторая — слава, третья — ранги, четвертая — богатство. По этим четырем причинам страшатся душ предков, страшатся людей, страшатся властей, страшатся наказаний. Таких назову бегущими от человеческой [природы]. Убьют ли, оставят ли в живых — их судьба решается извне. [Тот же, кто] не идет против судьбы, разве станет жаждать долголетия? [Тот, кто] не кичится знатностью, разве станет жаждать славы? [Тот, кто] не стремится к власти, разве станет жаждать рангов? [Тот, кто] не алчет богатства, разве станет жаждать денег? Такого назову соответствующим человеческой [природе]. В Поднебесной [ему] нет соперников. Его судьба решается изнутри. Поэтому мудрость гласит:

«Служить не станут, свах не позовут.

Забудут половину всех страстей.

Кормить не станут, одевать не станут —

Не будет слуг, не будет государей».

Чжоуская пословица гласит: «Землепашца усадить, что убить!». По утрам уходить, к ночи возвращаться — [он] сам считает неизменным в человеческой природе; бобовую похлебку и коренья считает самыми вкусными [яствами]. Кожа и мясо у него толстые, грубые, мускулы и жилы — твердые, крепкие. [Если бы] однажды утром уложить [его] на нежные меха, среди шелковых занавесей, поднести ему лучшего зерна и мяса, орхидей и мандаринов, в сердце бы [ему закралась] досада, а тело [его охватило] бы беспокойство, внутренний жар вызвал бы болезнь. Поработали бы на земле наравне с землепашцем шанский и луский цари, прошло бы не много времени, пока [они] не утомились. Поэтому в Поднебесной выше всего то, в чем находит покой человек полей, то, чем наслаждается человек полей! [28. В этом фрагменте Ян Чжу славит труд земледельца и его радости.]

Некогда в царстве Сун жил землепашец. Одевался в очесы конопли, только чтобы зиму провести, а весной, принимаясь за работу, грел спину на солнце. Он не ведал, что в Поднебесной существуют просторные палаты, теплые покои, вата и шелка, [мех] лисиц и енота. И [как-то] сказал своей жене:

— Никто не знает, как греет спину солнце. Если доложу об этом нашему государю, получу большую награду.

— Некогда был человек, похожий на тебя, — рассказал ему сосед, [хозяин] большого дома. — [Он] пристрастился к крупным бобам, полюбил стебли конопли, сельдерей, водяную чечевицу и стал расхваливать эти кушанья перед богачами общины. Богачи общины взяли их, попробовали — во рту загорелось, животы заболели. Все стали над тем человеком смеяться, обижать его, и ему стало очень стыдно.

Ян Чжу сказал:

— Чего еще домогаться во внешнем тому человеку, который обладает богатым домом, прекрасными одеждами, лучшими яствами и красивыми женщинами? Если человек, обладая всем этим, еще чего-то во внешнем домогается, то характер у него ненасытный. Ненасытный характер [точит, как] моль [29. Ср. с «незнанием довольства» как «величайшей из бед», «Дао дэ цзин», §46. Признававший необходимость естественных наслаждений, в отличие от других даосов, Ян Чжу солидаризировался с ними в обличении алчности, властолюбия и других пороков.], (как силы] жара и холода. Верности (у такого] не хватит, чтобы покоить государя, но хватит, чтобы подвергнуть опасности свое тело; справедливости не хватит, чтобы приносить пользу другим, но хватит, чтобы повредить [собственной] жизни. [Если] служба высшему вызвана не верностью, то утрачивается слава верного; если польза другим вызвана не справедливостью, то исчезает и слава справедливого. Покой для государя и для подданных, польза другим и себе — таково учение древних.

Вскармливающий Медведя сказал:

— Те, кто отказываются от славы, не знают печали.

Лаоцзы сказал:

— Имя <слава> — гость сущности [30. Антиконфуцианский тезис даосов (<см. также «Чжуанцзы», 137,> ср. «Изречения», гл. 13, I, 283).], а множество [людей] пекутся о славе без конца. Славу поистине не захотят отбросить! Славу поистине не захотят назвать

гостем! Того, кто ныне приобрел имя, почитают и прославляют; того, кто не составил имени, унижают и презирают. Почет и славословия приносят беспечность и наслаждения; унижение и презрение приносят страдания и муки. Страдания и муки попирают [человеческую] природу, беспечность и наслаждения соответствуют [человеческой] природе, и это уже связано с сущностью. Как можно отказаться от славы? Как можно ее назвать гостем? Только из ненависти к тем, кто цепляется за славу и запутывает сущность. Те, кто цепляется за славу и запутывает сущность, ужаснутся опасности, гибели, но не найдут спасения. Разве дело лишь в [различии] между праздностью и наслаждениями [одних] и страданиями и муками [других]?!

Глава 8

О ПРЕДВИДЕНИИ

Учитель Лецзы учился у учителя Лесного с Чаши-горы, и учитель Лесной сказал:

— Если постигнешь, как держаться позади [1. Пересказ положения Лаоцзы о государе, настоящем человеке (см. «Дао дэ цзин», §7).], можно будет говорить и о том, как сдерживать себя.

— Хочу услышать о том, как держаться позади, — ответил Лецзы.

— Обернись, взгляни на свою тень и поймешь.

Лецзы обернулся и стал наблюдать за тенью: тело сгибалось, и тень сгибалась; тело выпрямлялось, и тень выпрямлялась. Следовательно, изгибы и стройность исходили от тела, а не от тени. Сгибаться или выпрямляться — зависит от [других] вещей, не от меня. Вот это и называется: держись позади — встанешь впереди.

Страж Границы сказал Лецзы:

— Слова прекрасны, тогда и отклик прекрасен; слова безобразны, тогда и отклик безобразен. Тело длинное — тень длинная; тело короткое — тень короткая. Имя — отклик, [поступки] тела — тень. Поэтому и говорится:

«Будь осторожен в словах — с ними согласишься.

Будь осторожен в поступках — за ними последуют».

Поэтому-то мудрые люди наблюдали за выходящим, чтобы узнать входящего; наблюдали за прошлым, чтобы узнать будущее. В этом и заключается [естественный] закон предвидения. Мера — в себе самом, а подтверждение <опыт> — в других. Другие любят меня, и я их непременно люблю, другие ненавидят меня, и я их непременно ненавижу. Испытующий и Воинственный любили Поднебесную и стали царями, Разрывающий на Части и Бесчеловечный ненавидели Поднебесную и погибли. Вот это и есть подтверждение [на опыте]. Того, кто без учения хочет понять и меру и подтверждение, сравним с тем, кто выходит, но не через двери, идет, но не по дороге. Разве не трудно будет такому добиться полезного? Когда-то [я] познавал добродетель Священного Земледельца, Владеющего огнем, изучал предания об Ограждающем и Молодом Драконе, [царствах] Шан и Чжоу, речи законодателей и мудрых [и понял]: не бывало, чтобы без этого учения [могли] определить [причины] существования и гибели, расцвета и упадка.

Янь Хой [2. Янь Хой — ученик Лецзы. Его имя и имя Янь Хоя (Юаня), ученика Конфуция, пишутся различными иероглифами (№ 6330 и 5607, 8285 и 1850).] спросил:

— Те, кто спрашивает об учении, домогаются богатства. Ныне же [я] обрел жемчужину, значит, разбогател. Какая же выгода от учения?

Учитель Лецзы ответил: — Удачно [задал вопрос]! Ведь я тебе [об этом] еще не говорил. Разрывающий на Части и Бесчеловечный ценили только выгоду, презирали учение, поэтому и погибли. Человек, [который] не знает долга и только ест, подобен курице или собаке. Те, кто дерется и бодается, вырывая [друг у друга] пищу, и признает победителя вожаком, подобны хищным птицам и зверям. Тот, кто, уподобляясь курице или собаке, хищной птице или зверю, стремится обрести уважение людей, [ничего] не добьется. Если же не обретет уважения, [его] настигнут опасность и позор.

Лецзы учился стрелять [3. В данном фрагменте говорится о важности изучения причин явления, а не отдельных фактов (см. также «Весна и осень Люя», цз. 9, VI, 90)]. Попав в цель, попросил [указаний] у Стража Границы. Страж Границы задал вопрос:

— Знаешь ли ты, почему попал в цель?

— Не знаю.

— [Значит], еще не овладел {мастерством}.

Лецзы ушел, упражнялся три года и снова {явился] с докладом. Страж Границы спросил:

— Знаешь ли ты, почему попал в цель?

— Знаю, — ответил Лецзы.

— [Теперь] овладел [мастерством]! Храни и не забывай! Поступай так, [изучая] не только стрельбу, но и себя самого и царство. Ибо мудрый человек познает не существование и гибель, а их причины.

Лецзы сказал:

— Полный красоты — горд, полный сил — необуздан, с ними нельзя говорить об учении. Поэтому [пока] не поседеют, [с ними] не стоит и говорить об учении, а еще менее — о его осуществлении. Необузданному люди не могут советовать. [Если же] люди не могут [ему] советовать, то [он] остается одиноким, без помощников. Умный полагается на людей, поэтому и в старости не дряхлеет, знания [у него] исчерпывающие и беспорядков не возникает. Трудность управления царством не в том, чтобы самому быть умным, а в том, чтобы находить умных.

Некий сунец [4. Вариант данного фрагмента см. «Хуайнаньцзы» (цз. 20, VII, 348), «Хань Фэйцзы» (цз. 7, V, 121-122), «Лунь Хэн» (VII, 178).] за три года вырезал из нефрита для своего государя лист дерева ну, такой совершенный — в зубчиках и со стебельком, в жилках и волосках, такой сложный и блестящий, что его нельзя было отличить от настоящих листьев дерева чу, даже смешав с ними. Этого человека за его мастерство стало кормить царство Сун.

Услышав об этом, учитель Лецзы сказал:

— Если бы небо и земля, порождая вещи, создавали за три года один лист, то растений с листьями было бы очень мало. Поэтому мудрый человек полагается не на знание и мастерство, а на естественный процесс развития.

Учитель Лецзы попал в нужду и отощал от голода [5. Данный фрагмент, свидетельствующий о том, что Лецзы был врагом правящих, см. также «Чжуанцзы», 287-288, «Весна и осень Люя», цз. 16, VI, 183. Основываясь на поздней комментарии Гао Ю (II-III вв. н.э.) к «Весне и осени Люя» (см. цз. 14, VI, 145), Ян Боцзюнь («Лецзы цзи ши», стр. 155-156), А. Graham (р. 162) и др. считают Цзыяна министром. Отказ Лецзы они объясняют боязнью погибнуть вместе с ним в случае царской немилости, вопреки данным источников, говорящих о Цзыяне, как о царе, убитом народом (см. также «Хань Фэйцзы», цз. 17, V, 309; «Хуайнаньцзы», цз. 13. VII, 217; «Исторические записки», цз. 12).]. [Какой-то] гость поведал об этом чжэнскому царю Цзыяну.

— Разве государь, — спросил он, — не прослышет врагом мужей, если постигший учение муж — Ле Защита Разбойников, бедствует в вашем царстве?

Чжэнский Цзыян тотчас велел служителю одарить Лецзы просом.

Учитель вышел к посланцу, дважды поклонился, но [проса] не принял. Посланец удалился.

Лецзы вошел [в дом]. Жена посмотрела на него, стала бить себя в грудь и сказала:

— Слышала [я], что семья человека, постигшего учение, обретает покой и радость. Мы же отощали от голода. Царь дарит [вам], Преждерожденному, зерна. Разве это не судьба? А [вы], Преждерожденный, отказываетесь!

Учитель Лецзы улыбнулся и ответил:

— Царь шлет в подарок просо, а сам меня не видел, знает обо мне лишь с чужих слов. Так с чужих слов он обвинит меня и в преступлении. Вот почему я не принял [дара].

А народ и вправду восстал и прикончил Цзяна.

У [некоего] Ши из Лу было два сына. Один любил науку, другой — военное дело. Любивший науку домогался применить свое искусство у царя Ци. Циский царь взял его в наставники к сыновьям.

Любивший военное дело отправился в Чу и домогался применить свое искусство у чуского царя. Царю он понравился и был назначен военачальником. Жалованье [сыновей] обогатило семью Ши, их ранги принесли знатность всей родне.

У соседа Ши, Мэна, также было двое сыновей. Занимались они тем же, но жили в крайней нужде и завидовали достоянию семьи Ши. [Мэн] пошел к [Ши] узнать, как [сумели они] быстро возвыситься.

Оба сына [Ши] рассказали Мэну все по правде. Один из сыновей Мэна направился в Цинь, домогаясь применить свою науку у циньского царя.

— Ныне, когда цари всеми силами оспаривают первенство, должно заниматься лишь оружием и провиантом. Если же управлять моим царством с помощью милосердия и справедливости, это приведет его к гибели, — сказал циньский царь, а затем оскопил [пришельца] и прогнал.

Другой сын отправился в Вэй, помогаясь служить вэйскому царю своим военным искусством.

— Мое царство слабое, а должно держаться среди сильных. Стремясь к миру, я служу великим царствам и помогаю малым. Стоит опереться на военную силу, и [нас] встретит лишь гибель. Но если отпустить тебя невредимым, [ты] пойдешь в другое царство и беду мне принесешь немалую, — сказал вэйский царь и, отрубив [пришельцу] ногу, отправил {его} обратно в Лу.

Когда [оба сына] вернулись, Мэн с сыновьями стали бить себя в грудь и поносить Ши. Ши же сказал:

— Каждый, кто удачно выберет время, преуспеет! Каждый, кто упустит случай, пропадет!

Путь твоих [сыновей] был тот же, что и моих, плоды же — иные. Но просчет не в поступке, а в неудачном [выборе] времени. Ведь в мире не бывает законов, всегда правильных; нет дел, всегда неправильных. То, что годилось прежде, ныне, возможно, [следует] отбросить; то, что ныне отбросили, позже, возможно, пригодится. Для того, что пригодно, а что непригодно, нет неизменной истины. Нет [твердой] меры для того, как пользоваться удобным случаем, ловить момент, действовать по обстоятельствам. Это зависит от сообразительности. Если сообразительности недостаточно, так будь благородный муж таким же всезнающим, как Конфуций, таким же стратегом, как Тайгун, он окажется в тупике всюду, куда ни направится.

Гнев Мэна и его сыновей прошел. Они освободились от [чувства] обиды и сказали:

— Не повторяй! Мы все поняли.

Цзиньский царь Прекрасный [б. Прекрасный (Вэньгун) — царь в Цзинь, правивший с 637 по 629 г. до н.э.] выступил на соединение [с союзниками], чтобы напасть на Вэй. Царевич Чу поглядел на небо и рассмеялся.

— Отчего смеешься? — спросил царь.

— [Я], ваш слуга, смеюсь над соседом, — ответил царевич. — [Он] проводил жену к ее родителям, а по дороге заметил женщину, собиравшую [листья] шелковицы. [Она] ему понравилась, и он стал с ней заигрывать. Но тут обернулся и поглядел вслед своей жене: и ее кто-то манил. Над ним ваш слуга и смеется.

Царь понял намек, остановил войско и повел его обратно. Не успел он дойти [до дому], как напали на северную окраину [его царства].

Царство Цзинь страдало от [нападений] разбойников. А жил там Ци Юн [7. Ци Юн — физиономист, мастер опознавать разбойников.], который умел распознать разбойника по внешнему виду. [Он] узнавал, что за человек, приглядываясь [к выражению глаз] между бровями и ресницами. Цзиньский царь послал [его] опознавать разбойников, и [он] не пропустил ни одного из сотни, из тысячи.

В большой радости цзиньский царь сказал Чжао Вэньцзы [8. Чжао Вэньцзы — советник Дао, царя в Цзинь, правившего с 573 по 559 г, до н.э.]:

— Зачем [мне] много [людей]? Я отыскал одного [такого] человека, что всем разбойникам в царстве придет конец!

— [Если] мой государь устраивает слежку за разбойниками, то разбойники не переведутся, — ответил Вэньцзы. — А Ци Юн, конечно, умрет не своей смертью.

И тут вдруг разбойники собрались на совет и решили:

— Ци Юн, вот кто довел нас до крайности! А затем все вместе его убили.

Услышав об этом, цзиньский царь пришел в ужас, тут же призвал Вэньцзы и сказал:

— Верно, [вышло] по-твоему. Ци Юн погиб. Как же захватить разбойников?

— Чжоуская пословица гласит: «Не высматривай рыбу в глубине, — накличешь беду; не считай, сколько людей скрывается, — накличешь гибель!». Ведь [если] государь желает, чтобы не было разбойников, лучше всего приближать умных и на них полагаться. Тогда верхи прозреют, а низы переменятся. Если народ обретет стыд и совесть, кто же пойдет в разбойники?

[Царь] взял в помощники Суй Хоя [9. Суйхой — сановник в Цзинь.], и шайки разбойников убежали в Цинь.

Возвращаясь из Вэй в Лу, Конфуций распряг коней и загляделся с моста на реку: струи спадают с высоты в тридцать жэнь, водоворот бурлит на девяносто ли. [Тут] не могут проплыть ни рыбы, ни морские черепахи, не могут жить ни речные черепахи, ни кайманы.

Какой-то человек собрался переходить [водопад] вброд. Конфуций послал учеников вдоль по берегу, чтобы остановить того человека и [ему] сказать:

— Подумай! Не трудна ли будет переправа? [Ведь] струи спадают с высоты в тридцать жэнь, водоворот бурлит на девяносто ли. [Тут] не могут проплыть ни рыбы, ни морские черепахи, не могут жить ни речные черепахи, ни кайманы.

[Но] человек не послушался, отправился вброд и вышел [на берег].

— Прекрасно, — сказал ему Конфуций и спросил: — Обладаешь ли секретом входить и выходить [из водопада]?

— Перед тем как войти, [проникаюсь] преданностью и доверием [к воде], — ответил пловец. — Когда же выхожу, опять-таки следую [за течением] с преданностью и доверием. С преданностью и доверием располагаю свое тело на волнах и не смею внести ничего личного. Вот поэтому-то [я] способен и вступить в водопад и из него выйти.

— Запомните это, вы, мои ученики! — сказал Конфуций. — Если действовать с преданностью, доверием, со всей искренностью, то можно сблизиться даже с водой, а тем более — с человеком.

— Можно ли говорить с людьми загадками? — спросил Бэйгун [10. Бэйгун (Бэйгун Шэн) — внук Пинвана, царя в Чу с 528 по 516 г. до н.э., погиб, пытаясь отомстить чжэнцам за своего отца. О нем см. также стр. 132; «Чжуанцзы», гл. 24, прим. 15; «Весна и осень Люя», цз. 18, VI, стр. 222-223; «Хуайнаньцзы», цз. 12, VII, 189-191; речь Яньцзы, обвинявшего Конфуция в поддержке мятежа Бэйгуна см. «Инвектива против конфуцианцев», — «Моцзы», гл. 39, IV, 184.] Конфуция, но тот промолчал.

— Если [загадку уподобить] камню, брошенному в реку, [то] что получится? — спросил Бэйгун.

— В царстве У [11. Царство У — одно из древнекитайских царств, находившихся на территории современных провинций Чжэцзян и Цзянсу.] прекрасные водолазы, сумеют его выловить, — ответил Конфуций.

— А если [загадку уподобить] воде, налитой в воду?

— Смешали [воду из рек] Цзы и Шэн, но [повар] И Я [12. И Я — прославившийся своим тонким вкусом повар Хуаня, царя в Ци.] попробовал и их распознал.

— Значит, нельзя говорить загадками? — Почему нельзя? Но только понимает ли [смысл] слов [сам] говорящий? Ведь понимающий [смысл] слов не станет говорить словами. У рыбака намокает [одежда], у охотника устают [ноги], но не для удовольствия. Ибо истинные слова — без слов, истинное деяние — недеяние [13. Советуя Бэйгуну молчать, Конфуций прибегает к тезису Лаоцзы (ср. «Дао дэ цзин», §43).]. Ведь то, о чем спорят люди поверхностные, столь незначительно!

Так ничего не добившись, Бэйгун погиб в бане.

Чжао Сянцзы послал Синьчжи Муцзы [14. Синьчжи Муцзы — полководец в царстве Чжао при царе Сянцзы. Данный фрагмент см. также «Весна и осень Люя», цз. 15, VI, 161-162; «Хуайнаньцзы», цз. 12, VII, 192.] в поход против племени Фазан. Победив и захватив пленных [из городов] Цзожэнь и Чжунжэнь, [Синьчжи Муцзы] отправил с докладом скорохода.

Сидевший за трапезой Сянцзы опечалился, и [приближенные] слева и справа стали его спрашивать:

— Почему государь опечалился? Ведь за одно утро взяли два города, это так радостно!

— Половодье на реке — только на три дня. «Сильный ветер, проливной дождь — не на все утро» [15. Почти точная цитата из Лаоцзы (см. «Дао дэ цзин», §23)]. Солнце в зените лишь один миг. В роду Чжао до сих пор еще не бывало столь доблестных деяний. За одно утро взять два города! Уж не гибель ли нам грозит?

Услышав об этом, Конфуций сказал:

— Вот как благоденствует род Чжао! Ведь потому и процветает, что печалится. Погибают же оттого, что радуются. Здесь трудность не в том, чтобы победить, а в том, чтобы победу удержать. Умный правитель удерживает победу, и поэтому его счастье переходит к последующим поколениям. [Царства] Ци и Чу, У и Юэ одерживали победы, но не постигли, как удержать победу, и в конце концов пришли к гибели. Только правитель, овладевший учением, способен удержать победу.

Силы у Конфуция хватило бы поднять засов ворот царства <столицы>, но [он] не захотел прославиться силой. Готовясь к обороне, Моцзы победил Гуншу Баня [16. См. «Моцзы», гл. 13, IV, 295.], но [Моцзы] не захотел прославиться своим военным искусством. Поэтому тот, кто умеет удерживать победу, считает свою силу слабостью.

В одной из сунских семей [17. Данный фрагмент, но без имени Конфуция, см. также «Хуайнаньцзы», цз. 18, VII, 310.] три поколения подряд совершали милосердные и справедливые дела. И вдруг [у них] в доме без всякой причины черная корова отелилась белым теленком. Спросили об этом Конфуция.

— Это — счастливое предвестие, — ответил Конфуций и велел принести [теленка] в жертву высшему предку.

Прошел год, и отец того семейства беспричинно ослеп. А та корова снова отелилась белым теленком. Отец снова велел сыну спросить [об этом] Конфуция.

— Зачем опять спрашивать? — сказал сын. — Прошлый раз спрашивали, а [ты] потерял зрение.

— Бывает, что предсказание мудреца сначала не оправдывается, а позже оправдывается, — ответил отец. — Пока дело еще не кончилось, спроси его снова.

— Это — счастливое предвестие, — сказал Конфуций и опять велел принести [теленка] в жертву.

Сын вернулся, передал совет, и отец ему сказал:

— Выполняй приказ Конфуция!

Прошел еще год. Сын также беспричинно ослеп. А затем чусцы напали на сунцев и окружили их город. Жителям пришлось обмениваться друг с другом сыновьями и [их] есть, раскалывать сухие кости и жечь в очаге [18. В «Исторических записках» Сыма Цяня (цз. 48) в тех же выражениях передается сообщение о голоде у сунцев в 597 г. до н.э., осажденных в течение пяти месяцев.]. Все молодые и сильные сражались на стенах, и погибло их больше половины. А те — отец с сыном — из-за болезни всего этого избежали. Когда же сняли осаду, прошла [у них] и болезнь.

В Сун жил бродячий фокусник, который домогался удивить своим искусством сунского царя Юаня [19. Юань — царь в Сун с 531 до 517 г. до н.э.]. Царь Юань призвал его и велел показать свое мастерство.

Привязав к ногам ходули вдвое длиннее своего тела, [фокусник] на них быстро ходил и бегал, жонглировал семью мечами, которые, чередуясь, летали, и пять из них всегда находились в воздухе.

Восхищенный царь Юань сразу же наградил [фокусника] золотом и шелком.

Услышал об этом другой бродячий фокусник — акробат, умевший смешить до упаду, и стал также домогаться [приема] у царя Юаня.

Царь Юань разгневался и сказал:

— Недавно один фокусник домогался [встречи] со мной. Искусство его бесполезное, но он пришел удачно, когда у меня было хорошее настроение, поэтому [я] и наградил [его] золотом и шелком. А этот, верно, услышал и тоже явился ко мне в надежде получить награду.

[Фокусника] схватили и собирались казнить, [но] через месяц отпустили.

Циньский Мугун спросил Радующегося Мастерству [20. Радующийся Мастерству (Болэ) — легендарный знаток коней (при Му, царе в Цинь с 659 по 621 г. до н.э.) вместе с другим — Высящимся во Вселенной (Цзюфан Гао), — по данным памятника и комментария, — был рабом. Второго знатока коней пытаются отождествить с Пропавшим без Вести во Вселенной (Цзюфан Янь) в «Чжуанцзы» (стр. 266-267), несмотря на различие в их характерах. Данный фрагмент см. также в «Хуайнаньцзы», цз. 12, VII, 198.]:

— Нет ли в твоём роду кого-нибудь другого, чтобы послать на поиски коня? Ведь годы твои уже немалые!

— У сыновей [моих, вашего] слуги, способности небольшие. [Они] сумеют найти хорошего коня, [но] не сумеют найти чудесного коня. Ведь хорошего коня узнают по [его] стати, по костяку и мускулам. У чудесного же коня [все это] то ли угасло, то ли скрыто, то ли утрачено, то ли забылось. Такой конь мчится, не поднимая пыли, не оставляя следов.

Прошу принять того, кто [знает] коней не хуже вашего слуги. С ним вместе скованный, [я], ваш слуга, носил коромысла с хворостом и овощами. Это — Высящийся во Вселенной.

Мугун принял Высящегося во Вселенной и отправил на поиски коней.

Через три месяца [тот] вернулся и доложил:

— Отыскал. В Песчаных холмах.

— Какой конь? — спросил Мугун.

— Кобыла, каурая.

Послали за кобылой, а это оказался вороной жеребец. Опечалился Мугун, призвал Радующегося Мастерству и сказал:

— [Вот] неудача! Тот, кого ты прислал для поисков коня, не способен разобраться даже в масти, не отличает кобылы от жеребца. Какой же это знаток коней!

— Вот чего достиг! Вот почему он в тысячу, в тьму раз превзошел и меня, и других, [которым] несть числа! — глубоко вздохнув, воскликнул Радующийся Мастерству. — То, что видит Высящийся, — мельчайшие семена природы. [Он] овладел сущностью и не замечает поверхностного, весь во внутреннем и предал забвению внешнее. Видит то, что ему [нужно] видеть, не замечает того, чего ему [не нужно] видеть; наблюдает за тем, за чем [следует] наблюдать; опускает то, за чем не [следует] наблюдать. Конь, которого нашел Высящийся, будет действительно ценным конем.

Жеребца привели, и это оказался конь поистине единственный во всей Поднебесной!

Достойнейший, царь Чу [21. Достойнейший (Чжуан) — царь в Чу с 613 по 591 г. до н.э. Данный фрагмент см. также «Хуайнаныцзы», цз. 12, VII, 195-196.] спросил Чжань Хэ:

— Как управлять царством?

— Ваш слуга постиг, как управлять собой, но не постиг, как управлять царством, — ответил Чжань Хэ.

— Я обрел [право] приносить жертвы в храме предков, на алтаре Земли и Проса [22. «...Приносить жертвы в храме предков, на алтаре Земли и Проса» — право царя. Учреждение такого храма и алтаря означало основание царства, уничтожение храма и алтаря — гибель царства. Следовательно, царское начало здесь совпадало с храмовым (ср. «Чжуанцзы», <253>; «Хуайнаныцзы», цз. 18, VII, 229, 308, 320).]. Хочу научиться, как [его] сохранить.

— [Я], ваш слуга, никогда не слышал о смуте в царстве у того, кто умеет управлять собой; никогда не слышал также о порядке в царстве у того, кто не умеет управлять собой. Поэтому корень в самом себе, а о вершине отвечать не смею.

— Прекрасно! — воскликнул чуский царь.

Старейшина с Лисьего холма задал вопрос Суныну Гордому [23. Суньшу Гордый (Ао) — советник того же чуского царя. Начало эпизода см. также «Хуайнаныцзы», цз. 12, VII, 201; заключительную его часть (начиная с болезни Ао) см. там же, цз. 18, VII, 306; «Весна и осень Люя», цз. 10, VI, 101.]:

— Знаешь ли ты о трех людских печалях?

— О каких? — спросил Суньшу Гордый.

— О людской зависти к человеку высокого ранга, о государственной ненависти к человеку на высоком посту, о недовольстве теми, кто получает большое жалованье?

— Могу ли избежать этих трех печалей? — спросил Суныну Гордый. — Чем выше мой ранг, тем скромнее желания; чем важнее мой пост, тем смиреннее мои думы; чем больше мое жалованье, тем щедрее мои раздачи.

Заболев, Суньшу Гордый перед смертью наказал своему сыну:

— Царь настоятельно хотел пожаловать мне владения, я же не принимал. Когда я умру, царь станет жаловать тебя. Ни в коем случае не бери выгодной земли. Вот есть Холм Усопших между Чу и Юэ. Земля там тощая, и слава о ней ходит недобрая. Чусцы [ее] опасаются из-за душ покойников, а юэсцы из-за предзнаменований. Только ее [и бери]. Ею можно владеть долго.

После смерти Суньшу Гордого царь действительно предлагал его сыну выгодные земли, но сын отказался, не взял и попросил Холм Усопших. Дали [сыну] Холм Усопших, и [его] поныне не утратил [род Суньшу Гордого].

Бык с Изъяном [24. Вариант фрагмента о Быке с Изъяном (Ню Цюэ) см. также «Весна и осень Люя» (цз. 14, VI, 156), «Хуайнаньцзы» (цз. 18, VII, 321).], важный конфуцианец с Верхних земель, спускался в Ханьдань и в Песках встретил разбойников. [Они] отобрали у него все: одежду, поклажу, повозку, буйвола, — [и он] пошел пешком. Посмотрели на него [разбойники]: [он] весел, нисколько не печалится о потере. Разбойники догнали [его] и спросили, почему [он] весел?

— Благородный муж не станет причинять вред своему здоровью из-за средств к жизни, — ответил Бык с Изъяном.

— Ох, и умен же! Лучше его убить! — воскликнули разбойники и стали советовать. — Ведь [если] такой умник увидится с чжаоским государем, скажет о нас, будет нам беда! — Все вместе догнали его и убили.

Услышал об этом один янец, собрал свой род и всех предостерег:

— Встретите разбойников, не поступайте, как Бык с Изъяном с Верхних земель.

И все согласились с его наставлением.

Вскоре его младший брат отправился в Цинь и, приближаясь к заставе, действительно повстречал разбойников. Помня наказ старшего брата, стал драться, но не осилил да еще побежал следом, униженно прося [вернуть] вещи.

— Мы великодушно оставили тебя в живых, а [ты] без конца гонишься за нами, наводишь на [наш] след, — разгневались разбойники. — Какое уж тут милосердие, раз мы разбойники! — И убили его, а также загубили четверых или пятерых близких ему людей.

Юй был лянским богачом. Дом [его] был полон гостей и изобилия: деньги и шелка не меряны, имущество и товары — не считаны. Восходя на высокую башню у дороги, [он] устраивал пиры — играла музыка, стучали кости.

[Под башней] прохаживались удальцы. На башне раздался смех — [какой-то] игрок, попав в красный нефрит, выиграл две рыбы. А тут в удальцов попала дохлая крыса [25. Данный эпизод см. также «Хуайнаньцзы», цз. 18, VII, 328. Его значение: случайный повод может привести к взрыву давно назревавшего недовольства.], которую уронил пролетающий коршун, и они стали друг другу говорить:

— Юй давно уже наслаждается богатством и презирает других. Мы его не трогали, а [он нас] оскорбил, [кинув] дохлую крысу. [Если] не отомстим и за это, что же останется от нашей отваги? Позовем на помощь таких же, как мы, оскорбленных, поведем всех и наверняка уничтожим его семью, чтобы уравнять отношения между людьми.

Все согласились. Ночью в назначенный день, раздобыв оружие, вся ватага поднялась, напала на Юя и уничтожила [его] со всей семьей.

На востоке жил человек, которого прозвали Старейшим под Знаменем Осторожных [26. Фрагмент о «Старейшем под знаменем Осторожных» (Юань Цзинму) см. также «Весна и

осень Люя», цз. 12, VI, 118.]. Стал он умирать от голода на дороге. Заметил [его] разбойник из Лисьих Отцов, по имени Цю, принялся кормить его кашей и поить вином.

Трижды глотнув, Старейший из Осторожных, открыл наконец глаза.

— Кто ты? — спросил он.

— Я — Цю, из Лисьих Отцов.

— Ох! Не разбойник ли ты? Зачем меня кормишь? Мой долг — не принимать от тебя пищи. — Старейший из Осторожных оперся руками о землю и попытался извергнуть пищу, [но] ничего не вышло. Закашлялся, упал и умер.

Человек из Лисьих Отцов был разбойником, но кормил не награбленным. Тот, кто боится есть, думая, что, съев украденное, сам станет вором, не понимает ни названия, ни сущности.

Опора Жестоких [27. Фрагмент об «Опоре жестоких» (Чжу Лишу) ср. «Весна и осень Люя». цз. 20, VI, 256-257, где комментатор дает вместо прозвища — фамилию, а вместо Надменного (Аогун) — называет царя Мугуна. Варианты взяты из книги Ян Боцзюня (стр. 168-169), со ссылками на сунское издание (X-XIII вв.).] служил у цзюйского царя Надменного. Считая, что [царь] его не ценит, [он ушел], поселился у моря, летом питался водяными каштанами [и зернами лотоса], зимой кормился желудями <знак неразборчив — Л.П.>. Когда же с царем Надменным случилась беда, Опора Жестоких задумал умереть за него и стал прощаться с друзьями.

— Ты же сам считал, что [царь] тебя не ценил, поэтому и ушел. Ныне же отправляешься, чтобы [за него] умереть. Значит, безразлично, ценят [тебя] или не ценят?

— Нет, — ответил Опора Жестоких. — Сам я считал, что [меня] не ценили, поэтому и ушел. Ныне умру, и это [докажет], что действительно не ценили. Я умру за него, чтобы посрамить тех будущих правителей, которые не [сумеют] ценить своих слуг. И проложу прямой путь: каждый будет умирать за того, кто его ценил, и не станет умирать за того, кто его не ценил.

Опору Жестоких можно назвать упорным до самозабвения.

Ян Чжу сказал:

— Тот, кто исходит из выгоды, достигает плодов; того, кто исходит из недовольства, настигают беды. Проявление внутри [себя] и отклик извне — это лишь чувства. Но именно поэтому умный осторожен в проявлениях.

У соседа Ян Чжу пропал баран [28. Эта притча, бытующая в Китае и поныне, а также ряд последующих иллюстрирует противоречие между субъективным и объективным и их единство.]. Чтобы его найти, сосед поднял на ноги общину, попросил и у Ян Чжу его мальчиков-рабов.

— Ох! Зачем так много людей для поисков одного барана? — спросил Ян Чжу.

— На дороге много развилок, — ответил сосед.

— Отыскали барана? — спросил Ян Чжу, когда [они] вернулись.

— [Нет]! Пропал!

— Почему же пропал?

— После [каждой] развилки на дорогах еще развилки. Мы не знали, по которой [баран] ушел, поэтому и вернулись.

От огорчения Ян Чжу изменился в лице и умолк надолго. За весь день ни разу не улыбнулся. Удивляясь, ученики попросили позволить им задать вопрос:

— Почему [вы] перестали говорить и улыбаться? Ведь баран — скотина дешевая, да он и не принадлежал учителю.

Ян Чжу не ответил, и они [ничего] не поняли.

Ученик Мэнсунь Ян вышел и поведал обо всем Судье Столицы. На другой день Судья вместе с Мэнсунь Яном вошел [к учителю] и спросил:

— [Решите], кто из трех братьев прав, а кто неправ. Некогда они странствовали по Ци и Лу, учились у одного наставника. Постигнув учение о милосердии и долге, вернулись домой.

— Каково учение о милосердии и долге? — спросил их отец.

— Милосердие и долг велят мне беречь самого себя, а затем свою славу, — ответил старший.

— Милосердие и долг велят мне стремиться к славе, даже убивая самого себя, — ответил средний.

— Милосердие и долг велят мне сохранить и жизнь и славу, — ответил младший.

Все трое учились в одной школе, а понимание у каждого свое.

— А как вы решите, на чьей стороне истина [в следующей истории]? — спросил Ян Чжу.
— Перевозчик, который живет на берегу реки, привык к воде, смело плавает и управляет лодкой. На переправе зарабатывает столько, что кормит сотню ртов. [И вот], захватив с собой провизию, к нему приходят учиться, но чуть ли не половина учеников тонет.

Учились, собственно говоря, плавать, а не тонуть. Вот какой вред причинило многим то, что принесло одному такую огромную пользу!

Судья Столицы молча вышел, а Мэнсунь Ян стал его укорять:

— Зачем ты задал такой далекий [от темы] вопрос? Учитель ответил так-же туманно. Я еще больше запутался.

— Увы! Ты вырос вблизи Пржеджерожденного, упражняясь в его учении, и так плохо его понимаешь! — ответил Судья. — [Если] баран пропал оттого, что на дороге много развилок, то философы теряют жизнь оттого, что наука многогранна. [Это] не означает, что учение в корне различно, что корень [у него] не один; но [это показывает], как далеко расходятся [его] ветви. Чтобы не погибнуть и обрести утраченное, необходимо возвращение к общему [корню], возвращение к единству.

Младший брат Ян Чжу по имени Бу отправился, надев белое платье. Пошел дождь. [Он] снял белое и сменил его на черное. [Когда же] вернулся домой, собака его не узнала и встретила лаем. Ян Бу рассердился и хотел прибить собаку.

— Не бей! — сказал ему Ян Чжу. — Разве ты сам не удивился бы, если бы собака ушла белой, а вернулась черной? Ты поступил бы так же, [как она].

Ян Чжу сказал:

— Творят добро не ради славы, а за добром следует слава. [Творят ради] славы, не ожидая наживы, а за славой следует нажива. [Творят ради] наживы, не ожидая тяжбы, а за наживой следует тяжба. Вот почему благородный муж должен остерегаться творить добро [29. Изучая причины и следствия поступков, Ян Чжу соединяет противоположности: добро — слава — выгода — тяжба, и доказывает, что одна неизбежно обращается в другую. Сходное положение см. «Дао дэ цзин», §27, <<Чжуанцзы>. стр. 281>].

В старину жил проповедник, учивший, как познать путь к бессмертию. Яньский царь послал за ним, [но] посланец не спешил, и тот проповедник умер. Яньский царь сильно разгневался и собрался было казнить посланца, когда любимый слуга подал царю совет:

— Люди более всего боятся смерти, более всего ценят жизнь. [Если] сам проповедник утратил жизнь, как мог бы он сделать бессмертным царя?

[Посланца] пощадили.

Цицзы также хотел научиться бессмертию и, услышав, что проповедник умер, стал бить себя в грудь от досады. Услышал об этом Богач и принялся над ним смеяться:

— Сам не знает, чему собрался учиться. Ведь тот, у кого хотели научиться бессмертию, умер. Чего же он огорчается!

— Богач говорит неправду! — сказал Хуцзы. — Бывает, что человек, обладающий средством, не способен его применить; бывает также, что способный применить средство им не обладает. Некий вэец прекрасно умел считать. Перед смертью [он] передал сыну свой секрет в виде притчи. Сын слова эти запомнил, а применить их не сумел. [Он] передал слова отца другому человеку, который у него спросил. И тот человек применил секрет не хуже, чем это делал покойный. Вот так [и с бессмертием]! Разве умерший не мог рассказать о том, как познать путь к бессмертию?

Народ Ханьдана в день Нового года подносил Цзяньцзы [30. [Чжао] Цзяньцзы — правил в Чжао с 517 по 458 г. до н.э. В данном фрагменте дается еще пример перехода одной противоположности в другую: милосердие обращается в убийство.] горлиц. В большой радости Цзяньцзы щедро всех награждал.

— Зачем? — спросил гость.

— Проявляю милосердие — отпускаю [птиц] на волю в день Нового года.

— Всем известно желание царя отпускать [птиц] на волю, оттого и ловят горлиц, соревнуясь и убивая [при этом] тьму [птиц]. Если царь хочет оставить горлиц в живых, пусть лучше запретит их ловить. [Если же] отпускать на волю пойманных, спасенные из милосердия не восполнят числа убитых.

— Верно! — согласился Цзяньцзы.

Тянь, царь Ци, принес жертву и угощал при дворе тысячу гостей. [Когда] всем сидевшим в центре стали подносить гусей и рыбу, царь посмотрел на пирующих и, вздохнув, сказал:

— Как щедро Небо к народу! Для нас оно размножает злаки, плодит рыб и птиц.

Все гости, соглашаясь с ним, откликнулись, точно эхо. [Но] из второго ряда выступил двенадцатилетний сын Дубильщика. Он вышел вперед и сказал:

— Так ли говоришь, государь? Небо и земля порождают тьму существ так же, как и нас. Среди созданий нет ни благородных, ни презренных. Одни властвуют над другими только потому, что больше, сильнее и умнее их. Одни пожирают других, но не потому, что те рождены быть съеденными. Разве небо создает существа [31. Спор между идеалистом, признающим Небо — творца, и материалистом, отрицающим волю Небес и сословное деление общества, доказывающим стихийность процессов природы, интересен также образами самих спорящих: идеалист — царь; материалист, за которым остается последнее слово, — юный ремесленник.] на потребу человеку? Нет, человек сам выбирает их себе в пищу. Комары и москиты, впиваясь в тело человека, сосут его кровь; тигры и волки его пожирают. Так неужели же небо породило человека для того, чтобы комары и москиты сосали его кровь, а тигры и волки его пожирали?!

В Ци жил нищий, который постоянно просил подаяния на городском базаре и так всем надоел, что никто ему больше не подавал. Тогда бедняга отправился на конюшню рода Тянь, стал подручным у коновала, после которого и доедал.

Жители предместья принялись над ним издеваться:

— Какой позор доедать после коновала! Побирושка же отвечал:

— Нет на свете большего позора, чем нищенство. Если [я]; не стыдился просить, что же [мне] стыдиться коновала [32. Конавал — профессия, презиравшаяся в древнем Китае, по-видимому, не менее, чем нищенство.]

Некий сунец шел по дороге и подобрал брошенную [кем-то] бирку <с договором>. Вернувшись домой, [сунец] спрятал бирку, таясь пересчитал [на ней] зарубки и похвастался перед соседом:

— Меня ожидает богатство!

У одного человека засох платан [33. Эту направленную против суеверий притчу, бытующую в Китае и доньне, см. также «Весна и осень Люя», цз. 16, VI, 195.], и старик-сосед ему сказал:

— Сухой платан — предвестник беды!

Тот человек поспешно срубил дерево, а старик-сосед попросил себе дерево на дрова.

Опечалился тот человек и сказал:

— Вот какой у меня сосед! Ну и хитер же! Ведь ему только и хотелось дров, потому и научил меня срубить дерево!

Пропал у одного человека топор [34. Эта притча (см. «Весна и осень Люя», цз. 13, VI, 128-129), живет и поньне.]. Подумал он на сына своего соседа и стал к нему приглядываться:

ходит, как укравший топор, глядит, как укравший топор, говорит, как укравший топор, — [словом], каждый жест, каждое движение выдавали в нем вора.

Но вскоре тот человек стал вскапывать [землю] в долине и нашел свой топор. На другой же день снова посмотрел на сына своего соседа: ни жестом, ни движением не походил [он] на вора.

Бэйгун Шэном завладела мысль о мятеже. После приема [у царя] он стоял, опираясь на перевернутый посох. Острие посоха прокололо ему щеку, кровь стекала на землю, а он ничего не заметил.

Услышали об этом чжэнцы и стали говорить:

— [Если] забыл о своей щеке, способен забыть обо всем. Пойдет — наткнется на бревно, свалится в яму или ударится головой о дерево. Захвачен одной мыслью и больше ни на что не обращает внимания.

Когда-то одному цисцу очень хотелось золота [35. См. также «Весна и осень Люя», цз. 16, VI, 195.]. Утром пораньше одел он платье и шапку, отправился на базар, подошел прямо к меняле, схватил золото и кинулся прочь.

Поймав его, стражник спросил:

— Как мог ты украсть чужое золото? Ведь кругом были люди!

— Когда я брал, никого не заметил, видел лишь золото, — ответил цисец.